

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/96

ISSN 0131 – 2812

Экономические отношения
России со странами АТР

Машиностроение в Приморье

Модернизация сельского
хозяйства: опыт Китая

Политическое будущее Гонконга

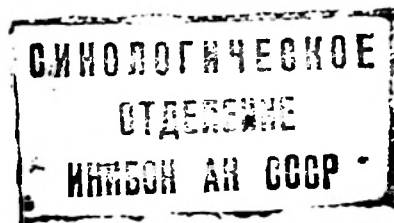

Китайские диалекты сегодня

1-й 983

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/96

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

РЕГИОН

<i>Г.Габуня.</i> Экономические отношения России со странами АТР.....	3
<i>Ким Ен У.</i> Перспективы корейско-российского научно-технического сотрудничества в преддверии XXI века.....	10
<i>Е.Степанов.</i> Еще раз относительно советско-американского соглашения 1990 г. о линии разграничения морских пространств.....	14

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>В.Созинов.</i> Машиностроение и металлообработка в Приморском крае: ситуация и перспективы.....	22
--	----

НАШИ РЕФЕРАТЫ

✓ <i>М.Карнов.</i> Концептуальные подходы американских синологов к социально-политической ситуации в Китае.....	30
---	----

ПОЛИТИКА

Чжэн Юйшэн. Политическое будущее Гонконга.....	36
--	----

ЭКОНОМИКА

✓ <i>М.Потапов.</i> О проблеме защиты прав интеллектуальной собственности в китайско-американских торгово-экономических отношениях.....	47
---	----

Ю.Цыганов, П.Остров. Автомобильная промышленность Китая.....	52
С.Алексахина. Пути модернизации сельского хозяйства: опыт материкового Китая и Тайваня.....	61

ИСТОРИЯ

✓ А.Писарев. Чан Кайши и проблемы реконструкции китайской деревни.....	72
Ки Кван Со. Земельная реформа 1946 г. в Северной Корее: ее ход и значение.....	83

РУССКИЕ В КИТАЕ

Е.Таскина. Китай на полотнах русских художников Харбина и Шанхая.....	93
---	----

КУЛЬТУРА

Е.Фадеева. Реализм или неореализм? (Китайская литература "позднего нового периода").....	100
О.Завьялова. Китайские диалекты сегодня.....	108
М.Захарова. Отображение культа чая в китайской литературе.....	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

✓ Л.Гудошников, А.Ларин. Российско-тайваньская конференция.....	127
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Сюй Мин. Чжай Синьхуа. Истоки рыночной экономики в Китае. Наше переосмысление рыночной экономики.....	131
В.Корсун. Б.В.Чудодеев, З.Д.Каткова. Китай и Япония: любовь или ненависть?.....	134
К.Кокарев. Харро фон Зенгер. Введение в китайское право.....	138
В.Малявин. А.А.Маслов. Небесный Путь боевых искусств. Духовное искусство китайского ушу.....	143
А.Жебин. А.В.Торкунов, Е.П.Уфимцев. Корейская проблема: новый взгляд.....	146
К.Барский. М.Свейн. Китай: внутренние перемены и последствия для внешней политики.....	150
О.Чжао. Большой энциклопедический словарь "Тонконг". Раздел "Экономика".....	154

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Я.М. Бергер (зам.главного редактора), Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Н. Кашин, В.В. Малявин, С.А. Манежев, П.А. Минакир, В.С. Мясников, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, Б.Л. Рифтин, Н.Н. Соловьев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, Г.Д. Сухарчук, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (отв. секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Регион

Экономические отношения России со странами АТР (выступление на Конференции РНКТЭС)*

© 1996

Г.Габуня

1. Роль и значение АТР в мировой экономике

При разработке внешнеэкономической политики России на ближайшую перспективу особое внимание следует уделять развитию торгово-экономических связей со странами АТР. Россия, обширная часть территории которой обращена к Азии, с большой заинтересованностью отмечает, что накануне XXI века Азиатско-Тихоокеанский регион становится одним из важных мировых центров роста, международным торговым и финансовым центром.

Показатели экономического развития в большинстве стран региона существенно превосходят среднемировые. Страны АТР демонстрируют рост валового внутреннего продукта (ВВП) на уровне 5-6% в год, внешней торговли - 9-11. Для новых индустриальных стран (НИС) и государств АСЕАН эти показатели еще выше: темпы роста ВВП - около 7%, внешней торговли - 14. НИС и страны АСЕАН представляют собой в настоящее время один из самых динамично развивающихся регионов в мире.

На эти страны приходится около 60% мирового производства. При этом опережающими темпами расширяются внутрорегиональная торговля и инвестиционные потоки (удельный вес АТР в мировой торговле увеличился до 40%).

В своем стремлении сохранить эту динамику, своевременно адаптироваться к воздействию технологических и финансовых факторов мировой экономики многие страны АТР встают на путь экономических реформ, включая изменение регулирующей роли государства, преобразования в банковской сфере, либерализацию внешней торговли и иностранных инвестиций.

Широкое распространение получило осуществление проектов многостороннего сотрудничества в сопредельных районах стран Восточной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии (зоны экономического роста).

Рынки АТР, даже экономически менее развитые, представляют собой благоприятную сферу для стратегического инвестирования. Это связано в

Габуня Георгий Валерисвич, заместитель министра внешнеэкономических связей России

* Российский национальный комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС)

первую очередь со значительными потенциальными возможностями и преимуществами - стабильным ростом доходов на душу населения, расширением потребительских рынков, технологическим обновлением производственной базы, прогрессом в подготовке квалифицированных кадров и др.

Принципиальной особенностью в развитии интеграционных процессов в АТР является тесное взаимодействие предпринимательства и политики.

Итоги Уругвайского раунда переговоров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), преобразование ГАТТ во Всемирную торговую организацию (ВТО) свидетельствуют о доминирующей тенденции либерализации глобальной международной торговли на основе согласованных правил. Несомненно, результаты Уругвайского раунда означают значительное укрепление многосторонней торговой системы и, будучи повсеместно реализованными, создадут благоприятный климат для развития экономических связей как на региональном, так и на глобальном уровне.

Не умаляя значения ВТО, но принимая во внимание громадный разрыв в уровне социально-экономического развития отдельных стран, разнообразие политических, исторических, географических, культурных и прочих условий, можно ожидать, что процесс гармонизации международных экономических интересов всех членов мирового сообщества в рамках ВТО будет достаточно сложным и длительным. Тем более, что наряду с указанными выше событиями на многостороннем уровне происходят интенсивные региональные интеграционные процессы: достаточно упомянуть ЕС, НАФТА, АТЭС.

В этих условиях региональные многосторонние экономические организации приобретают особое значение для повышения эффективности взаимодействия стран АТР, развития интеграционных процессов на основе взаимоприемлемых принципов либерализации международной торговли и иностранных инвестиций.

2. Роль дальневосточных регионов России в развитии внешне-экономических связей со странами АТР

Наиболее перспективным российским регионом в деле развития сотрудничества со странами АТР является огромный по площади, богатый ресурсами Дальний Восток, который представляет собой географическое продолжение динамично развивающегося "тихоокеанского кольца", естественный выход России в АТР.

Развитие районов Дальнего Востока долгое время жестко регулировалось из центра в целях обеспечения оборонной безопасности государства; большинство районов региона были закрытыми зонами, поскольку здесь в течение многих лет создавался значительный потенциал для нужд ВПК. В результате указанные регионы в экономическом отношении были в значительной степени оторваны от стран АТР, от своих ближайших соседей.

На решение острых социально-экономических проблем, стоящих перед дальневосточными регионами, направлена разработанная на основании указа Президента Российской Федерации Программа долгосрочного развития Дальнего Востока с учетом закрепления населения, структурной перестройки и вовлечения региона в мировое хозяйство через страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

В частности, с целью создания благоприятных условий для экономической интеграции дальневосточной экономики в АТР Программа ставит следующие задачи

- расширение прав и полномочий регионов в сфере внешнеэкономической деятельности;
- обеспечение правительственных гарантий отечественным и иностранным инвесторам, стабильного налогового и таможенного законодательства, приоритетного кредитования государственных и коммерческих программ с участием стран АТР;
- стимулирование привлечения иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока и Забайкалья с учетом структурных приоритетов и решения проблемы занятости населения;
- введение налоговых, страховых и кредитных инструментов стимулирование экспорта продукции и совершенствования структуры внешней торговли;
- проведение более активной государственной политики проникновения российских товаропроизводителей на рынки стран АТР, представление и защита их интересов;
- создание механизма, позволяющего аккумулировать в регионах доходы от внешнеторговых операций с целевым направлением этих сумм на инвестиции;
- обеспечение финансирования развития комплексной инфраструктуры на Дальнем Востоке, привлечение российских и зарубежных коммерческих структур и банков к финансированию строительства и реконструкции транспортных объектов, телекоммуникационной сети, гостиниц и др.;
- создание свободных экономических зон, включая таможенные, внедренческих зон и зон экспортного производства;
- создание современной системы информационного обеспечения ВЭД, включая формирование банка данных об экономическом потенциале дальневосточных регионов и стран АТР, реестра надежных партнеров, информационной базы и по правовой защите инвестиций;
- развитие сотрудничества с международными экономическими и финансовыми организациями, зарубежными инвестиционными фондами, эффективному использованию зарубежной технической помощи.

3. Экономическое сотрудничество России со странами АТР

Важной особенностью торговых отношений России со странами региона в 1994 г. было существенное положительное сальдо внешнеторгового баланса (4,7 млрд.долл.).

Однако развитие внешнеэкономических связей России со странами Азии и Тихоокеанского региона в настоящее время в значительной степени сдерживается слабостью инфраструктуры - транспортной, энергетической, финансовой, информационной.

В то же время у российских производственных объединений и коммерческих структур есть хорошие возможности компенсировать действие негативных факторов и падение традиционных поставок в страны АТР экспортом оборудования, а также лицензий и наукоемких разработок.

Большую роль в подъеме экспорта по всем товарным группам, прежде всего по промышленным изделиям, могут сыграть практически не используемые нами, но все шире применяемые в мировой практике прямые инвестиции в создание за рубежом производств, ориентированных на местные рынки и экспорт в третьи страны. В ряде стран для этих целей возможно использовать долговые обязательства по кредитам бывшего СССР. Именно страны

Азии и АТР с их льготным режимом иностранного инвестирования являются оптимальными объектами для вложений России.

То же самое можно сказать и об импорте капитала. Многие страны Азии, и особенно АТР, по некоторым аспектам, несомненно, окажутся для нас более предпочтительными инвесторами, чем развитые страны Запада.

Особенно важным для нас является сотрудничество в производстве товаров народного потребления. Заметную роль здесь могут сыграть инвестиции новых индустриальных стран АТР для создания совместных производств текстиля, обуви, кожаных изделий, медтехники. Значительную эффективность может иметь совместное производство бытовой радиоэлектроники, электробытовых приборов - холодильников, стиральных машин, микроволновых печей и т.д. Очень важно привлечение не только иностранного капитала в финансовой или материальной форме, но и заимствование управленческого опыта - приглашение на работу в СП иностранного управленческого персонала.

Необходимо сдвинуться с мертвой точки на наиболее перспективном направлении - сотрудничестве в сфере высоких технологий, в том числе конверсионных. Здесь на базе иностранных инвестиций и ноу-хау из АТР возможна организация поточных высокотехнологических производств: элементной базы микроэлектроники, средств оптико-волоконной связи, компьютеров и периферийных устройств к ним и т.д.

К этому примыкает и еще одна важная область сотрудничества, которая может сравнительно быстро дать большую отдачу - коммерциализация компаниями стран АТР российских научно-технических разработок и результатов фундаментальных исследований. Ведь у нас есть направления исследований, где мы занимаем ведущие позиции: космические исследования, физика высоких энергий, лазеры, новые материалы и т.д.

4. Перспективы сотрудничества России со странами АТР

Значимость для России стран этого региона определяется рядом факторов:

1. Становление АТР в качестве наиболее динамично развивающегося центра роста мировой экономики обуславливает необходимость расширения российского присутствия в этом регионе.

2. Сложившаяся исторически ориентация российской экономики на Запад, с которой связывают возможности получения кредитов, опыта управления, новых технологий и оборудования, а также сбыта энергоносителей и сырья, отнюдь не исключает возможностей экономической активизации России на восточном направлении.

В АТР мы имеем дело с начальной фазой интеграционных процессов государств, находящихся на разных этапах экономического развития, что создает, в известном смысле, более благоприятные условия для интеграции России в экономику региона. К тому же продуманная стратегия внешнеэкономической деятельности на Востоке могла бы позволить России получить определенные преимущества в отношениях с Западом.

3. Расширение взаимовыгодного экономического сотрудничества со странами АТР могло бы способствовать выравниванию уровней социально-экономического развития регионов России, а также ослаблению центробежных тенденций в Сибири и на Дальнем Востоке. В этом плане взвешенные общегосударственные ориентиры призвана наметить разрабатываемая в настоящее время Федеральная программа долгосрочного развития Дальнего Востока.

4. Экономическое сотрудничество со странами АТР открывает возможности для облагораживания структуры российского экспорта. Структурная перестройка промышленности большинства стран региона, модернизация сельского хозяйства, расширение и совершенствование систем связи и транспорта, осуществление крупных инвестиционных программ предопределяют увеличение спроса на машины, оборудование и технологии, причем не только ультрасовременные. Улучшение экономической ситуации в большинстве стран АТР вызвало рост внутреннего потребления, а следовательно, расширение потенциальных рынков для российских товаров.

5. Наблюдающиеся в регионе в последние годы процессы либерализации торговли, не говоря уже о реализации принятых деклараций и соглашений, создают более благоприятные условия для российских экспортеров машинотехнической продукции, проката, химических товаров, нефтепродуктов. Растущий интерес проявляют страны региона и к закупкам российской военной-технической продукции.

6. Расширение участия России в перспективных многосторонних экономических проектах в регионе может позволить более успешно решать и проблемы национальной экономики.

7. Прямые торгово-экономические связи со странами АТР позволят в значительной степени повысить эффективность российского импорта. Качество азиатских товаров вполне соответствует мировым стандартам при зачастую более низких, по сравнению с западноевропейскими, ценах.

8. Хорошие перспективы имеются также для масштабного инвестиционного сотрудничества со странами АТР, сооружения там крупных объектов. Никакой другой регион мира в настоящее время не предоставляет столько возможностей для экспорта комплектного оборудования (Китай, Индия, Вьетнам и др.).

9. В то же время накопление значительных валютных резервов в некоторых динамично развивающихся странах АТР расширяет их потенциальные возможности для инвестиционной деятельности в России.

10. Активное сотрудничество с АТР позволит также на практике использовать их опыт организации и управления внешнеэкономическими связями. Использование Россией этого опыта, в частности в сфере стимулирования экспорта, могло бы принести немалый эффект в ходе совершенствования отечественного внешнеэкономического комплекса, а также при освоении новых форм торгово-экономического сотрудничества.

Приобретение прочных позиций в этом регионе будет способствовать повышению роли и влияния России на общие политико-экономические процессы в мире, раскрытию ее уникального евроазиатского характера.

Анализируя состояние и перспективы участия России в бурно протекающих процессах экономической интеграции АТР, приходится констатировать значительное отставание России от большинства стран региона. Причины этого отставания во многом носят объективный характер: Россия только вступила на путь построения открытой рыночной экономики и пр. Однако это лишь подчеркивает необходимость существенной активизации усилий по расширению российского присутствия в региональных экономических группировках и соглашениях для обеспечения российских национальных интересов на ранних стадиях выработки определяющих нормативных документов. Без такой активизации в обозримом будущем Россия может оказаться в неблагоприятной торгово-экономической позиции в регионе перед лицом разветвленной, взаимоувязанной и сбалансированной без учета российских интересов системы торговых союзов и соглашений.

Россия, являясь крупной азиатско-тихоокеанской державой, не может игнорировать этот процесс. Так же, как и интеграционные процессы в этом регионе без участия России не будут полноценными. В этом смысле интеграция России в региональную экономику является историческим императивом и лежит в русле долгосрочной стратегии российского правительства.

Давно назрела необходимость расширения практического участия российских экспертов в работе комитетов, форумов и рабочих групп СТЭС и ТЭС, членами которых мы уже являемся. Надо добиваться скорейшего приема в качестве полноправного члена в АТЭС и включения наших экспертов в работу в его комитетах и рабочих группах. Целесообразно также в возможно более короткие сроки определить свою позицию в отношении Азиатского банка развития, играющего все более заметную роль в региональном инвестиционном процессе.

Определенные перспективы могло бы также иметь серьезное изучение возможности налаживания прямых торгово-экономических отношений с такими экономическими группировками, как НАФТА, АСЕАН и др.

Активизация позиции России в процессах региональной интеграции АТР могла бы улучшить перспективы участия в таких крупных, находящихся пока на стадии обсуждения проектах многостороннего регионального сотрудничества, как "Экономическая зона Японского моря", "Большой Китай", Зона свободной торговли в северо-западной части Японского моря и ее дальнейшее объединение с северо-американской зоной свободной торговли и др.

5. Об отношении к экономическим интеграционным группировкам в АРТ

В Азиатско-Тихоокеанском регионе в настоящее время функционирует целый ряд региональных и субрегиональных правительственных и неправительственных экономических организаций, наиболее значительными из которых являются АТЭС, СТЭС, ТЭС.

Как известно, являясь членом СТЭС и ТЭС, Россия в марте 1995 г. подала официальную заявку о вступлении в полноправные члены АТЭС. В связи с действием трехлетнего моратория на прием новых членов, установленного в 1993 г., реально оно может состояться только в конце 1996 г., по истечении моратория.

Кроме общерегиональных экономических организаций, в зоне "тихоокеанского кольца" сейчас действуют 4 субрегиональных торгово-экономических соглашения, объединяющие 12 стран - членов АТЭС:

- о создании зоны свободной торговли стран АСЕАН;
- торговое соглашение о более тесных экономических отношениях между Австралией и Новой Зеландией (АНЗКЕРТА);
- Северо-американское соглашение о свободной торговле (НАФТА);
- Чилийско-мексиканское торговое соглашение, которое практически будет инкорпорировано в НАФТА в случае успешного завершения переговоров о вступлении Чили в эту организацию.

К этому необходимо добавить возможные результаты многосторонних переговоров по экономической интеграции стран американского континента. Прежде всего это переговоры между НАФТА, МЕРКОСУР (Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай), странами Андского пакта и остальными странами американского континента (включая страны КАРИКОМ - Карибский общий рынок и КАКМ - Центрально-американский общий рынок) о создании в ближайшей перспективе Общеамериканской зоны свободной торговли (ОЗСТ).

Недавно было принято решение о перенесении сроков создания зоны свободной торговли стран АСЕАН (АФТА) с 2008 г. на 2003 г., а при благоприятном развитии событий - на 2000 г.

Учитывая высокий уровень экономической взаимозависимости ведущих стран этих субрегиональных соглашений и группировок, а также параллельное вхождение некоторых крупных государств (США, Канада, Мексика, Чили и др.) сразу в несколько субрегиональных структур, следует отметить, что возникает довольно сложный конгломерат торгово-экономических организаций и договоров, с которым сталкивается Россия при выходе на эти рынки.

Так или иначе, в АТР уже активно действуют организации, имеющие явно интеграционную направленность и функционирующие на всех уровнях - как на межправительственном, так и в среде деловых кругов. Эти форумы вполне могут и должны использоваться как механизм сближения между Россией и странами региона в целом ряде областей экономического сотрудничества.

Наряду с этим в АТР имеется целый ряд международных экономических проектов, осуществляемых либо под эгидой ООН и других международных организаций, либо в рамках межправительственных многосторонних соглашений. Речь идет прежде всего о создании различных "треугольников роста" и свободных экономических зон, осуществлении международных программ по развитию торговли, транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, охране окружающей среды и др.

В этой связи в качестве одного из позитивных примеров можно отметить участие России в региональном проекте ПРООН по развитию бассейна реки Туманной (Россия, КНР, КНДР, Республика Корея и Монголия). Проект призван обеспечить реальное вовлечение российского Дальнего Востока в интеграционное экономическое сотрудничество со странами АТР.

В заключение необходимо отметить, что интеграция России в систему экономических отношений АТР потребует известного времени и решения многих политических и экономических проблем, внедрения в практику торговли и взаимоотношений с другими государствами норм и правил, принятых в мировом сообществе, адаптации внутреннего законодательства к требованиям многосторонних договоров и соглашений.

В этом сложном процессе РНКТЭС может и должен играть важную роль во взаимодействии и отстаивании российских интересов в таких влиятельных международных организациях, как СТЭС и ТЭС, выступать в качестве своеобразного "мозгового центра", аккумулирующего и интегрирующего государственные и региональные интересы, научные разработки и интересы деловых кругов.

Перспективы корейско-российского научно-технического сотрудничества в преддверии XXI века*

© 1996

Ким Ен У

Охвативший весь мир отход от "холодной" войны, начало которому положила перестройка в России, внес решающий вклад в прекращение гонки вооружений и политического соперничества. С другой стороны, он привел к хаосу при выборе ориентиров, основанных на новых ценностях и на прогрессе разума. В настоящее время человечество проходит цивилизационную проверку, заключающуюся в том, чтобы найти ответ на вопрос, что такое универсальные ценности и как должны развиваться общество и человек.

Научно-техническая революция и ее результаты привели к появлению новых технологий и услуг, что вызвало радикальные перемены в уровне развития производительных сил, содержании и образе жизни как отдельных стран, так и всего мира.

Сейчас мир вступает в эпоху экономического и технологического соперничества. Научно-техническая революция не только обостряет конкурентоспособность новой парадигмы межличностных, общественных и международных отношений. Реальность заключается в том, что человечество больше заботится о стратегии национального выживания за счет обеспечения превосходства в экономическом и технологическом соревновании, чем о перспективах цивилизационных перемен.

В этой обстановке была создана Всемирная торговая организация (ВТО) как система, образующая новую основу для экономического и технологического соперничества, и выдвинуты в качестве глобальных проблемы международной торговли, экологии, технологии, инвестиций и интеллектуальной собственности.

Очевидно, что мир становится обществом без границ, обществом телекоммуникаций. Развитие средств передачи информации и связи ведет к дальнейшему углублению взаимозависимости всех государств. Важно, чтобы расширение этой взаимозависимости вело к появлению правил соперничества и сотрудничества, основным постулатом которых было бы совместное процветание и общее благо.

Соревнование и сотрудничество - это два рычага развития. Только при достижении согласия относительно общих принципов развития и общих ценностей, эпоха экономического и технического соперничества и сотрудничества перерастает в эпоху благоденствия. Однако надо смотреть в глаза реальности:

Ким Ен У, директор Института политики в области науки и техники (Республика Корея)

* Выступление на заседании Ученого Совета ИДВ РАН в связи с присуждением звания почетного доктора ИДВ РАН

в этом процессе конкуренция становится безжалостной, создаются общие правила управления мировой экономикой, которые более выгодны сильным.

Во-первых, техноглобализм и технонационализм сосуществуют, наука и техника монополизуются развитыми странами и их свободное распространение в мире по-прежнему ограничивается. Техноглобализм повсеместно наталкивается на технический протекционизм, отказ в передаче технологий, являющихся важным фактором экономического развития. В качестве примера негативного характера технонационализма можно назвать замкнутый стратегический альянс между главными производителями технологий развитых государств, приведший к ограничениям в передаче технологий.

Во-вторых, борьба за технологическое превосходство между США, Японией и ЕЭС ведет к появлению рынка отсталых технологий и усилению технологической монополии. Разработчики новых технологий имеют исключительное право на интеллектуальную собственность, однако такое право не должно использоваться в качестве орудия, препятствующего техническому прогрессу. Есть необходимость выработать новые правила, призванные содействовать распространению технологии в противовес существующей протекционистской тенденции.

В третьих, финансово-промышленные группы, своего рода государства в государстве, как, скажем, Тэу, наращивают собственную научно-техническую базу, что усиливает тенденции к научно-техническому протекционизму. Протекционизм отдает приоритет передовым в технологическом отношении странам. Думается, что научно-техническим протекционизмом объясняется и тот эффект бумеранга, который продемонстрировала в течение последних десятилетий Япония, начиная с заимствования технических новшеств, а затем перешедшая к размещению промышленных предприятий за пределами своей страны.

В-четвертых, глобальной проблемой становится защита окружающей среды, без чего ни одна страна не надеется на успех. В этой ситуации необходима концентрация усилий, направленных на устранение причин загрязнения окружающей среды. К сожалению, экологические проблемы не признаны глобальными.

В-пятых, вряд ли стоит ожидать, что государства, обладающие высокими технологиями, будут в значительной мере содействовать развитию в слабых странах сверхскоростных систем передачи информации, скоростных видов транспорта, внутренних информационных сетей, формированию жизнеспособных региональных экономических сообществ. Все это средства конкурентной борьбы для передовых стран.

В-шестых, страны Северо-Восточной Азии попадают в большую зависимость от развитых стран. Поэтому без сотрудничества в сфере науки и технологии, а также в сфере внедрения технических новшеств в производство трудно ожидать достижения уровня развитых стран и выхода в число равноправных партнеров по экономическому сотрудничеству на мировой арене.

Здесь уместно коснуться Корейско-Российского сотрудничества и, в особенности, проектов совместного развития обеих стран в области науки и техники. После нормализации отношений между Кореей и Россией сотрудничество между двумя странами в течение нескольких лет достигло больших успехов. Растет взаимодействие двух стран на международной арене, в области экономики, науки и техники.

Перспективы и потенции корейско-российского сотрудничества, особенно в науке и технике, довольно высоки, и полагаю, обе стороны способны

сделать решающие шаги в интересах совместного развития и соцветания при соблюдении принципов взаимной поддержки и помощи.

К настоящему времени сложилась благоприятная атмосфера для научно-технического сотрудничества между Кореей и Россией: россиянам присущ уверенный, основанный на опыте, подход к научно-техническим проблемам, корейцам - уверенность в определении перспектив развития общества на базе научно-технических инноваций. Если обе стороны сосредоточат усилия на решении научно-технических задач, то они обретут новые стимулы экономического развития и в конечном итоге выведут двустороннее сотрудничество на высокий мировой уровень.

Соединение научно-технического потенциала России, ее заделов в фундаментальных науках с индустриальными возможностями и опытом Кореи может дать высокие результаты. В частности, можно ожидать прироста взаимных выгод на всех этапах сотрудничества: технология - производство - продажа. Правда, между Кореей и Россией пока нет надежной правовой основы сотрудничества в сфере экономики, науки и техники.

Правительством Кореи финансируется 83% всех работ по развитию науки и техники, существенно укреплена финансовая база ведомственных и других научно-исследовательских центров. Следует принимать во внимание и то, что начиная с 1980 г. ежегодные бюджетные ассигнования на развитие науки и техники в Корею растут примерно на 30% и в результате к настоящему времени составляют 2,3% ВВП.

Корея и Россия находятся накануне перехода к высокотехнологической экономике, где будет господствовать триединая парадигма: знания-техника-информация. На протяжении последних 50 лет Корея развивалась при активном использовании своей рабочей силы и капитала, теперь же ей предстоит перейти к интенсификации технологических достижений, индустриальной и внешнеторговой инфраструктуры. Насколько мне известно, Россия и ее деловые круги, формируя рыночную экономику в либеральных условиях, тоже готовятся к грядущим переменам, к проведению крупномасштабных опытов в экономике. Уверен, что если в преддверии таких перемен обе наши страны сумеют соединить свои силы, то они смогут многому друг у друга поучиться и помочь друг другу.

Корея начала проявлять интерес к освоению космоса, к проблемам ядерного синтеза и другим фундаментальным наукам. Насколько мне известно, Россия ищет эффективные пути развития экономики, освоения передовых технологий. Это значит, что Корея и Россия могли бы строить такие отношения, которые позволили бы им успешно развиваться. В то же время, ни Корея, ни Россия не желают оставаться вне мирового экономического или технологического порядка в грядущем XXI веке. Наша задача - стать равноправными партнерами. И надо надеяться, что сотрудничество наших двух стран окажется решающим вкладом в то общее дело, которое ставит перед нами сама эпоха.

В настоящее время в Корею осуществляется государственное форсирование научных исследований в интересах развития передовой науки и технологии. Эти работы осуществляются министерством науки и технологии, министерством торговли и промышленности, министерством окружающей среды и другими правительственными учреждениями, в ведении которых находится более 20 научно-исследовательских учреждений, отдельных научных центров, лабораторий, опытных и испытательных предприятий. В этих учреждениях изучаются универсальные системы информационного обеспечения, высококачественного телевидения; изучаются новые лекарственные препараты, хими-

каты для сельского хозяйства; ведутся исследования автомобильной техники будущего, полупроводниковой техники и технологии; изучаются ультрасовременные материалы для нужд информатики, электроники и энергетики; исследуются сверхновые производственные системы; разрабатываются технические новинки и технологии защиты окружающей среды, новые источники и методы добычи энергии; ведутся исследования атомного строения вещества.

Начиная с 1982 г. наступил продолжительный и наиболее знаменательный в истории нашей страны период прорыва в научно-технических исследованиях. Особенно заметный прогресс был достигнут в таких стратегических направлениях, как макросложная технология, аэрокосмические исследования. Среди проектов, которыми занимались преимущественно государственные исследовательские институты, в центре внимания были разработка техники ядерной энергетики, сверхмощных компьютеров, легководных ядерных реакторов, биологических исследований, инженерии, многофункциональных спутников, тяжелой ракетной техники, высокотемпературных плазм и другие. На основные направления научно-технических исследований было ассигновано 250 млн. долларов, а вместе с расходами частных институтов эта сумма достигла в 1995 году 500 млн. долларов.

В последнее время мы много внимания уделяем таким направлениям исследований, которые непосредственно влияют на состояние торговли, в том числе исследование источников энергии и создание высокоэкономичных энергетических технологий, использования энергии солнца, океана, биоэнергии. Одновременно ведутся исследования в области здравоохранения, экологии, сельского хозяйства. В военных институтах ведутся разработки в области обороны, в центре внимания которых - технология производства запасных частей к военной технике. В последнее время к этой работе подключен и частный сектор. Вместе с Россией ведутся разработки в сфере двойной технологии и конверсии.

Республика Корея с ее ограниченной исследовательской базой стремится в XXI веке выйти на передовые рубежи научного и технического развития - это основная задача правительства. Для ее успешной реализации необходимо углублять сотрудничество с учеными России и других государств.

Я думаю, что в преддверии XXI века сотрудничество между нашими странами в области культуры, экономики, науки и техники будет продолжаться.

Еще раз относительно советско-американского соглашения 1990 г. о линии разграничения морских пространств

© 1996

Е.Степанов

Любой вопрос, связанный с определением или уточнением пределов сферы распространения юрисдикции государства, разграничением, всегда носит чрезвычайно деликатный характер и требует от исследователя осторожного, строго объективного подхода, полностью исключающего проявления личных эмоций, тем более привнесения духа популизма и митинговщины. Даже малейшие намеки на то, что в результате разграничения, в силу каких-то причин, чаще всего надуманных и не соответствующих нормам права и исторически сложившимся условиям, страна оказалась в чем-то ущемленной, крайне болезненно воспринимаются общественностью и активно используются различными политическими силами для драматизации ситуации. Поэтому появление в печати статей, которые носят как будто аналитический характер, но при этом грешат заведомо ложной трактовкой правовых норм, фактов и событий, направлено в конечном итоге на то, чтобы нанести ущерб международному положению страны, ее позициям на мировой арене.

К сожалению, именно такой характер носит статья Б.И.Ткаченко "Игра в поддавки с заокеанским соседом", опубликованная во владивостокском журнале "Россия и АТР". В статье предпринята попытка прокомментировать подписанное в 1990 г. Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств, которое завершило длительные переговоры между двумя странами по этому вопросу. Однако еще до того, как предпринимается попытка разобраться в существе возникшей проблемы, в статье высказывается априорно отрицательное отношение к достигнутому Соглашению, буквально с первых же абзацев оно характеризуется как "противоречащее национальным интересам страны" и направленное на "существенную уступку зоны экономических владений в пользу США".

Между тем необходимость договорного разграничения морских пространств между СССР и США стала настоящей после вступления в силу в 1984 г. Конвенции ООН по морскому праву, которая ввела в оборот новое понятие "исключительная экономическая зона", внесла изменения в определение понятия "континентальный шельф" и регламентировала связанные с ними правовые вопросы. В целом же ряде районов Чукотского и Берингова морей принадлежавшие Советскому Союзу и США экономические зоны перекрывали друг друга, в связи с чем и встал вопрос о необходимости их разграничения. После достаточно трудных переговоров проблема нашла свое решение, которое и было зафиксировано в подписанном 1 июня 1990 г. Соглашении о линии разграничения морских пространств.

Сама по себе эта линия появилась не на пустом месте. Впервые линия границы в этом районе была определена в статье 1 Договора между Россией и Северо-Американскими Соединенными Штатами (так в России и Советском Союзе до 30-х годов XX в. официально именовались США) об уступке Российских Северо-Американских колоний, подписанного в 1867 г. Интересующая нас западная граница этой территории (по тексту документа: "западная граница уступленных территорий") проходила по водной поверхности Чукотского моря, Берингова пролива и Берингова моря. Она строилась на трех географических точках, указанных в Договоре и попарно соединенных между собой прямыми линиями. Точки определены с использованием метода равноудаленности и находятся: в Беринговом проливе - между островами Крузенштерна и Ратманова (о-ва Диомида, в Беринговом море - между северо-западной оконечностью о.Св.Лаврентия и юго-восточной оконечностью Чукотского носа (мыс Чукотский) и между островами Атту (Алеутские о-ва) и Куппера (о.Медный, Командорские о-ва). От точки в Беринговом проливе граница "направляется по прямой линии безгранично к северу, доколе она совсем не теряется в Ледовитом океане"².

Несколько странно в связи с таким прохождением границы выглядят содержащиеся в статье сегодешнего на то, что в Договоре 1867 г. нет "четкого однозначного описания" установленной им западной границы Русской Америки (условно назовем ее для удобства "линией 1867 г."), а указываются лишь координаты трех точек, через которые граница и проходит. Но нельзя упускать из виду, что граница была проведена по геометрическому принципу и для построения ее вполне достаточно трех точек, соединенных попарно прямыми линиями. В этой связи напомним, что по этому же принципу построена граница Полярных владений СССР, установленная постановлением ЦИК Союза в 1926 г. и имеющая на своем восточном секторе всего лишь две точки: указанный в Договоре 1867 г. пункт между островами Ратманова и Крузенштерна в Беринговом проливе и Северный Полюс. И вряд ли можно ожидать, что описание границы, проходящей через водные пространства, содержало бы указания на какие-либо определенные ориентиры.

Вместе с тем, в статье "Игра в поддавки" совершенно справедливо отмечается, что "линия 1867 г." не устанавливала морскую границу между Россией и США. Действительно, она лишь ограничивала акваторию, лежащую в пределах которой острова относятся к территории США. Единственный участок, на котором эта линия имела характер международной границы - район о-вов Диомида, где непосредственно соприкасаются территориальные воды двух стран. На всем же остальном протяжении она имела то же правовое содержание, что и донныне существующая граница Полярных владений СССР. В течение последующего столетия иного международно-правового содержания "линия 1867 г." не имела.

Однако уже к концу 50-х годов в мировом сообществе стала все в большей степени проявляться тенденция к пересмотру ряда положений международного морского права. В частности, многие развивающиеся страны, - прежде всего африканские и латиноамериканские, - защищая свои преимущественные права на исследование и добычу возобновляемых и невозобновляемых (живых и минеральных) ресурсов, находящихся на морском дне, в его недрах и в толще вод, примыкающих к их побережью морских пространств, выступали за расширение пределов территориального моря. Этот вопрос обсуждался на 1 Конференции ООН по морскому праву (Женева, 1958 г.), однако участники ее не смогли прийти к согласованному решению. Именно поэтому в Женевскую конвенцию 1958 г. о территориальном море не было включено положение, в котором определялись бы максимальные пределы территориальных вод.

Обсуждался этот вопрос - и также безрезультатно - и на II Конференции ООН по морскому праву (Женева, 1960 г.). Однако, наряду со всякого рода переговорами, консультациями и обсуждениями, развивающиеся страны, стремясь положить конец прежде всего бесконтрольному рыбному промыслу у своих берегов государств, имеющих большой и технически хорошо оснащенный рыболовный флот, стали произвольно и в одностороннем порядке расширять пределы своих территориальных вод. В итоге, к началу III Конференции ООН по морскому праву (1973 г.) в мире существовали государства, ширина территориальных вод которых колебалась от 3 до 200 морских миль.

Именно в таких условиях на Конференции появилась концепция сначала "рыболовной", а затем "исключительной экономической зоны", которая после длительных обсуждений и внесения многочисленных поправок и была, как того требовал регламент работы Конференции, одобрена всеми ее участниками. "Исключительная экономическая зона", согласно определению статей 55 и 56 Конвенции ООН по морскому праву, подписанной в 1982 г., представляет собой район, находящийся за пределами территориального моря, с особым правовым режимом, в силу которого прибрежное государство имеет в нем "суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов как живых, так и неживых, в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах, а также в целях управления этими ресурсами, и в отношении других видов деятельности по экономической разведке и разработке указанной зоны..." Ширина экономической зоны, как определено Конвенцией, не должна превышать 200 морских миль³.

Однако еще до того, как концепция экономической зоны приобрела законченный вид, но было уже ясно, что подавляющее большинство участников Конференции в принципе выступает в ее поддержку, многие прибрежные страны стали принимать законодательные акты о создании в прилежащих к их побережью водах 200-мильных рыболовных зон. Стремясь поставить под контроль деятельность других государств в прилежащих водах, Конгресс США принял Закон 1976 г. о сохранении рыбных запасов и управлении рыболовством. Вслед за тем аналогичный документ принимается и в Советском Союзе - 10 декабря 1976 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о временных мерах по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в морских районах, прилегающих к побережью СССР. Установленные в соответствии с указанными документами 200-мильные рыболовные зоны в ряде районов Чукотского и Берингова морей перекрывали друг друга.

24 января 1977 г. американская сторона обратилась к советскому правительству с нотой, в которой информировало последнее, что Соединенные Штаты, реализуя свою юрисдикцию в области рыболовства в соответствии с упомянутым выше законом, будут действовать с полным уважением договоров, заключенных между двумя государствами. "Соответственно, - подчеркивалось в документе, - правительство Соединенных Штатов при обеспечении осуществления своей юрисдикции в области рыболовства намерено уважать линию, установленную Конвенцией, подписанной 30 марта 1867 г. в Вашингтоне"⁴.

Месяц спустя, 24 февраля 1977 г. советское правительство ответило на эту ноту, заявив, что оно приняло к сведению позицию США в отношении линии, установленной Конвенцией 1867 г., и что со своей стороны, осуществляя меры, вытекающие из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1976 г., "намерено придерживаться в Северном Ледовитом Океане, Чукотском и Беринговом морях той же линии Конвенции от 18 /30/ марта 1867 г."⁵ Таким образом, обмен нотами, произошедший 24 января и 24 февраля 1977 г. между правительствами СССР и США, можно охарактеризовать как достижение соглашения, которое, наполнив понятие "линия 1867 г." новым правовым содержанием, придало ему характер линии разграничения сфер юрисдикции двух стран в области ры-

боловства в Чукотском и Беринговом морях. Иными словами, "линия 1867 г." приобрела характер международной разграничительной линии.

Принятие в 1982 г. на III Конференции ООН по международному праву новой Конвенции, в частности кодифицировавшей правовые вопросы, связанные с установлением экономических зон вместо ранее созданных рыболовных, и расширением пределов континентального шельфа, поставило вопрос о необходимости договорной делимитации советской и американской экономической зоны и континентального шельфа. В связи с этим представители обоих государств вступили в переговоры относительно разработки специального документа о делимитации морских пространств.

Переговоры были долгими и сложными, как всякие переговоры по разграничению. Однако они завершились достижением разумного компромисса на основе сбалансированного учета интересов, а также исторически сложившихся правовых оснований.

С самого начала переговоров выяснилось, что сторонам предстоит найти решение двух спорных вопросов. Поскольку обмен нотами 1977 г. между правительствами СССР и США утвердил "линию 1867 г." в качестве разграничительной между рыболовными зонами двух стран, стороны согласились положить ее в основу разграничения водных пространств. В связи с этим возник первый спорный вопрос, носивший как будто технический характер - о прохождении "линии 1867 г." Суть вопроса заключалась в том, что при изображении этой линии, стороны пользовались различными картографическими методиками: американская сторона основывалась на принципе ортодромии, т.е. проведения прямой линии на карте с учетом кривизны земной поверхности, тогда как советская - на принципе локсодромии, дающим как бы "плоское" изображение той же поверхности. В целом оба эти метода находят широкое применение в картографии, в частности часть карт, помещенных в "Географическом энциклопедическом словаре", изданном в 1983 г. в издательстве "Советская энциклопедия", выполнена методом ортодромии, тогда как другая - по методу локсодромии. Поэтому в самом факте использования разных методик ничего особенного нет.

Но при изображении прямой линии, соединяющей две заданные точки методом ортодромии, эта прямая, повторяя изгиб земной поверхности, принимает форму дуги, тогда как эта же прямая, изображенная по принципу локсодромии, сохраняет начертание именно прямой линии. Таким образом, в американском варианте "линия 1867 г." оказывалась как бы выгнутой к западу, в сторону побережья СССР, значительно расходясь - особенно в средней части - с той же линией, изображаемой на советских картах. В результате этого в центральной части Берингова моря возник спорный район. В ходе дальнейших переговоров стороны достигли компромиссного соглашения о проведении разграничения по линии, проходящей посередине между линиями, на которых настаивала каждая из них с начала переговоров. Иными словами, возникший в связи с различным начертанием на картах "линии 1867 г." спорный район был поделен пополам, а намечаемая линия разграничения сдвинута к востоку, в сторону американского побережья.

Второй спорный вопрос заключался в том, что если бы стороны проводили разграничения на основе срединной линии, а не на достигнутой в 1977 г. договоренности, Советский Союз получал бы под свою юрисдикцию экономическую зону и континентальный шельф несколько больше по площади. Советская сторона выдвинула в связи с этим ряд территориальных претензий, выразив вместе с тем готовность отказаться от них, если получит соответствующую компенсацию. Принятие этого предложения американской стороной привело к тому, что Советскому Союзу отходила дополнительная площадь экономической зоны, а намечаемая линия разграничения была вторично сдвинута к

востоку, в сторону побережья США. Важно отметить и то, что оба эти сдвига линии разграничения были произведены с применением метода локсодромии, на чем настаивала советская сторона. В итоге та линия разграничения, о которой договорились стороны, совпала с "линией 1867 г." в том виде, как она изображалась на советских картах.

Более подробно детали обсуждения спорных вопросов на советско-американских переговорах по разграничению водных пространств и, естественно, их результаты изложены в статье Б.М.Клименко, которая была опубликована вскоре после подписания Соглашения⁶. Все это, очевидно, было известно автору "Игры в поддавки", по крайней мере, выступление Б.М.Клименко - единственная публикация, на которую есть ссылка в статье. Поразительным же является то, что итоги обсуждения на переговорах спорных вопросов изложенные в ней, прямо противоположно тому, что имело место в действительности. Утверждается, в частности, что "под нажимом и в интересах США" советская делегация допустила, что линия разграничения была дважды передвинута, - это соответствует действительности, - "в сторону советского побережья", - что прямо противоречит фактам.

Вместе с тем, игнорируя то обстоятельство, что всякая международная договоренность, всякое соглашение есть результат многих взаимных уступок и компромиссов, и декларировав сугубо отрицательное отношение к Соглашению, статья акцентирует внимание не на самом факте успешного разрешения сторонами спорных вопросов, а лишь на том, что советская сторона могла бы получить, но в силу достигнутых договоренностей в полном объеме не получила. Уместно в связи с этим заметить, что никогда еще жесткий максимализм одной из сторон на международных переговорах не приводил их к успеху. И даже в тех редких случаях, когда этой стороны удавалось навязать партнеру свои требования, достигнутое соглашение становилось не основой нормального сотрудничества государств, а потенциальной причиной споров и конфликтов между ними в будущем.

Если оставить в стороне эмоции, можно согласиться с высказываемым в статье недоумением по поводу того, что Соглашение 1990 г. до сих пор не представлено на ратификацию. Это, однако, не значит, что решение сторон ввести его в действие на временной основе, зафиксированное ими в нотах, которыми они обменялись при его подписании, неправомерно и поэтому само Соглашение подлежит аннулированию. Практика международных отношений знает немало примеров того, что договорные документы, подписанные, но подлежащие ратификации, вступали в силу немедленно, задолго до того, как начинался процесс ратификации, и это никак не отражалось на их легитимности. Последний и весьма яркий пример того - соглашение о выводе российских войск с территории Эстонии. Соглашение было подписано в 1994 г., вывод войск завершен к августу 1994 г., а ратифицирован этот документ Федеральным Собранием был только в октябре 1995 г.

Что же касается тезиса о необходимости "аннулирования" Соглашения 1990 г., то, во-первых, сама по себе подобная постанова вопроса изначально противоправна. Дело в том, что договорные документы, касающиеся вопросов разграничения, выделяются из всех актов международной деятельности государств тем, что они обладают наибольшей стабильностью: они исключены из действия оговорки *rebus sic stantibus*, их не отменяет даже война. Они, естественно, не могут быть аннулированы или отменены в одностороннем порядке; для изменения их необходимы новые переговоры заинтересованных сторон.

Во-вторых, подобная постанова вопроса представляется даже антипатриотичной. Не только отказ России от взятых на себя по договорному документу обязательств, но даже обсуждение такого вопроса бросает тень на

нее в глазах мирового сообщества. Служит ли это долговременным интересам России, способствует ли укреплению ее положения на мировой арене?

В статье содержатся обвинения бывшего руководства СССР в том, что переговоры с США о разграничении водных пространств в Чукотском и Беринговом морях велелись "втайне от общественности страны", а текст Соглашения "не был согласован до его подписания" с РСФСР, чьи интересы непосредственно затрагивались в этом документе.

Поразительно, как быстро забываются некоторые стороны нашей недавней истории. Нелишне в связи с этим вспомнить, что какие бы внешнеполитические шаги ни предпринимались правительством СССР, союзные республики лишь информировались о них на уровне высшего партийного руководства. Всякие согласования с республиками заменялись решением Политбюро, а поскольку подобные решения имели гриф секретности, о них и знали только те, кто непосредственно проводил их в жизнь. Очень часто советская общественность узнавала о внешнеполитических шагах своего правительства из передач зарубежных радиостанций. "Тайна" всяких переговоров советской дипломатии обеспечивалась и тем, что средства массовой информации, даже имея свои собственные источники получения этой информации, могли доводить до сведения общественности только то, что они получали по официальным каналам. Таковы были "правила игры" того времени. И предъявлять советским участникам переговоров с США какие-либо претензии по поводу того, что они следовали этим устоявшимся "правилам", как минимум, некорректно.

Впрочем, у этого вопроса есть и другой аспект.

Выше отмечалось, что все вопросы, связанные с разграничением территорий или сфер юрисдикции, носят весьма деликатный характер. Поэтому страны, действительно стремящиеся к достижению урегулирования таких вопросов, вступая в переговоры, прежде всего договариваются об их закрытом, конфиденциальном характере. Тем самым делегации, конкретно работающие над поиском договоренности и согласия, ограждаются от воздействия на них средств массовой информации и всякого рода общественно-политических организаций и группировок, среди которых есть и стоящие на шовинистических, имперских позициях, чья деятельность вряд ли способствовала бы успеху и без того трудных переговоров.

Поскольку статья "Игра в поддавки" рассматривает взаимоотношения двух государств по очень конкретному вопросу, в ней не могут не затрагиваться международно-правовые его аспекты. К сожалению, эти экскурсы не всегда удачны. Так, при разъяснении вопросов связанных с континентальным шельфом, в статье используется явно устаревшее определение, даваемое этому понятию Женевской конвенцией 1958 г. о "континентальном шельфе", и содержится утверждение, что он "не имеет жестко зафиксированных внешних границ". После принятия Женевских конвенций многое изменилось, в частности в 1982 г. была принята новая Конвенция ООН по морскому праву, которая заменила или изменила многие правовые положения указанных документов. Статья 76 Конвенции 1982 г., например, дает следующее определение континентального шельфа: "Континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной" территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль, от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря...

Подводная окраина материка включает находящееся под водой продолжение континентального массива прибрежного государства и состоит из поверхности и недр шельфа, склона и подъяма. Она не включает дна океана на больших глубинах..." В отличие от несколько противоречивого определения

пределов континентального шельфа в Женевской конвенции (критерии примыкаемости, глубины и технической доступности), Конвенция 1982 г. дала достаточно точное определение его границы: либо 200-мильный рубеж, либо внешняя граница подводной окраины материка.

Континентальный шельф занимает всю северную и северо-восточную часть Берингова моря, проходя узкой полосой (до 50 морских миль) вдоль российских берегов. Лишь в районе мыса Омоторский, к югу, почти до Командорских о-вов, идет подводный хребет Ширшова, который тоже можно рассматривать как континентальный шельф. Что же касается "свободного пространства в центральной части Берингова моря, находящегося за пределами 200-мильных экономических зон СССР и США", то оно приходится на Алеутскую котловину с глубинами до 3700-4000 м. Это значит, что в соответствии с положениями Конвенции 1982 г., в частности приведенным выше, и вопреки содержащимся в статье рассуждениям, этот район морского дна континентальным шельфом вообще не является и всякие рассуждения о несправедливости "разграничения континентального шельфа в центральной части Берингова моря" беспредметны.

В связи с затронутым вопросом о континентальном шельфе следует сделать еще одно замечание. Со ссылкой на международное право в статье утверждается, будто бы "континентальный шельф той части свободного пространства открытого моря, которая остается за пределами экономической зоны (или зон двух или более государств), но окружена ею (ими) со всех сторон, принадлежит этому государству (государствам)". Во-первых, подобного положения в международном морском праве нет. Да оно и не нужно, потому что, во-вторых, в соответствии с Конвенцией ООН 1982 г., каждое государство имеет право, по согласованию с Международным органом по морскому дну, эксплуатировать ресурсы шельфа, выходящего за пределы 200-мильной зоны. Это, однако, требует особой оплаты в пользу Международного органа, составляющей к концу десятого года эксплуатации 5% стоимости добычи полезных ископаемых в этом районе.

Много внимания уделяется в статье методу разграничения по принципу срединной линии, утверждается даже, что именно он является якобы "принципиальным положением Конвенции ООН по морскому праву". Действительно, срединная линия при разграничении водных пространств используется достаточно часто, являясь наиболее просто и удобно определяемой линией. Тем не менее этот метод не является единственным. И Конвенция ООН, к сожалению, не содержит каких-либо положений о том, что разграничение континентального шельфа и экономической зоны противолежащих государств должно проводиться по методу срединной линии. Вообще метод срединной линии упоминается в Конвенции 1982 г. лишь применительно к делимитации территориального моря. Статья 15 документа постановляет, что примыкающие друг к другу или расположенные друг против друга государства не имеют права распространять свое территориальное море за срединную линию. Да и то лишь в том случае, если между ними не заключено соглашение об ином⁸. Эта статья Конвенции 1982 г. дословно повторяет аналогичную статью (статья 12) Женевской конвенции 1958 г. о территориальном море⁹.

При урегулировании же вопросов разграничения континентального шельфа Конвенция ООН (статья 83) вообще не упоминает метода срединной линии, предусматривая, что оно "осуществляется путем соглашения на основе международного права", а если такое соглашение "в течение разумного срока" не может быть достигнуто, то стороны должны прибегнуть к разработанным в Конвенции процедурам, в частности к специальному арбитражу, принимающему обязательное для сторон решение¹⁰. Кстати, даже если взять текст ранее действовавшей Женевской конвенции о континентальном шельфе,

то и в ней приоритет отдается достижению соглашения о разграничении, метод же разграничения по срединной линии имеется в виду как запасной, крайний вариант делимитации. В документе четко сформулировано, что только "при отсутствии соглашения и если иная линия границы не оправдывается особыми обстоятельствами, границей служит срединная линия"¹¹.

Что касается рыболовства в Беринговом море, то Соглашение 1990 г., возможно, лишь способствовало некоторому ужесточению контроля за промысловой деятельностью российских судов восточнее "линии 1867 г.", но сама по себе эта деятельность регламентируется не этим документом, а советско-американским соглашением от 26 ноября 1976 г. о рыболовстве у побережья США с последующими поправками к нему и соглашением от 31 мая 1988 г. о взаимных отношениях в области рыбного хозяйства. Соглашение 1990 г., представляя собой договоренность о прохождении морской границы, вопросы рыболовства не затрагивает.

И, наконец, последний вопрос: насколько советско-американское Соглашение о разграничении морских пространств соответствует долговременным национальным интересам России.

Национальные интересы каждого государства в области внешней политики не представляют собой нечто неизменное. Одни из них реализуются и исчезают, другие по каким-то причинам теряют свою актуальность и отходят на второй план, вместо них появляются новые. Но есть области, где национальные интересы любого члена мирового сообщества непреходящи, постоянны, более того - они сохраняют свой приоритетный характер. Одна из этих областей - национальная безопасность. Это понятие очень объемно, и среди прочих составляющих оно включает в себя и такой чрезвычайно важный момент, как определение и договорное оформление рубежей страны - как государственных границ, так и границ экономических зон и континентального шельфа. Только четкое определение граничной линии и ее режима, обеспечивающее стабильность и мирную обстановку на границах страны, является главным условием возможности максимально реализовать экономический потенциал приграничных районов, независимо от того, находятся они на суше или на море. Достичь же решения всех вопросов, связанных с разграничением, можно только на переговорах, которые никогда не проходят без взаимных уступок и компромиссов. Поэтому никак нельзя согласиться с содержащимися в статье утверждениями о том, что Соглашение 1990 г. противоречит национальным интересам России.

1. Россия и АТР. - 1995. - № 2.
2. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. СПб, 1891. - Т. III. - С. 301.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (извлечения). - М., 1983. - С. 55-56.
4. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - М., 1979. - Вып. XXXIII. - С. 207.
5. Там же.
6. Международная жизнь. - 1990. - № 9.
7. Конвенция ООН... - С. 59.
8. Там же. - С. 35.
9. Международное право в документах. - М., 1969. - С. 123.
10. Конвенция ООН... - С. 63.
11. Международное право в документах. - С. 141.

Российский Дальний Восток

Машиностроение и металлообработка в Приморском крае: ситуация и перспективы

© 1996

В.Созинов

Структура

Машиностроение и металлообработка в Приморском крае - это комплекс отраслей и подотраслей (табл. 1) по объему производства уступает только рыбной отрасли.

Таблица 1

Предметно-отраслевая специализация предприятий комплекса отраслей машиностроения и металлообработки в Приморском крае (крупные и средние предприятия)

Подотрасли	Удельный вес в общем объеме производства по комплексу	
	1991	1994
Машиностроение, в том числе авиастроение и приборостроение, включая морское	35,6%	27,9%
Ремонт технологического и бытового оборудования, транспортных средств	40,1%	56,9%
в том числе судоремонт и судостроение	32,1%	35,4%
Промышленность металлических изделий и конструкций	12,0%	7,5%
Предприятия прочих подотраслей	12,3%	7,7%

Машиностроение и металлообработка в Приморье наиболее развитый в техническом отношении комплекс. Однако его нельзя рассматривать как единый взаимосвязанный по кооперации комплекс, а лишь терминологически, для сокращений в тексте.

Положение промышленности Приморского края в России характеризуется следующими данными: в 1993 г. на долю промышленности края приходилось 1,2% общероссийского объема промышленного производства (27 место среди субъектов Российской Федерации) и 0,8% от объема машиностроительной продукции.

Общие результаты

Сокращение производства на предприятиях комплекса в период с 1990 по 1994 годы шло более интенсивно, чем в среднем по промышленности края. При общем для экономики края большем спаде в обрабатывающих отраслях промышленности, наблюдается опережающее сокращение спроса на продукцию предприятий машиностроения, морского приборостроения и авиастроения. Эти подотрасли в большей степени были ориентированы на удовлетворение спроса за пределами края и ДВ региона. Эти процессы характерны и для промышленности металлических изделий и конструкций.

За пять последних лет в машиностроении и металлообработке спад производства составил 63,24%, для сравнения: этот показатель в целом по промышленности - 52,32%. Доля комплекса в общем объеме продукции промышленности снизилась с 24,14 до 13,23% (в 1,8 раза).

Сократились объемы военных заказов, упало производство продукции гражданского назначения, особенно по массовым позициям. Например, производство радиоприемников за этот период сократилось в 18,4 раза (19,7 тыс. шт. в 1994 г.), стиральных машин в 7,1 раза (16,4 шт.), холодильников в 6,5 раз (23,2 тыс. шт.). Если до 1992 г. наблюдался рост производства деревообрабатывающих станков (с 2588 штук в 1990 г. до 2780 в 1993 г.), то в 1994 г. оно практически свернулось.

Снизился и объем производства сварных металлоконструкций с 65,9 в 1990 году до 27,4 тыс. тонн в 1993 г. При этом наблюдался рост отходов металлов, применяемых для производства продукции машиностроения и металлообработки (табл. 2).

Таблица

Удельный вес металлоотходов в машиностроении и металлообработке

	Металлоотходы в % к потребленным черным металлам			Из них стружка, в % от всех отходов		
	1985	1990	1993	1985	1990	1993
Российская Федерация	21,7	20,3	20,2	47,5	46,0	42,8
Дальневосточный район	13,9	14,1	15,7	32,5	31,5	42,6
Приморский край	14,6	14,6	15,1	20,5	24,4	44,6
Хабаровский край	12,3	12,5	15,2	35,3	40,2	45,2

Стагнацию в этом комплексе подтверждают также следующие данные. За 1991-1993 годы по данным Госкомстата России в Приморье было начато производство новой продукции в количестве равном только 0,1% от общего объема произведенной продукции.

Экспортируется незначительная часть выпускаемой комплексом продукции. Обработка данных Крайстатуправления за 9 месяцев 1994 г. показала, что машиностроительным комплексом края было экспортировано продукции собственного производства на сумму 914 тыс. долл. (90% к соответствующему периоду 1993 г.), что составило 0,3% от объема экспорта продукции по Приморскому краю, или 0,7% от объема произведенной комплексом продукции (в общем объеме экспорта по краю включены объемы реэкспорта металлопроката, машин и оборудования, сырья).

На предприятиях комплекса, особенно ВПК, побывало множество иностранных предпринимателей. Но дальше разговоров и контрактов на небольшие суммы, даже после приватизации предприятий, дело не пошло. На некоторых заводах из импортных комплектующих собирали магнитофоны, калькуляторы и др. (АО "Варяг", АО "Радиоприбор", Инструментальный завод).

Факторы производства

1. Организация и управление

Крупные и средние предприятия края организованы по фабричному принципу - имеют практически все производства от первичного передела сырья (литье заготовок из черных и цветных металлов, мерная раскройка), до сборки, регулировки и испытания готовых изделий. Надо иметь в виду, что практически все сырье, комплектующие завозилось (20-30 тыс. наименований) из центральных регионов России. Комсомольский на Амуре металлургический завод выпускает весьма узкую номенклатуру проката из конструкционных сталей, применяемых большей частью в капитальном строительстве.

На предприятиях оборонного комплекса, а также судоремонта насчитывается до 15 видов производств. Кооперационные связи в силу принадлежности к разным ведомствам не были развиты. В этой связи отвлекались и фактически омертвляли финансовые и людские ресурсы на дублирующие производства. Эти производства в первую очередь стали жертвами внедрения рыночных отношений.

Практически все предприятия по производству продукции производственно-технического назначения и товаров длительного пользования являются монополистами в Приморском крае и на Дальнем Востоке России.

В силу многообразия видов производства на одном предприятии, размеров производства при его единичном и мелкосерийном характере, слабой унификации выпускаемых изделий их деталей и узлов, управление производством отличается большой инерционностью и консервативностью.

По набору технологического оборудования, характеру и организации производства (единичное и мелкосерийное), требованиям к качеству, надежности и дизайну продукции предприятия не приспособлены к работе в условиях рынка.

За последние четыре года поменялось большинство руководителей предприятий, особенно в ходе приватизации. Но эти меры практических результатов не дали.

2. Основные фонды, собственность

В период 1980-1990 годов наблюдался некоторый опережающий рост промышленно-производственных основных фондов (ОППФ) машиностроительного комплекса по отношению к остальным отраслям промышленности.

Рост ОППФ комплекса сопровождался нарастающим их старением. В 1985 г. износ составлял 35,3, в 1990 г. - 39, в 1993 году - 41,3%. Ввод и выбытие ОППФ не обеспечивали их активное обновление. Что наряду с физическим, ускоряло моральное старение технологического оборудования.

Предприятия в основном оснащены универсальным металлообрабатывающим оборудованием, в том числе и с числовым программным управлением (ЧПУ). Значительная доля последних на заводах "Варяг", "Аскольд", "Радиоприбор" была импортирована из Японии, Италии, Германии, Швейцарии и других развитых стран.

Исключение в практике оснащения оборудованием составляют конвейерные линии: по производству холодильников ("Родина"), стиральных машин (ААК "Прогресс"), зонтов (АО "Аскольд") и электродвигателей для бытовых приборов (АО "ВП Эра").

Несколько лет назад гордостью приборостроения были цеха, оснащенные уникальными обрабатывающими центрами с ЧПУ (АО "Аскольд", АО "Варяг"), оборудованием для климатических и динамических испытаний радиоэлектронных изделий. Сегодня они практически простаивают, и перспектив их загрузки не видно.

За последние два года произошли существенные изменения в отношении собственности. По данным на конец 1994 г., на долю предприятий федеральной собственности приходилось 26% в общем по комплексу объема производства (это самая высокая доля государственного сектора среди отраслей промышленности в крае). Остальное производилось на полностью или частично приватизированных предприятиях. На 17 предприятиях федерация сохраняет пакеты акций в размере от 5 до 49%. Сегодня еще рано говорить о собственности как о действующем факторе производства, различия в результатах хозяйствования пока незначительны.

3. Затраты на производство, цены

Анализ затрат на производство в 1993-1994 годах показывает сокращение доли материальных затрат в большинстве подотраслей. Наибольшее влияние на затраты производства оказывают сырье и покупные комплектующие на предприятиях машиностроения (92,8%), наименьшее - в станкоинструментальной (3,3%), для химической и нефтяной (14%), а также в приборостроительной промышленности (15,4%).

Оптовые цены на продукцию машиностроительного комплекса складывались под действием следующих факторов:

- резкое падение спроса на продукцию и услуги, в значительной мере со стороны государства;
- исторически сложившаяся ориентация на рынок европейской части России и на нужды Вооруженных Сил России, в том числе и на ее Дальнем Востоке, слабая ориентированность на рынок края и этого региона;
- значительный рост транспортных тарифов и отказ государства от компенсации повышенных, а силу географических факторов, затрат на производство и транспортировку;
- крайне малая емкость рынка Дальнего Востока России;
- низкий экспортный потенциал продукции;
- конкуренция стран АТР в области судоремонта;
- имевшее место в 1991-1992 гг. антимонопольное регулирование для 80% предприятий края.

Более устойчивыми в условиях спада платежеспособного спроса оказались предприятия, ориентированные на нужды края и региона. Например, доля предприятий судоремонта в общем по машиностроительному комплексу объема производства в последние четыре года увеличилась с 32,1 до 35,4%.

За 1991-1994 гг. оптовые цены на продукцию машиностроения предприятий Приморья возросли в 1046,5 раз, в то время как в среднем по России они выросли в 1324,6 раз. За 1991-1993 гг. этот показатель составил 614,14 и 400,84, соответственно. В целом по промышленности края оптовые цены увеличились в 2636 при 2679,9 по России (для сопоставления: сводный индекс потребительских цен без товаров и услуг необязательного пользования по краю составил 3826,829 раз, а по России 2512,3).

Низкий уровень оптовых цен отразился и на низком в этом комплексе, по сравнению с другими отраслями народного хозяйства в крае, уровне заработной платы. Например, по данным Крайстатуправления Приморского края среднемесячная зарплата в сентябре 1994 г. составила:

- станкостроительная и инструментальная промышленность	133,2 тыс. рублей;
- машиностроение для легкой и пищевой промышленности	169,2 тыс. рублей;
- приборостроение	243,7 тыс. рублей;
- ремонт машин и оборудования (в т.ч. и судоремонт)	275,0 тыс. рублей;
- в среднем по краю	294,0 тыс. рублей.

4. Финансы

По данным Крайкомстата на 1 декабря 1994 г., у 12 крупных и средних предприятий этого комплекса коэффициент покрытия имел значение менее 1,5, среди них половина судоремонтных предприятий (Первомайский, Славянский, Владивостокский, Находкинский и АО "Приморремрыбфлот"), которые стоят на грани банкротства. Кредиторская задолженность превышает дебиторскую в 1,5 раза, при этом на предприятиях негосударственного сектора в 1,3 раза. Для сравнения, в целом по промышленности края этот показатель находится на уровне 1,3.

В негосударственном секторе машиностроения и металлообработки в 1994 г. наблюдается рост дебиторской задолженности (на 6,1%) и некоторое снижение объема кредиторской задолженности (на 12,7%). В государственном секторе наблюдаются противоположные процессы. Доля кредиторской задолженности в отгруженной продукции составляет: в госсекторе 10%, в негосударственном - 31%. Несколько худшее положение в целом по промышленности края - этот показатель здесь составил 26 и 61,3%, соответственно. Просроченная кредиторская задолженность предприятий комплекса равна 40% от общего объема этой задолженности (по промышленности края - свыше 60%). В целом ситуация с платежами крайне неудовлетворительна и перспектив ее улучшения пока не видно.

Рентабельность основных и оборотных средств характеризовалась следующими данными:

	1992 г.	1993 г.	1 кв. 1994 г.
промышленность края	20,0%	37,1%	0,4%
машиностроение и металлообработка	12,9%	26,5%	1,2%

Рентабельность производства реализованной продукции характеризовалась следующими данными:

	1992 г.	1993 г.	1 кв. 1994 г.
промышленность края	24,3%	22,6%	05,5%
машиностроение и металлообработка	30,5%	26,0%	31,8%

Использование прибыли по этому комплексу проследить трудно из-за отсутствия официальной статистики.

С 1991 года наблюдается устойчивая тенденция сокращения объемов кредитных вложений.

Средства, необходимые для технического перевооружения предприятий комплекса, могут быть оценены укрупненно в 1,6 млрд. долл. и сопоставимы со стоимостью ОППФ комплекса в ценах 1993 года.

5. Занятость

За период с 1990 по 1994 г. численность промышленно-производственного персонала сократилась на предприятиях комплекса на 45,3% и на 15 процентных пунктов расходится с темпами спада объемов производства продукции. Наличие скрытой безработицы подтверждают факты отпусков работников предприятий без содержания.

Сокращение рабочих мест на предприятиях повлекло за собой потерю значительной части высококвалифицированных инженеров и рабочих, обладающих знаниями и навыками специальных, в ряде случаев уникальных, технологий. Это, по информации руководителей ряда предприятий, уже породило ряд проблем с выполнением заказов на ранее освоенную оборонную продукцию.

Особую остроту может принять проблема занятости в монофункциональных городах Арсеньев и Большой Камень, где основу экономики составляют предприятия комплекса, созданные для обеспечения оборонных нужд страны.

Конверсия

Значительную долю в производстве продукции машиностроения и металлообработки продолжают занимать предприятия оборонного комплекса. За последние годы их доля несколько сократилась. Если в 1991 г. на предприятиях ВПК в крае производилось 54,5% продукции, то в 1994 г. - 48%.

На предприятиях машиностроения и металлообработки, входивших в оборонный комплекс, спад производства имеет более высокие значения. За три последних года объем военных заказов сократился на 61,2%, а гражданской продукции на 62,7% (для сравнения - в целом по промышленности этот показатель составил 65,6%).

Таблица 3

Индекс физического объема промышленного производства продукции на предприятиях оборонного комплекса в Приморском крае

(к предыдущему году)

	1992		1993		1994	
	военные заказы	гражданская	военные заказы	гражданская	военные заказы	гражданская
Российская Федерация	58,1%	82,6%	71,2%	84,1%		
Приморский край	56,2%	97,1%	83,9%	77,5%	84,4%	49,6%
Хабаровский край	90,4%	83,3%	92,3%	83,3%		

Если в 1993 г. на долю гражданской продукции на конвертируемых предприятиях приходилось 43,5%, то в 1994 г. - 46,5. По существу, не произошло замещения выбывших объемов оборонных заказов гражданским ассортиментом. Результаты в этом направлении пока невелики. ДВЗ "Звезда" осваивает производство небольших рефрижераторных судов, завод "Красный Вымпел" занимается утилизацией отдельных видов вооружений, ААК "Прогресс" осваивает производство вертолета К-34 и самолета АН-74 и др.

В существенно худших условиях оказались семь предприятий приборостроения и три недостроенных предприятия, которые, несмотря на разно-

типность выпускавшихся изделий, оснащены были практически однотипным универсальным технологическим оборудованием.

Конверсия оборонных предприятий проводится неорганизованно и без должной поддержки со стороны государства.

В 1992 г. на основе программ конверсии предприятий края на 1992-1995 гг. в комитете экономики и планирования администрации Приморского края было подсчитано, что на эти цели необходимы средства за счет всех источников финансирования в общей сумме 7,037 млрд.рублей в ценах 1991 г. или около 917 млн.долл. За 1992-1994 гг. на эти цели было направлено всего 54,3 млн.рублей или 0,8% (около 7,08 млн. долл.), 36% из них поступило в виде льготных конверсионных кредитов, покрытие убытков от обслуживания этих кредитов взяло на себя государство. Всего за последние пять лет доля централизованных финансовых вложений в конверсию предприятий края составила 29,7% от общей суммы средств, использованных на эти цели. Скоро подойдут сроки возврата кредитов, и это событие еще более усугубит финансовое положение предприятий, имея в виду, что государство в течение 1993-1994 гг. систематически задерживало платежи за выполненные работы и услуги и на начало 1995 г. эта задолженность, по данным администрации Приморского края, составляла более 156 млрд. рублей (ущерб предприятиям не восполнялся).

Крайне медленно на уровне государства решаются вопросы экспорта освоенной производством на предприятиях края специальной техники, которая пользуется спросом за рубежом (вертолеты, суда береговой охраны и др.).

Судоремонт

Предприятия судоремонта могут быть систематизированы в три группы по принципу специализации и исторической принадлежности к государственным ведомствам:

- 1 - общего и специального судоремонта и судостроения;
- 2 - ремонт судов морского транспорта;
- 3 - ремонт рыбодобывающего флота.

Кроме того, на территории края находится несколько судоремонтных предприятий Министерства обороны России, данные по которым закрыты.

Спад производства подтолкнул ряд предприятий к использованию причальных стенок не по прямому назначению, а для перевалки различных грузов (автомашины, лес, металлы и его лом и т.д.).

Выводы

В меньшей степени производство продукции предприятий машиностроения и металлообработки в Приморском крае сократилось на предприятиях, ориентированных на нужды экономики края и обеспечение федеральных интересов России, в этой связи можно ожидать:

- опережающий спад производства в подотраслях, не связанных с железнодорожным и морским транспортом, рыбной промышленностью (приборостроение, производство металлоизделий и металлоконструкций);
- авторемонтные заводы края ожидает в связи с вероятным в будущем насыщении края импортной техникой (из центра России возить далеко и дорого) по мере выработки моторесурса отечественных автомобилей проблема закрытия или перепрофилирования на обслуживание импортной техники;
- такое развитие событий приведет к активному высвобождению технологического оборудования.

- единичный и мелкосерийный характер производства, при высокой его концентрации, и соответствующая этому производственная инфраструктура не создают предпосылок использования накопленного потенциала для производства товаров народного потребления на приборостроительных предприятиях края, специализировавшихся на оборонной продукции; здесь наиболее вероятно использование площадей под склады, в аренду коммерческим структурам и полная дезинтеграция ряда предприятий как производственных единиц; в качестве превентивной меры целесообразно рассмотреть вопросы создания на базе цехов предприятий таможенных складов и производств в таможенных зонах, использования мощностей для утилизации устаревшего вооружения и военной техники; особенно актуально это для заводов г.Арсеньев;

- прогрессирующее старение активной части ОППФ создает реальную опасность массового физического выбытия оборудования;

- конверсия на деле обернулась разрушением накопленного производственного потенциала и не создала замещающих эффективных производств;

- необходимо решить вопрос о долговременных военных заказах предприятиям края и Дальнего Востока, определить при этом, какие предприятия будут иметь государственные заказы, а какие надо конверсировать;

- страны АТР не заинтересованы в сохранении и развитии потенциала машиностроения в Приморском крае;

- предприятия не имеют собственных средств для структурной перестройки, не располагает ими и администрация Приморского края, федеральное правительство практически не финансирует эти процессы и не создает стимулов для вложения в сферу материального производства;

- целесообразно на срок до 8-10 лет ввести меры государственного регулирования на выполнение судоремонтных работ за рубежом, с тем чтобы обеспечить на этот период загрузку (увеличить ее на 15-20%) судоремонтных предприятий и получение средств на техническое перевооружение этих предприятий (сборы, налоги, лицензии);

- стимулировать организацию производства на предприятиях края судового и рыбоперерабатывающего оборудования, оборудования для углубленной переработки сырья, добываемого в крае (льготные кредиты, налоговые льготы); а также рационализацию межзаводских кооперационных связей в области производства необходимые для машиностроения и судоремонта деталей, узлов и приборов.

Наши рефераты

Концептуальные подходы американских синологов к социально-политической ситуации в Китае

Э.Перри "Тенденции в изучении общественных отношений в Китае".
А.Голдстейн "Тенденции в изучении политических элит и институтов в КНР".
П.Муди "Тенденции в изучении китайской политической культуры".
Х.Хардинг "Современные исследования политической ситуации в Китае."

В сентябрьском номере журнала "Чайна Куотерли" за 1994 г. (№ 139) была опубликована подборка статей ряда ведущих китаеведов США, историков и политологов, посвященных характеристике состояния и основных тенденций в изучении социально-политических процессов в современном Китае в последнее десятилетие. Большинство авторов считает это десятилетие важным периодом в исследовании политических процессов в КНР и полагает, что достигнутое, а также значительное расширение источниковой базы открывают путь к переходу исследований этих проблем на новый уровень в фактологическом и теоретическом отношении, позволяют осветить ряд проблем в этой области, остающихся дискуссионными среди китаеведов.

Статья Э.Перри* посвящена проблеме взаимоотношений общества и государства в КНР. Суть этой проблемы автор видит в следующем: приводят ли экономические и политические реформы, осуществляемые в Китае после смерти Мао Цзэдуна, к изменению соотношения удельного веса власти государства и общества в пользу последнего и, если ответ положителен, то какое это может иметь влияние на ход развития политического процесса в этой стране в целом.

Автор отмечает, что в годы, предшествующие "культурной революции", американские политологи были склонны уделять наибольшее внимание структурам и функционированию партии-государства, исходя из общей парадигмы тоталитаризма. Всплеск общественного недовольства и социальные потрясения в КНР во время "культурной революции" побудили многих отказаться от тоталитарной модели в пользу своего рода "плюралистического" подхода - к изучению более или менее автономных группировок и фракций в обществе и в сфере чиновников.

* Элизабет Перри - профессор политологии университета Калифорния, Беркли.

В настоящее время в фокусе внимания исследователей находятся не изолированные друг от друга общество и государство, а принципы и механизм их взаимодействия. Это проявляется, с одной стороны, в изучении вопроса о том, каким образом партия-государство структурирует общество и ограничивает его самостоятельность, а с другой, - каким образом различные общественные силы выражают свои интересы и требования, ограничивая тем самым возможности действий государства.

В этой связи наиболее дискуссионным является вопрос: приводят ли в действительности реформы последних лет в Китае к появлению гражданского общества, состоящего из групп и ассоциаций, относительно независимых от государства, или частное предпринимательство и другие социальные структуры и организации по-прежнему в значительной мере зависят от финансовой и иной поддержки государства.

Перри отмечает, что в последнее время в распоряжении китаеведов появилось значительное количество новых материалов и источников. Это местная пресса КНР, местные архивы, очерки по истории различных государственных и общественных структур и, наконец, возможность прямого общения с гражданами КНР. Автор призывает к более углубленному изучению этого материала и к сравнительному анализу политического процесса в Китае в пространстве, во времени, в различных социальных структурах и слоях и в государственных институтах.

Решение вопроса о соотношении роли общества и государства в современном Китае неразрывно связано с прогнозом развития этой страны в постдэнзовскую эпоху. Здесь также наблюдаются различия в точках зрения. Часть исследователей считает, что реформы на практике приводят к формированию все более независимого гражданского общества, которое в итоге потребует и добьется дальнейшей политической либерализации, переходящей в полномасштабную демократизацию.

Другие наблюдатели считают, что номинально независимые "субъекты" общественно-экономической деятельности на деле в значительной мере зависят от государства и, следовательно, такой союз общества и государства скорее стабилизирует, нежели подорвет ныне действующие авторитарные политические структуры.

И, наконец, третья группа специалистов рассматривает отношения между государством и обществом как антагонистические и полагает, что давление со стороны общества может привести к ликвидации существующей политической системы.

Статья А.Голдстайна* посвящена основным тенденциям в изучении политических элит и институтов КНР. Автор отмечает, что с середины 70-х годов внимание исследователей в этой области концентрируется не на анализе позиций представителей политических элит КНР, а на том, как данные элиты функционируют и взаимодействуют. Слабость институтов в политической системе КНР побудила специалистов прийти к заключению, что формальная должность того или иного лидера отнюдь не тождественна его реальному влиянию. В этой связи особое внимание было уделено феномену личных связей ("гуань си") как одному из ведущих внутренних механизмов политической системы КНР, имеющему глубокие корни в китайской традиционной культуре.

В начале 80-х годов появилась некоторая уверенность, что реформы Дэн Сяопина смогут создать такую политическую систему, в которой фор-

* Авери Голдстайн, доцент политологии Университета Пенсильвании.

мальные посты не будут более опутаны сетью неформальных контактов и влияния. Отставка Ху Яобана и события 1989 г. похоронили иллюзии относительно успешной институционализации политики правящей элиты. Во второй половине 80-х годов аналитики вернулись к идее учета формальных постов и неформального влияния.

Большинство исследователей элит отмечает, что новое поколение китайских политических лидеров и работников административного аппарата относительно моложе, лучше образовано и реформаторски ориентировано. Ряд исследователей особо выделяет его преимущественно инженерно-техническую подготовку. Другие обращают внимание на различия между так называемыми "технократами" и карьерными политическими бюрократами.

Первые полагают, что под влиянием технократической элиты революционно-мобилизационные методы прежних времен уступают место более современным методам управления. Вторые утверждают, что карьерные бюрократы обладают большей властью и влиянием и приближают к себе лишь тех экспертов-технократов, кто заинтересован в сохранении политической монополии на власть со стороны партии-государства.

Автор статьи подчеркивает, что несмотря на все различия в подходах, большинство исследователей серьезно сомневается в способности нового поколения правящей элиты КНР находить правильные решения сложных общественных проблем. Им представляется, что реакция, как карьерных бюрократов, так и технократов, на возможный системный кризис будет весьма консервативной.

Другое важное направление исследования элиты в КНР - это анализ характерных особенностей местного, т.е. провинциального и субпровинциального руководства. Некоторые авторы склонны видеть в этих деятелях часть "селектората", формирующего ряд существенных аспектов общегосударственного курса. Рост влияния местных элит в перспективе может привести либо к децентрализации китайского унитарного государства "де-факто" или к различным вариантам федеративного или конфедеративного устройства страны.

Следующей областью исследований являются так называемые контрэлиты. Наблюдатели делят их на две большие группы: на контрэлиты, действующие в рамках партийно-государственного руководства, прежде всего экспертов-технократов и представителей интеллигенции, принимавших активное участие в работе "мозговых трестов" по разработке реформ в 80-е годы; и на контрэлиты, формируемые за пределами политической системы КНР, - различные диссидентские объединения, китайские студенты, обучающиеся за рубежом и т.д. В этой среде исследователи находят большое разнообразие подходов и мнений. Это и представители поколения интеллигенции 50-х годов, прошедшие через испытания "борьбы с правыми элементами" и "культурной революции", и оппозиционно настроенные и к нынешнему режиму в Пекине, хотя и склонные отказываться от марксистского объяснения истории. И просто молодежь, воспитанная в более либеральной интеллектуальной атмосфере 80-х годов, и поэтому открытая для новых идей и устремлений.

В области изучения политических институтов современной КНР наибольшее внимание по-прежнему уделяется КПК, как организации, обладающей монополией на власть в стране. При этом, как правило, отмечается постепенное ослабление легитимности этой власти, связанное с известными негативными последствиями правления коммунистов как в Китае, так и в других странах, а также с вынужденным признанием КПК того факта, что многие (если не все) ее установки 50-70-х годов были ошибочны, а также с системным крахом социализма в Восточной Европе и бывшем СССР.

Традиционно большое внимание в исследованиях уделяется армии (в особенности в свете событий 1989 г.) и ее роли в механизме передачи власти в постдэнэовский период. Большинство авторов считает, что эффективность политического режима КНР определяется не его авторитетом, а страхом перед возможными репрессиями.

Исследователи отмечают, что, несмотря на упор в НОАК в 80-е годы на профессиональную подготовку, армия по-прежнему остается одной из ведущих политических сил. Военные, однако, принимают участие в политическом процессе не как объединенная группировка, а как сообщество фракций, различающихся по старым связям в полевых армиях времен революционных войн и личным неформальным контактам с лидерами КПК, наработанными в последние годы. Кроме того, для каждого из вертикально соподчиненных подразделений НОАК характерны внутренние конфликты на почве земляческих связей, отношения к реформам, служебного положения и т.д. Вместе с тем отсутствие тесных связей между военным командованием и партийно-административными структурами на местах делает маловероятным возрождение "местного милитаризма" в Китае.

В целом, в условиях отсутствия институционализированного механизма решения конфликтных ситуаций, по мнению большинства специалистов, как в партийно-государственном, так и в военном руководстве по-прежнему большую роль будут играть неформальные связи и контакты.

В связи с перечисленными обстоятельствами ставится вопрос о степени интегрированности политической системы. Ряд политологов предложил концепцию фрагментарного авторитаризма, изображая дело таким образом, будто система уже настолько внутренне дезинтегрирована, что центральное руководство счастливо добьется хотя бы частичной реализации своего курса. Голдстейн, однако, отмечает, что факты, приводимые в работах сторонников такого подхода, свидетельствуют о том, что режим еще в достаточной степени интегрирован и лидеры в центре способны проводить свою линию и на местах, по крайней мере, по тем направлениям и вопросам, которые они считают важными.

Не менее существенным в 80-е годы оставался вопрос о реформируемости социализма. Голдстейн выделяет в изучении этой проблемы три этапа. В начале десятилетия большинство исследователей спорило о степени такой реформируемости в различных странах. После краха социализма на Востоке Европы, в СССР и в свете событий 1989 г. в Китае сравнительные исследования переключились на анализ перспектив постсоциалистического перехода к демократии.

В настоящее время одним из наиболее заметных направлений исследований в этой области стало сопоставление реформ в Китае с опытом преобразований в условиях неавторитарных режимов в некоторых государствах Восточной и Юго-Восточной Азии, прежде всего в Южной Корее, в Сингапуре и на Тайване. Возникают, однако, серьезные сомнения относительно применимости этого опыта в КНР, учитывая обширность и демографические характеристики этой страны, а также то обстоятельство, что ограничение политических свобод в неавторитарных режимах носило лишь временный характер.

В целом, если в начале 80-х годов большинство исследователей не подвергало сомнению существование в будущем коммунистического режима в Китае, то в конце десятилетия режим был сочтен обреченным и дискуссии теперь идут лишь относительно того, когда и каким образом произойдут фундаментальные политические перемены.

С точки зрения автора, в свете изложенного наиболее перспективными направлениями исследований являются следующие: а) сравнительный анализ революционных изменений в Восточной Европе и России и реформ в КНР; б) сравнительный анализ преобразований в КНР и реформ в условиях неавторитарных режимов; в) анализ взаимосвязи между фракционной борьбой и системными изменениями; г) анализ связи между крахом однопартийного правления и жизнеспособностью унитарного государства в огромной, многонациональной и "неустойчиво" процветающей стране.

В статье П.Муди* рассматриваются основные тенденции в исследованиях китайской политической культуры. Главная задача, которую решают исследователи, - определить, в какой степени и в каком направлении меняется политическая культура Китая под влиянием экономических реформ, частичной либерализации режима и большей открытости внешнему миру. Последние исследования в этой области сфокусированы на комплексном анализе взаимосвязей культуры и общественно-политических институтов. Период их раздельного изучения ушел в прошлое. Китайская политическая культура рассматривается как результат воздействия ряда формальных и неформальных институтов, начиная от семьи и школы и кончая местом работы. С другой стороны, отмечается, что политическая культура определяется не только стремлением партии-государства ограничить автономию общества, но и отражает попытку граждан приспособиться к насаждаемой сверху формальной институциональной структуре. В этой связи в центре многих исследований неизменно оказывается феномен неформальных контактов и связей.

С точки зрения ряда исследователей, китайцы совмещают стремление быть ближе к власти с сознанием того, что власть враждебна и ее следует постоянно располагать в свою пользу. Таким образом, недовольство властью сочетается со страхом выразить это недовольство. Китайцы склонны судить и оценивать власть в категориях морали, главным критерием которой выступает гармония, безконфликтность. Политика, основанная на конфликте интересов и мнений, видится им аморальной и социально разрушительной.

Высокая конфликтность характерна для общественно-политической жизни в Китае так же, как и для всех других государств, однако в условиях отсутствия культурной легитимности конфликта, его проявления принимают подчас патологический характер.

Не меньшее внимание привлекает проблема совместимости модернизации и китайской традиционной культуры, прежде всего конфуцианства. Автор отмечает, что в американской синологии в последнее десятилетие произошла своего рода реабилитация конфуцианской традиции, которая ныне уже не считается антиподом модернизации. Появилось новое понимание преемственности культурной традиции. Эта преемственность вовсе не означает, что современный Китай тождествен традиционному Китаю. Речь идет прежде всего о снятии жесткой антитезы в трактовке проблемы "традиция - модернизация".

Еще одной проблемой, занимающей исследователей в этой сфере, стало определение степени политизации китайского общества. Работы, появившиеся в самом начале 90-х годов, констатируют набирающую силу тенденцию деполитизации китайского социума. С точки зрения П.Муди, однако, такой подход отражает не столько общую тенденцию развития политической культуры, сколько ее весьма специфическое состояние на рубеже 80-90-х годов,

* Питер Муди: преподаватель факультета правительственных и международных исследований университета Нотр Дам.

когда режим допускал некоторую деполитизацию общества в обмен на отказ от требований фундаментальных политических перемен.

В краткой статье Г.Хардинга,* предваряющей рассмотренные выше статьи, формулируются основные вопросы, на которые призваны дать ответ специалисты по социально-политическим процессам современного Китая:

Приводит ли экономическая реформа в системе государственного социализма к формированию гражданского общества, или имеет место "симбиоз" общества и государства?

Может ли государство эффективно бороться с требованием демократизации или появление гражданского общества делает движение в сторону демократии неизбежным?

Может ли политическая реформа проходить гладко или неизбежно возникновение драматических коллизий из-за противоречия между радикализмом демократических требований и отсутствием гибкости в позиции существующих политических элит и институтов?

Может ли децентрализация в сферах экономики и политики проходить постепенно или неизбежен рост разрушительного сепаратизма?

Способны ли реформы политической и экономической систем создать демократическую и предпринимательскую культуру или существующая политическая культура, основанная на иерархии, зависимости и отчуждении, будет подрывать реформы путем коррупции и создания нестабильности?

Данные вопросы актуальны не только для Китая, но и для всего социалистического и постсоциалистического мира от Кубы до Монголии и от Вьетнама до Восточной Европы. В этой связи Хардинг делает вывод, что, возможно, впервые исследования в области китаеведения обещают внести большой теоретический и практический вклад в изучение межрегиональных, общеполитологических проблем. Для этого, однако, необходимо предпринимать дальнейший углубленный анализ региональных и иных различий в развитии Китая, а также широко сопоставлять китайский материал с материалом по другим коммунистическим системам.

© 1996

*М.Карпов,
кандидат исторических наук*

* Гарри Хардинг, старший научный сотрудник программы внешнеполитических исследований Брукинс Инститьюэнз, Вашингтон.

Политическое будущее Гонконга

© 1996

Чжэн Юйшэн

В данном обсуждении политического будущего Гонконга прежде всего рассмотрим Основной Закон, конституционную основу будущего Гонконгского особого административного района (ГОАР). Затем проанализируем китайско-британские переговоры по Гонконгу, при этом особое внимание будет уделено тем из них, которые велись в период губернаторства Криса Паттена. Наконец, будет затронута политика Пекина в отношении Гонконга, а также отношение местного населения к будущему этого образования.

I Основной Закон.

(а) Конституционный и правовой статус ГОАР.

С точки зрения иерархии законов, принятой в КНР, Конституция - это "фундаментальный закон государства, который имеет высшую юридическую силу". Следующими в иерархии законов идут основные законы, обычные парламентские законодательные акты, административные постановления и правила, принимаемые Государственным Советом КНР. За ними следуют постановления местных органов власти, принятые собраниями народных представителей провинций и городов центрального подчинения и их постоянных комитетов. Причем законы более низкого уровня не могут противоречить законам более высокого. Закон о ГОАР относится к категории "основных законов"; сходным с ним по своему статусу является Закон об автономных образованиях национальных меньшинств КНР, принятый 31 мая 1984 г. ВСНП.

В противоположность национальным автономным образованиям КНР право на автономию ГОАР не гарантируется конституцией, а оговаривается в качестве особого условия в Основном законе, принятом ВСНП. Дополнительные гарантии ГОАР предусмотрены международным соглашением - Китайско-британской совместной декларацией. Однако с точки зрения реальных прав, которыми будет пользоваться ГОАР, как намечено в общих чертах в Приложении 1 к Китайско-британской совместной декларации и в Основном Законе, ГОАР будет пользоваться гораздо более высокой степенью автономии, чем нынешние национальные автономные образования КНР.

Гонконг как ОАР, находящийся под суверенитетом Китая, был предупрежден о нежелательности тенденций, направленных на то, чтобы стать "независимой политической структурой". В Китайско-британской совместной декларации говорится: "ГОАР будет пользоваться высокой степенью автономии...". Однако "высокая степень автономии" подразумевает и "ограниченную автономию". Очевидно, что правительство КНР не пойдет на замену существующей унитарной системы на федеральную ради воссоединения с Тайванем, Гонконгом и Макао. В некоторых группах гонконгского общества была идея предоставления Гонконгу "остаточной власти", дающей ГОАР все полномочия по ведению своих дел, за исключением дипломатических связей и вопросов обороны, которые остаются за центральным правительством в Пекине. Однако это предложение не было принято властями КНР.

В трактовке Чжан Ююя, бывшего членом Комиссии по разработке Основного Закона (КРОС), заместителем председателя комиссии ВСНП по законодательству и ведущим экспертом-правоведом КНР, "высокая степень автономии", которой предстоит пользоваться ГОАР, выглядела даже еще более ограниченной. Чжан заявил: "Высокий уровень автономии, которым он (ГОАР) будет пользоваться, предоставляется центральными органами государства, и этот уровень автономии имеет пределы. Реализуя свой высокий уровень автономии, Гонконг не останется совершенно без руководства и даже необходимого вмешательства со стороны центрального правительства. Однако реализация Гонконгом его высокого уровня автономии не может нанести ущерб национальному суверенитету Китая".

В пределах требования "остаточной власти" для ГОАР различные группы в Гонконге требовали также предоставления правительству ГОАР права предлагать поправки к Основному Закону. Однако статья 159 Основного Закона устанавливает: право предлагать законопроекты о внесении поправок к настоящему Закону будет предоставлено Постоянному Комитету ВСНП, Государственному Совету КНР и Гонконгскому особому административному району...

Согласно статье 159, Центральное правительство КНР будет полностью контролировать процесс внесения поправок. Более того, согласно статье 67 Конституции КНР, Постоянный Комитет ВСНП наделен правом толкования Конституции и других законов КНР.

б) Политический строй ГОАР

Несмотря на то, что в вопросах, связанных с прямыми выборами, политическими партиями и т.п. в Гонконге между КНР и администрацией сохраняются противоречия, вскоре после парафирования Китайско-британской совместной декларации был достигнут консенсус по основным принципам. Во-первых, почти все согласились с тем, что политическую систему ГОАР следует планировать такой, чтобы она смогла достичь высокой степени стабильности. Во-вторых, будущее правительство ГОАР должно быть эффективным. Излишний акцент на разделении властей, на взаимном контроле и системе взаимных сдержек и противовесов мог бы привести к конфронтации между различными ветвями власти, ведущей к политическому кризису и параличу правительства. На основе достигнутого консенсуса положению Гонконга больше отвечает, по-видимому, модифицированная президентская система.

Статья 45 Основного Закона подтверждает то, что было оговорено в качестве особого условия в Китайско-британской совместной декларации: "Глава администрации Гонконгского особого административного района будет избираться на выборах или посредством консультаций на местном уровне и

назначаться Центральным народным правительством". Ожидалось, что это назначение будет простой формальностью, призванной показать суверенитет Китая над Гонконгом. Однако китайские официальные лица, ответственные за вопросы, связанные с Гонконгом, дали понять, что право назначения будет "реальным", подразумевая, что Центральное правительство будет обладать правом вето. Сегодня жители Гонконга, как правило, полагают, что первым главой администрации станет тот, чья кандидатура будет приемлемой и для Пекина, и для деловой общественности, и что Пекин окажет решающее воздействие на процесс выборов или консультаций.

Чтобы соответствовать упомянутому выше методу отбора, глава администрации "должен быть подотчетен Центральному народному правительству и Гонконгскому особому административному району в соответствии с положениями настоящего Закона" (Статья 43). Гонконгская общественность обеспокоена тем, что подотчетность главы администрации Центральному народному правительству точно определена, поскольку Центральное народное правительство является конкретным органом, контролирующим его назначение, подотчетность же главы администрации ГОАР не определена в Основном Законе. Говоря политическим языком, люди сомневаются, будет ли глава администрации надежно отстаивать интересы Гонконга, если при этом он может вызвать раздражение Центрального народного правительства.

Важно отметить, что право главы администрации назначать и смещать главных чиновников правительства ГОАР крайне ограничено. Он может выдвигать кандидатуры этих лиц и сообщать о них Центральному народному правительству, а также предлагать Центральному народному правительству кандидатуры чиновников на смещение (статья 48.5). Основной Закон не конкретизирует критерии, по которым Центральное народное правительство будет одобрять (или не одобрять) кандидатуры, выдвинутые главой администрации, и его предложения по смещению главных чиновников. Представляется, что отказ Центрального народного правительства одобрить предложения главы администрации по смещению некоторых главных чиновников мог бы вызвать существенные затруднения в работе правительства ГОАР. Отсутствие четко определенного права смещения главных чиновников также повлияет и на статус главы администрации как главы правительства.

В истории КНР назначение глав администрации и главных чиновников местных правительств Центральным народным правительством происходило только при каких-то чрезвычайных обстоятельствах.

В реальной практике Коммунистическая партия Китая (КПК) контролирует кадры местных правительств на всех уровнях, невзирая на конституционные права, предоставленные местным собраниям народных представителей. Очевидно, что пока контроль местных партийных органов не будет установлен, Центральное народное правительство должно будет взять его на себя. Назначение главы администрации и главных чиновников первого правительства ГОАР будет, несомненно, тесно связано со "стратегией Единого фронта" Пекина по отношению к данной территории.

Политический строй ГОАР, как обрисовано в основном Законе, дает возможность главе администрации быть очень сильным лидером в местном правительстве. Глава администрации обладает правами и функциями, сходными с правами и функциями Президента США и, быть может, даже большими в отношении законодательной власти. Согласно статьям 48-52, законопроекты, принятые Законодательным Советом, перед обнародованием в качестве законов должны быть подписаны главой администрации (статья 48.3). Если глава администрации посчитает, что законопроект, прошедший Законо-

дательный Совет, несовместим с общими интересами ГОАР, он может в течение трех месяцев вернуть его в Законодательный Совет для пересмотра. Если Законодательный Совет вновь примет исходный законопроект большинством не менее 2/3 голосов, глава администрации должен подписать и обнародовать его в течение одного месяца (статья 49). Однако глава администрации имеет еще одну возможность, которой нет у президента США, — он может по-прежнему не подписывать законопроект, а вместо этого распустить Законодательный Совет. Он может распустить Законодательный Совет также и в случае, если тот отказывается принять бюджет или другие важные законопроекты и если после консультаций не удастся достигнуть консенсуса (статья 50).

Еще одним свидетельством силы главы администрации и слабости Законодательного Совета является право главы администрации “утверждать предложения Законодательного Совета по доходам и расходам” (статья 48.10) и “решать, в аспекте безопасности и жизненно важных общественных интересов, должны ли государственные чиновники или другие лица, ответственные за государственные дела, давать показания перед Законодательным Советом или его комиссиями” (статья 48.11). В то время как глава администрации может без объяснения причин отвергнуть любое предложение по доходам и расходам, представленное в Законодательный Совет, последний может лишь идти навстречу предложениям самого главы администрации по доходным и расходным статьям. Остается недостаточно ясным вопрос, может ли законодательный Совет отклонить отдельные пункты бюджета, но, по-видимому, не может. Поскольку Законодательный Совет может лишь принять или отклонить бюджет как единое целое, а отказ принять бюджет влечет его роспуск, контроль со стороны Законодательного Совета за доходами и расходами государства будет крайне ограниченным. В таких условиях Законодательному Совету в процессе консультаций между двумя ветвями власти, придется, возможно, полагаться преимущественно на давление общественного мнения, как средство убеждения по отношению к главе администрации и исполнительной власти в целом. Так в действительности обстоят дела сегодня.

Право главы администрации освобождать государственных чиновников или других лиц, ответственных за дела государства, от дачи показаний Законодательному Совету и его комиссиям крайне затруднит контроль со стороны Законодательного Совета за действиями исполнительной власти и ее главы. Соображения безопасности и жизненных общественных интересов не являются достаточным основанием для того, чтобы не позволить Законодательному Совету вызывать государственных чиновников или других лиц, отвечающих за дела государства, для дачи показаний: дача показаний может проходить на закрытых заседаниях.

Тем не менее Законодательный Совет может поставить в повестку дня дачу показаний, лишь получив предварительное письменное согласие главы администрации (статья 74). Очевидно, что существует угроза того, что “государственное благоразумие” может быть определено столь широко, что почти лишит Законодательный Совет возможности вносить законопроекты на рассмотрение.

Раздел Основного Закона, посвященный законодательной власти, не оговаривает права законодателей на импичмент по отношению к исполнительной власти и Административному совету. Не имеют они и права назначать главных чиновников и членов Административного совета ГОАР.

В общем, политический строй, обрисованный в главе IV Основного Закона, представляет собой систему с “исполнительной доминантой”, когда глава администрации будет обладать властью, сходной с властью нынешнего

британского губернатора. Законодательный Совет будет обладать лишь ограниченными правами. То, что глава администрации должен отчитываться перед Центральным народным правительством, а не перед Законодательным Советом, и назначение главных чиновников также должно утверждаться Центральным народным правительством, несомненно, скажется на автономии ГОАР.

Очевидно, что предпринимается попытка сохранить политическую структуру ныне существующего колониального управления, поскольку как Пекин, так и консервативные деловые круги воспринимают ее как составную часть фундамента экономического процветания и политической стабильности Гонконга. Позицию консервативных деловых кругов отражает заявление Рональда Ли, бывшего председателя гонконгской фондовой биржи. В июне 1987 г. на международной конференции по инвестициям Ли заявил, что "Гонконг - это колония. Это диктатура, хотя и либеральная. Он (Гонконг) был британской колонией и собирается стать колонией китайской, и в этом качестве будет процветать. Нам здесь не нужны свободные выборы". Конечно, колониальное управление Гонконгом является либеральным; здесь достаточно свобод, и соблюдается верховенство закона. Однако колониальная власть должна быть подотчетна демократическому правительству, которое желает защищать свободу и верховенство закона - это и является гарантией либеральности колониальных властей.

Искренность намерений лидеров КНР поддерживать стабильность и процветание в Гонконге и сегодня и после 1997 г. не подлежит сомнению, иначе они не стали бы брать на себя труд разработки Китайско-британской совместной декларации и Основного Закона ГОАР. Однако ясно, что беспокойство насчет сохранения процветания не заглушается обещаниями "высокой степени автономии" и "самоуправления" для ГОАР.

Итак, население Гонконга должно, по-видимому, рассчитывать, что не столько Основной Закон, сколько перечисленные ниже местные и международные факторы будут гарантировать выполнение руководством КНР обещаний, данных ему в процессе Китайско-британских переговоров по совместной Декларации. Во-первых, в течение последних лет руководство КНР старалось уверить международную общественность в том, что его политика "открытых дверей" не претерпит изменений. Его курс по отношению к Гонконгу рассматривался и как проверка этой политики. Любое нарушение духа и буквы обещаний, данных Гонконгу, повредило бы международной репутации КНР. Во-вторых, в качестве ОАР под суверенитетом КНР Гонконг будет служить важным примером для Тайваня. В-третьих, изменение политики КНР по отношению к Гонконгу может отразиться и на ее внутренних реформах. С наибольшей вероятностью пострадают различные либеральные экономические установки, которые реализуются в особых экономических зонах и приморских городах. Наконец, до тех пор, пока руководство КНР будет дорожить вкладом Гонконга в программу модернизации Китая, оно будет терпеть этот капиталистический анклав. Однако абсолютной гарантии того, что положение в Гонконге останется без изменений до 2047 г., все эти факторы не дают. Более того, эти факторы могут, в большей степени гарантировать, что "существовавшая в Гонконге капиталистическая система и образ жизни останутся без изменений в течение 50 лет", чем обеспечить обещанные "высокую степень автономии" и "самоуправление".

II. Китайско-британская конфронтация и ее влияние

Несмотря на принятие китайско-британской совместной декларации в 1984 г. и Меморандума о взаимопонимании по Стратегии развития порта и аэропорта (СРПА) в 1991 г., в двусторонних отношениях все еще присутствуют серьезные недоверие и многочисленные предположения о тайных сговорах. Предположения о заговорах, возникающие у руководителей Китая, коренятся в отсутствии у них ощущения безопасности. События на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. и драматические изменения, произошедшие в Восточной Европе и Советском Союзе сильно обострили это чувство. К своему несчастью, Гонконг оказался вовлеченным в упомянутые события не по своей воле. После событий на Тяньаньмэнь китайские лидеры подвергли Гонконг критике как "базу контрреволюции".

Конечно, сегодня руководители Китая проявляют меньше раздражения, однако в глубине души они все время, кажется, ждут осуществления в ходе процесса деколонизации каких-то британских происков. Они ссылаются на новейшую историю и приводят примеры стратегии "разделяй и властвуй", принятой в отношении различных британских колоний (особенно тех из них, которые расположены в Азии) и тяжелого наследия, которое доставалось им в ходе процесса деколонизации и после его завершения. Так, существует серьезное беспокойство, что британская администрация ко времени своего отъезда из колонии может израсходовать все резервы и тем самым поставить правительство ГОАР в тяжелое положение. Следствием этого беспокойства являются проблемы, связанные с намерениями британской администрации принять меры по улучшению работы общественных служб. Эти меры могут привести к дефициту бюджета британской администрации, утяжелив финансовое бремя будущего правительства ГОАР, и выставить последнее в невыгодном свете, поскольку у него будет мало шансов произвести на общество хорошее впечатление за счет улучшения работы различных служб. Показательной является и критика со стороны китайских властей недавно предложенной схемы пенсий по старости. Деловые круги разделяют позицию китайских властей, хотя и по другим причинам. Они обеспокоены тем, что с созданием в Гонконге предательской власти на британскую администрацию будет оказываться значительное давление с целью увеличения расходов на социальные нужды, и бизнесмены будут вынуждены оплачивать их через более высокие налоги.

Местные лидеры Гонконга, которым в наибольшей степени доверяет Пекин, испытали на себе несправедливость британской администрации. Например, лидеры пропекински настроенной Китайской главной торговой палаты не допускались в Совет развития торговли вплоть до принятия Китайско-британской совместной декларации. Пропекинские начальные и средние школы начали получать государственные субсидии лишь в последние годы. Естественно, что они воспринимают британскую администрацию недоброжелательно, а такое ее восприятие, в свою очередь, определяет отношение китайских чиновников, отвечающих за гонконгские дела. Кроме того, стараясь завоевать сердца жителей Гонконга, китайские власти эксплуатируют идеи национализма и патриотизма, что в свою очередь усиливает распространение взаимного недоверия и подозрений в заговорах.

В своем стратегическом планировании китайские чиновники, ответственные за дела Гонконга, полагают, что они должны быть готовы к такому сценарию, когда британская администрация будет пытаться использовать международные демократические круги для оказания давления на китайские власти. Такой сценарий стал намного более вероятным после событий на

Тяньаньмэнь. Когда Крис Паттен представил свои предложения по политическим реформам и попытался мобилизовать поддержку местного и международного общественного мнения, в глазах властей Китая этот сценарий стал реальностью.

Большей части населения Гонконга оказалось непросто понять, почему правительство консерваторов ужесточило свою позицию по Гонконгу на переговорах с китайским правительством и вознамерилось и дальше продвигать демократические реформы. Основное рассуждение было таким: британское правительство посчитало, что за предыдущие несколько лет оно слишком много уступало, так много, что британская администрация оказалась в роли неудачника. Тем самым цель "уйти с достоинством" оказалась под угрозой, и сохранение эффективного управления в оставшиеся годы переходного периода стало проблематичным. Для того чтобы вновь захватить инициативу, нужен был новый подход. Кроме того, события на Тяньаньмэнь и обнародование Основного Закона ГОАР внушили чувство вины лидерам Великобритании, которые почувствовали, что должны чем-то компенсировать возвращение Гонконга в лоно социалистической родины. В результате пакет политических реформ Криса Паттена был одобрен всеми основными политическими партиями и активно поддержан британским общественным мнением. С учетом программы модернизации Китая и его политики открытости по отношению к внешнему миру, британская администрация пришла к заключению, что Гонконг слишком важен для Китая. Крупные инвестиции китайских предприятий в Гонконге станут другим важным ограничивающим Пекин фактором. Поэтому был сделан вывод, что разногласия и даже дипломатическая конфронтация между Лондоном и Пекином не скажется отрицательно на стабильности и процветании Гонконга.

Очевидно, что губернаторский пакет политических реформ соответствовал стремлению народа Гонконга к более быстрому созданию представительной власти как гаранта его свободы, его образа жизни и верховенства закона. В одном опросе общественного мнения, проведенном сразу после политической речи губернатора, 73% респондентов заявили о своей согласии с планом Криса Паттена, а 60% согласились, что он зашел достаточно далеко, чтобы удовлетворить существующее стремление к демократии. 48,8% респондентов полагало, что правительство Гонконга должно продолжать политические реформы, предложенные губернатором, даже если власти Китая отвергнут их.

По мере эскалации китайско-британской дипломатической конфронтации пропекинский объединенный фронт развернул собственную кампанию мобилизации народа Гонконга на основе националистических и патриотических призывов. Вэн Вэйпо (пропекински настроенный журналист Гонкога) 16 декабря 1992 г. начал публикацию серии статей о том, как "Британия уходила из своих колоний", а в комментарии Агентства "Синьхуа," посвященном финансовой группе Джардинс, было упомянуто, что она разбогатела на торговле опиумом. Ожидается, что такая пропаганда усилится по мере приближения к 1997 г.

В этих условиях гонконгское общество становится все более поляризованным. С точки зрения китайских властей, население Гонконга настроено либо прокитайски, либо пробритански. Требование развития демократии, таким образом, трактуется как поддержка британской администрации, и позиция правительства Китая по этому вопросу определяется стремлением защитить национальный суверенитет. Такая позиция оказалась эффективной для запугивания населения Гонконга и предотвращения открытых требований ус-

корения процесса создания представительной власти. Постепенно общество становится совершенно равнодушным. Опрос общественного мнения в середине 1994 г. свидетельствует, что более 90% респондентов не понимают обсуждаемых законодательной властью конкурирующих пакетов политических реформ или не знают о них. Кроме того, различные опросы общественного мнения показали уменьшение поддержки всех основных политических групп Гонконга. В ходе активной борьбы за поддержку перед решающими голосованиями в Законодательном Совете по пакетам политических реформ пресса сообщала об отвратительных сторонах лоббирования и подвергала резкой критике политические сделки за закрытыми дверями. Последовавшие за этим взаимные обвинения политиков и политических групп нанесли, разумеется, еще больший урон их имиджу.

Наиболее важным следствием китайско-британской дипломатической конфронтации явилось решение китайских властей отказаться от своего плана по совместной с британской администрацией подготовке руководителей будущего правительства ГОАР. После визита Криса Паттена в Пекин в октябре 1992 г. Лу Пин предупредил, что власти Китая собираются "растопить другую печь", то есть организовать из пропекински настроенных общественных лидеров группу советников по планированию механизма передачи власти. Эта группа будет весьма похожа на "теневое правительство" Гонконга, что поставит под угрозу легитимность и эффективность правления британской администрации. Сообщалось, что идея "растопить другую печь" исходит от самого Дэн Сяопина. В современной же китайской политике курса, указанного верховным руководителем, будут придерживаться любой ценой до тех пор, пока он сам не будет готов по-новому оценить ситуацию и изменить свою политику.

Ввиду отсутствия у китайских властей доверия к населению Гонконга и чувства собственной безопасности, а также вследствие поляризации местной политической элиты, пекинские чиновники, ответственные за гонконгские дела, оказались не способными сформировать "как можно более широкий единый фронт", а предпочли вместо этого опереться лишь на тех, кто готов беспрекословно придерживаться официального курса Китая. Очевидно, что такие люди не пользуются особым доверием и уважением со стороны гонконгской общественности.

Все заинтересованные стороны не верят больше в полноценное сотрудничество между Пекином и Лондоном в деле безопасного и гладкого перехода власти к 1997 г. В том, что касается политического строя ГОАР, каждая из сторон пойдет своим путем. Обе стороны приготовились к самому худшему, при этом не предусмотренные заранее проекты, будучи приведенными в движение, далее будут набирать ход сами по себе. В обоих лагерях есть серьезные силы, заинтересованные в эскалации конфронтации.

Даже если бы Пекин и Лондон продолжили сотрудничество в Гонконге, как во время губернаторства лорда Вильсона, китайские власти все равно занимались бы своей деятельностью, связанной с "единым фронтом" и подготовкой для ГОАР пропекински настроенных руководителей. Однако, если бы обе стороны смогли сотрудничать в подготовке будущих лидеров, британская администрация оказывала бы существенное влияние на этот процесс. Более того, в этом случае Подготовительный комитет ГОАР был бы формально организован в 1996 г., а его рабочая группа вообще бы не возникла. "Растопка другой печи" была задумана как подготовка к наихудшему развитию событий, а также для оказания давления на британскую администрацию. Однако ее результатом явилось существование в Гонконге двух противостоящих политических элит, взращенных властями Китая и британской администрацией, соответственно. Это противостояние поляризует общество и ослабляет доверие

к местной политической элите. Оно также отрицательно сказывается на законности и эффективности правления как нынешней британской администрации, так и будущего правительства ГОАР.

В условиях китайско-британской конфронтации британской администрации будет все труднее кооптировать в свою консультационную систему лиц, пользующихся уважением общества, что, в свою очередь, ослабляет привлекательность самой администрации. Наиболее угрожающим образом будет складываться положение с лояльностью высокопоставленных государственных служащих. Некоторые из них останутся преданными, однако они скорее всего постараются до 1997 г. получить британский паспорт. Меньшая часть будет стараться произвести положительное впечатление на китайские власти. Однако подавляющее большинство останется не у дел в тот момент, когда британская администрация не сможет больше сохранять большинство в Законодательном Совете, а значит перестанет нуждаться в высокопоставленных чиновниках для активного отстаивания своих интересов. Недавний опрос руководящих работников, проведенный автором совместно с доктором Джайн Ли, свидетельствует, что 36,8% респондентов беспокоятся за свою карьеру на государственной службе после 1997 г., 68,1% респондентов заявили, что их тревожит участие пекинских чиновников в принятии Гонконгом важных политических решений. Возможно, что отрицательное отношение бюрократов к будущему политическому строю выразится в ранних уходах на пенсию и отставках с государственной службы. Опрос показал, что 64,3% респондентов имеют британские паспорта, еще 10,9% - паспорта других иностранных государств, и что 33,4% не собираются оставаться на своих постах после 1997 г.

Местное общество было разочаровано прекращением китайско-британских переговоров по политическим реформам, однако восприняло его спокойно. На деле в первом квартале 1994 г. существенно возросли прибыли на рынке недвижимости, вынудив правительство Гонконга вмешаться с целью обуздания спекуляции. Жители Гонконга больше не верят в то, что Лондон может добиться для них от Пекина каких-либо существенных уступок. Они приняли тот факт, что к 1997 г., если не раньше, тон будут задавать китайские власти. Именно поэтому они не обратили внимания на дебаты по губернаторскому пакету политических реформ, состоявшиеся в Законодательном Совете в конце июня 1994 г. Однако ради защиты своих интересов население Гонконга приветствовало бы китайско-британское сотрудничество в решении проблем, связанных с переходом власти, побуждая Пекин и Лондон продемонстрировать свою искренность, продолжив кооперацию в различных областях, не затрагивающих государственный строй.

С другой стороны, деловые круги в ходе китайско-британского конфликта твердо поддерживают правительство Китая. Они доверяют китайским экономическим реформам и его открытости внешнему миру. Это доверие быстро восстановилось даже после событий на Тяньаньмэнь. Бизнесмены считают эту тенденцию необратимой. Поэтому они высоко оценивают будущее экономики Китая и роль Гонконга в его развитии. С этой точки зрения, китайско-британская конфронтация - явление временное, и по мере приближения 1997 г. она будет все меньше затрагивать Гонконг. Таким доверием со стороны бизнесменов объясняется бум на рынке недвижимости и фондовом рынке, продолжающийся в последние годы несмотря на определенную корректировку деятельности на первом из них со второго квартала 1994 г. Нельзя отрицать и поступления на эти рынки крупных сумм из Китая. Простые жители Гонконга разделяют этот оптимизм относительно экономического развития Китая, так как они были свидетелями того, что происходило в течение по-

следних лет в дельте Перл-ривер. Знают они и об экономическом кризисе на Западе, вызвавшем реэмиграцию. Поэтому местное общество дорожит своим статус-кво и не хочет, чтобы стремление к демократии раскачало лодку, вызвав гнев китайских властей. Оно даже не отреагировало на подтверждение того, что после 1997 г. в городских кварталах Гонконга будет расквартирована Народно-Освободительная Армия Китая.

III. Взгляд в будущее

Подлинная демократия придет в Гонконг не в результате китайско-британских переговоров, а как следствие демократизации самого Китая. Вызревание условий, необходимых для возникновения представительной власти займет два-три десятилетия. С развитием экономики и увеличением доходов в Китае появится средний класс. Деловое сотрудничество с внешним миром потребует верховенства закона. По мере трансформации режима от тоталитарного к авторитарному постепенно будет получать распространение свобода печати и объединения. Жители Гонконга должны сосредоточиться не столько на том, какое число законодателей будет избираться на прямых выборах, сколько на ревностной защите верховенства закона и свободы средств массовой информации. Усилия в этом направлении будут поддержаны и деловыми кругами, по крайней мере их просвещенной частью, а лучший способ получить такую поддержку - показать, что это в их же интересах.

Все мы слышали такую похвалу Гонконгу: "Шэньчжэнь учится у Гонконга, Гуандун учится у Шэньчжэня, и вся страна учится у Гуандуна". (Средствам массовом информации Гонконга достало мудрости не обыгрывать этот лозунг). Мы должны помнить, что гонконгская модель - это единое целое. Признание этого становится все более важным по мере приближения 1997 г. То, что иностранцы приезжают и восхищаются нашими достижениями в сфере жилищного строительства и работой Независимой комиссии по борьбе с коррупцией, полностью взаимосвязано с нашими политическими, экономическими и культурными ценностями, лежащими в основе нашего успеха. Все, кого беспокоит будущее Гонконга, должны информировать и убеждать китайские власти в том, что поддержание стабильности и процветания этой территории зависит от сохранения этих ценностей. Это тем более важно сегодня, когда общество Гонконга становится все более равнодушным, а его политическая элита - все более поляризованной.

Гонконг оказывал воздействие на процесс модернизации Китая своим примером, а также посредством торговли, инвестиций и различных программ по обмену. Важным слагаемым успеха провинции Гуандун была просвещенность местных кадров, чья либеральная позиция и преданность делу развития города и городских предприятий внесли большой вклад в процветание провинции и сделали ее предметом зависти для остальной страны. Понятно, что главными источниками информации, ведущей к такому просвещению, послужили гонконгские радио- и телепрограммы. Дальнейшая эволюция "южно-китайского экономического пространства" пока остается неясной. Однако есть надежда на то, что ветер модернизации будет по-прежнему дуть из Гонконга, вызывая в Китае переоценку ценностей, способствующую непрерывному экономическому росту.

Влияние примера Гонконга на Китай увеличивает значение местной модели, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако нельзя отрицать и существование оборотной стороны тесных экономических связей между Гонконгом и Китаем. Общеизвестно, что свирепствующая в Китае корруп-

ция поразила и Гонконг, нанеся ущерб верховенству закона, имеющему и коммерческую ценность. В будущем сохранение целостности гонконгской модели станет еще более сложной задачей.

Сохранение такой модели требует понимания со стороны властей КНР и усиления диалога между Гонконгом и Пекином. Отстаивание интересов Гонконга в Китае, улучшение понимания властями КНР местных проблем и содействие популяризации имиджа Гонконга являются одними из приоритетных задач британской администрации и правительства ГОАР. Почти все провинции Китая открыли свои официальные или неофициальные представительства в Пекине, основными функциями которых является сбор информации о политических директивах центрального правительства и лоббирование. Хотя открытие такого представительства не стоит в повестке дня встреч Группы по китайско-британским связям, быть может, общественности и Рабочей группе Подготовительного комитета ГОАР стоит об этом подумать. Поскольку к 1997 г. Гонконг станет ОАР под суверенитетом Китая, он, естественно, должен открыть представительство в Пекине, и чем скорее, тем лучше.

Как и во многих областях политики, недоверие руководства Китая к данной территории создало ненужные препятствия на пути нововведений в Гонконге. Страх вызвать подозрения и гнев Пекина приводит к равнодушию и подавляет инициативу. Гонконг должен постараться восстановить взаимное доверие с Пекином. Возможно, когда после 1997 г. тупик в китайско-британских отношениях перестанет иметь значение, правительству ГОАР удастся разорвать этот порочный круг.

© 1996

*Перевод с английского языка
Ольги Чжао*

Экономика

О проблеме защиты прав интеллектуальной собственности в китайско-американских торгово-экономических отношениях

© 1996

М.Потапов

Вторая половина 1994 г. - начало 1995 г. характеризовались значительным ужесточением споров между США и КНР по проблемам защиты прав интеллектуальной собственности (ЗПИС), поставившим стороны на грань торговой войны.

30 июня 1994 г. американская администрация включила КНР в список стран, подпадающих под 301 специальную статью Закона США о торговле (1974), и начала шестимесячное "расследование" положения дел в Китае в области ЗПИС. По истечении шестимесячного срока, 31 декабря 1994 г., аппаратом торгового представителя - США был обнародован предварительный список китайских товаров, подлежащих торговым ограничениям, оцениваемым в 2,8 млрд.долл.¹ Одновременно срок "расследования" был продлен до 4 февраля 1995 г.

Однако двусторонние переговоры, в том числе непосредственно перед 4 февраля, не дали положительного результата. Американской стороной было объявлено о вступлении в силу с 26 февраля 1995 г. жестких тарифных ограничений (повышения тарифных ставок до 100% уровня) в отношении ввоза в США основных товаров китайского экспорта: электроники, обуви, игрушек, велосипедов, часов и пр., - всего 35 товарных позиций на сумму 1,08 млрд.долл. Данное решение явилось самой крупной в истории экономической санкцией Вашингтона в сфере межгосударственных отношений.

Несмотря на развернутую Пекином ширококомасштабную кампанию по борьбе с нарушениями прав интеллектуальной собственности (сообщалось, в частности, об изъятии в 1994 г. в этой связи 1,58 млн. книг и более 2,2 млн. лазерных дисков, ужесточении уголовной и административной ответственности, создании специальных судов провинциального и городского уровней, изменении законодательства в этой области), США обвиняют Китай в отсутствии надлежащей системы исполнения законов и "закрытости" их рынка для американских товаров. Вашингтон потребовал от КНР внести соответствующие изменения в гражданский кодекс, судебное законодательство, наладить таможенный и пограничный контроль, открыть китайский рынок для американских кино и видеофильмов, аудиопродукции, ряда товаров сельского хозяйства, фармацевтики. Китайской стороне был представлен список 29 действующих фабрик в ее южных провинциях, занимавшихся незаконным тиражированием аудио- и видеопродукции (до 75 млн.

Потапов Максим Александрович, кандидат экономических наук, атташе Посольства РФ в КНР

компакт-дисков ежегодно) и последующим экспортом в страны Юго-Восточной Азии, а также Северную и Южную Америку.

Тесно связана с вопросами ЗПИС в Китае проблема несбалансированности китайско-американской торговли, значительного торгового дефицита США. Различия в методике внешнеторговой статистики сторон дают разные результаты: если по данным китайской таможни в 1994 г. торговое сальдо в ее пользу составило всего лишь 7,5 млрд.долл., то по американским данным - 28,9 млрд. (см.табл.)

Таблица

Взаимная торговля между КНР и США в 1994 г. (млрд.долл.)

	Китайские данные	Американские данные
Экспорт КНР в США	21,46	37,70
Импорт КНР из США	13,97	8,80
Объем взаимной торговли	35,43	46,50
Торговое сальдо	7,49	28,90

Примечание: китайские данные - таможенных органов КНР; американские данные - аппарата торгового представителя США.

Разница в подсчетах, над которыми работает специально созданная во время визита в КНР министра торговли США Р.Брауна (сентябрь 1994 г.) двусторонняя группа, объясняется значительными, неучитываемыми китайской статистикой, объемами транзитной торговли (главным образом через Гонконг) и поручительской переработки материалов из деталей заказчика.

Китайская сторона, реагируя на шаги американской администрации, возложила ответственность за срыв переговоров на США и выступила с заявлением МВТЭС, в котором расценила предъявленные Вашингтоном требования и объявление санкций как не соответствующие принципам взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела, выходящие за рамки вопросов ЗПИС.

Китай, ссылаясь на статью 7 Закона КНР о внешней торговле, допускающую применение соответствующих антидискриминационных мер в торговой-экономической области против любой страны или региона, выдвинул список контрсанкций в отношении США, которые вступали бы в силу незамедлительно после американских. В их числе ответное повышение до 100% уровня импортных тарифов на игровые приставки, игровые дискеты, аудиокассеты, компакт-диски, сигареты, алкогольные напитки, косметику, ввозимые из США; приостановление закупок американских кинофильмов, телепрограмм, видеокассет, лазерных дисков; замораживание коммерческих связей с соответствующими американскими организациями по звукозаписи, интеллектуальной собственности, программному обеспечению; приостановление утверждения заявок на учреждение в КНР представительств, отделений американских компаний по аудио-видеопродукции, производству ряда химикатов, фармацевтической промышленности, инвестиционному сотрудничеству. Особо ощутимая для США контрмера - приостановление всех переговоров по учреждению крупных СП в автомобильной промышленности (к примеру - с участием "Крайслера").

Тем не менее объявленная торговая война не началась - к сроку вступления взаимных санкций в силу (26 февраля 1995 г.) сторонам удалось прийти к соглашению, которое было парафировано в тот же день в Пекине зам-министра внешней торговли и экономического сотрудничества КНР Суль Чжэньюем и заместителем торгового представителя США Ч.Барщевски. Спустя две недели для

официального подписания соглашений и проведения переговоров по широкому кругу проблем двустороннего экономического сотрудничества в Китай прибыл во главе многочисленной делегации специалистов из различных ведомств и бизнесменов торговый представитель США М. Кантор.

Основным результатом его встреч и переговоров (11-13 марта 1995 г.) стало достижение договоренностей по более открытому доступу американских товаров и услуг на китайский рынок, запуску конкретного механизма реализации парафированного соглашения по интеллектуальной собственности.

По этому соглашению Китай обязался организовать в короткие сроки эффективную систему таможенного контроля для надежной защиты авторских прав и торговой марки. Намечены конкретные меры по техническому содействию и помощи в обучении китайского персонала американскими специалистами таможни, юстиции, ФБР, службы по патентам и товарным знакам, а также по поставке соответствующего оборудования из США.

Далее, Китай разрешил американским частным и юридическим лицам создание совместных с китайскими организациями предприятий в области аудио-, видеопродукции, компьютерных программ и на основе норм национального законодательства заниматься их производством, воспроизведением, распространением, продажей и тиражированием. Первые предприятия будут созданы в Шанхае и Гуанчжоу, а к 2000 г. - в 13 крупнейших городах КНР². При этом Китай оставляет за собой право защиты внутреннего рынка от посягательств на нормы общественной морали и правопорядка.

Китай также дал обязательство не вводить квоты, лицензии и другие ограничения на импортируемую американскую аудио-, видео- и печатную продукцию.

КНР дала обязательство строго соблюдать и исполнять действующее национальное законодательство в области ЗПИС в отношении иностранных граждан и юридических лиц, активизировать работу судебных органов всех ступеней, закрывать предприятия, нарушающие соответствующие законы, лишать их лицензий, уничтожать произведенную ими "пиратскую" продукцию, не допуская ее экспорта³. Объявлено, что к 1 июля 1995 г. в Китае будет завершена проверка всех соответствующих служб.

Американская и китайская стороны договорились об обмене информацией и статистическими данными на ежеквартальной основе с 1 июня 1995 г., а в 1996-97 гг. - на полугодовой основе.

Важное обязательство китайской стороны - мероприятия по "открытию" национального законодательства в этой области. К 1 октября 1995 г. должны быть опубликованы все законоположения, относящиеся к вопросам ЗПИС.

Американская сторона, в свою очередь, обещала способствовать тому, чтобы возобновляемые, ориентировочно в конце апреля, переговоры в Женеве по восстановлению КНР в ГАТТ-ВТО велись на гибкой и прагматической основе с учетом требования Китая по его статусу развивающейся страны в рамках критериев, выработанных на Уругвайском раунде переговоров.

В связи с этим Китай подтвердил свое намерение отменить до 31 марта 1995 г. принятое им в одностороннем порядке после неудачной попытки вхождения в ГАТТ в конце 1994 г. решение о временном приостановлении действия китайско-американского меморандума о взаимопонимании 1992 г. по проблемам доступа на рынок и заявил о готовности до начала апреля 1995 г. снять квоты и требования по лицензированию на широкий круг американских сельскохозяйственных и текстильных товаров, компьютеров. Одновременно с возобновлением переговоров по ГАТТ-ВТО начнется обсуждение с американской стороной вопросов "открытия" китайского страхового рынка и рынка телекоммуникаций.

М.Кантор также подписал с китайскими коллегами новый меморандум-соглашение по коммерческим запускам спутников, согласно которому Пекин в ближайшие семь лет в дополнение к четырем американским спутникам по уже подписанным контрактам получил возможность осуществить запуск еще одиннадцати.

Аграрные ведомства двух сторон подписали протокол о намерениях в области санитарного контроля сельскохозяйственной продукции, животных и растений для обеспечения более широкого доступа американской продукции (пшеницы, цитрусовых и пр.) на китайский рынок.

Заключенное соглашение, в результате которого США прекратили действие 301 статьи Закона о торговле и сняли объявленные ранее торговые санкции в отношении основных товаров китайского экспорта в США, а КНР, в свою очередь, отозвала свои контрсанкции на импортируемые американские товары и совместные производства имеет важное значение для обеих сторон. Для США - в плане защиты своего рынка от "нелегальной" продукции из КНР и более свободного доступа на китайский рынок. Для КНР - возможность поступательного развития торгово-экономических отношений с Вашингтоном, усиление притока американских инвестиций.

Неуклонное развитие двустороннего китайско-американского экономического сотрудничества привело к достаточно сильной взаимозависимости сторон. США последние годы стабильно являются третьим, после Японии и Гонконга, торговым партнером Китая (15% общего объема его внешней торговли), а также его третьим зарубежным инвестором, после Гонконга и Тайваня. На начало 1995 г. в КНР было создано 16,2 тыс. совместных с США предприятий с общим объемом инвестиций по соглашениям 20,4 млрд.долл. (освоено около 8,4 млрд.).

В свою очередь от состояния торговых отношений США с КНР напрямую зависит наличие рабочих мест на американском рынке - по китайским данным, существование около 150 тыс. рабочих мест обусловлено торговлей с КНР, а в обрабатывающей промышленности Китая, продукция которой экспортируется в США, занято более 1 млн. человек.

Многие возможные санкции непосредственно задевают интересы основного посредника - Гонконга, осуществляющего ежегодный реэкспорт на сумму 1,5 млрд.долл., которым занято 3,8 тыс. рабочих и служащих.

При этом важно отметить, что торговые ультиматумы обеих сторон не оказывают особого влияния на многие конкретные взаимовыгодные формы научно-технического сотрудничества. Так, находившийся в Пекине в середине января 1995 г. в разгар споров по ЗПИС помощник президента США по науке и технике Д.Гиббонс подписал с председателем ГКНТ КНР Сун Цзянем соглашения о возобновлении сотрудничества в области фундаментальных наук, а также метрологии и стандартов. В середине февраля 1995 г. КНР посетила представительная делегация бизнесменов и правительственных чиновников во главе с министром энергетики США Х.О'Лири, которая подписала в Пекине и Шанхае с китайской стороной 15 соглашений в области развития энергетики, оцениваемых в 6-10 млрд.долл.

В целом, успешное завершение 20-месячной девятираундовой эпопеи китайско-американских переговоров по ЗПИС, встречи торгового представителя США с высшими китайскими руководителями - председателем КНР Цзян Цзэминем, вице-премьером Ли Ланьцином, главой МВТЭС КНР У И - на ее заключительном этапе показали, что растущая экономическая взаимозависимость сторон, опасность упустить рынок друг друга и уступить место конкурентам подвигают и США, и КНР к поиску взаимоприемлемых компромиссов для поддержания нормальных устойчивых двусторонних экономических и политических отно-

шений. В этом заинтересованы и соседи по азиатскому региону, да и сам Китай - под воздействием собственных экономических реформ.

При этом США не удалось добиться каких-либо односторонних уступок от КНР, в особенности в том, что касается внесения изменений в судебное и административно-процессуальное законодательство, нарушающих, по мнению китайской стороны, его суверенитет. Китайцы подчеркивают, что американцам пришлось самим пойти на значительные уступки, сократив первоначальные 22 требования до четырех, касающихся усиления борьбы в Китае с нарушителями прав интеллектуальной собственности и продолжения курса открытости внешнему миру.

Заключенное соглашение по интеллектуальной собственности между США и КНР стимулировало заинтересованность Японии и стран Европейского Союза в распространении на них аналогичных прав и преимуществ в торгово-экономических отношениях с Пекином, учитывая заявление китайских представителей о том, что данное соглашение обращено ко всем другим странам мира. Однако наиболее вероятно, что вопросы доступа на китайский рынок и открытия совместных производств с участием Японии, ЕС, равно как и оказание ими технического и финансового содействия Китаю, будут решаться на отдельных переговорах с китайской стороной.

Важность китайско-американских отношений, как признается обеими сторонами, выходит далеко за пределы нынешнего столетия и определяет их роль в качестве самостоятельного фактора мировых экономических и политических процессов. Необходимым же условием развития взаимоотношений, и на это особенно делает упор китайская сторона, является соблюдение принципов равенства, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела друг друга.

Договоренности по ЗПИС сняли напряженность вокруг одного наиболее острого раздражителя в китайско-американских торгово-экономических связях. Это вовсе не означает, что их дальнейшее развитие будет гладким и безоблачным, поскольку серьезными остаются такие их прежние "болячки", как несбалансированность торговли, отсутствие окончательно юридически оформленных договоренностей по доступу на китайский рынок и др. Существенные заделы для относительно успешного продвижения вперед во всех этих областях есть. Но многое будет зависеть от конкретной реализации как достигнутых договоренностей, так и согласованных заявлений о намерениях.

Соглашение по ЗПИС оказало значительное влияние на общее улучшение атмосферы китайско-американских отношений. Однако конструкция остается достаточно хрупкой и нельзя исключать, что новые возможные "зигзаги" в политических взаимоотношениях двух стран вновь негативно скажутся на их торгово-экономическом взаимодействии. Так, торговый представитель США М.Кантор 19 января 1966 г. в интервью газете "Лос-Анджелес Таймс" заявил, что американская сторона считает необходимым вновь предъявить китайской стороне претензии на встрече в феврале этого года.

1. По подсчетам американцев в такую сумму оцениваются убытки фирм США в результате нарушений прав интеллектуальной собственности в КНР: 1 млрд. - в результате нарушения авторских прав и 1,8 млрд. - из-за нарушений торговой марки.
2. Предложение американцев о возможности создания в КНР полностью иностранных предприятий в этой сфере осталось для Китая на данном этапе неприемлемым.
3. К моменту заключения соглашения китайские власти закрыли семь из 29 фабрик американского списка, занимавшихся нелегальной деятельностью в области ЗПИС.

Автомобильная промышленность Китая

© 1996

Ю.Цыганов, П.Остров

До недавнего времени автомобильная промышленность была слаборазвитой отраслью народного хозяйства КНР. К началу реформы экономической системы в 1978 г. в стране производилось 149,1 тыс. автомобилей в год главным образом на мощностях, построенных за 20 лет до этого при содействии СССР. Эти автомашины зачастую были ухудшенными копиями советских автомобилей соответствующего периода¹. Это были в первую очередь грузовики серии "Цзефан"СА Чанчуньского первого автомобильного завода (собирались по технологии ЗИЛа и представляли собой аналоги ЗИЛ-150 и ЗИЛ-157), нанкинский грузовик NJ-130(копия ГАЗ-51), автомобиль повышенной проходимости BJ212, в качестве прототипа которой был взят УАЗ-469 (мосты и трансмиссия заимствованы у ГАЗ-69), легковые автомобили марок "Хунци" (по образцу "Чайки") и "Шанхай" (по образцу ГАЗ-21). Кроме того, с середины 70-х годов Китай стал производить собственную модель среднего грузовика (пятитонная машина "Дунфэн"), а также ряд заимствованных большегрузных машин (в первую очередь, скопированные "Татры"). Выпуск "Хунци" и "Шанхая" суммарно не превышал 12,5 тысяч в год, т.е. легковое автомобилестроение давало менее 10% общего годового производства машин; поэтому вплоть до середины 80-х годов собственное автомобилестроение Китая могло обеспечивать машинами только номенклатуру, и ни о каком народном автомобиле не могло быть и речи.

К 1987 г., когда было принято решение о приоритетном развитии легкового автомобилестроения, Китай уже имел опыт создания трех совместных предприятий в этой области: за 1984-1986 гг. были созданы "Бэйцзин Джип Корпорэйшн" (совместное предприятие с корпорацией "Крайслер", а первоначально с "Америкэн Моторс Компани"), "Шанхай Фольксваген" и "Гуанчжоу Пежо". Кроме того, в 1986 г. Тяньцзиньский автомобильный завод импортировал технологии и оборудование "Дайхацу Мотор" и приступил к производству малолитражных автомобилей "Сяли". Таким образом была создана основа развития легкового автомобилестроения в условиях неразвитости собственной базы. Названные предприятия вместе с Чанчуньским первым автомобильным заводом и Вторым автомобильным заводом (г. Шиянь) на восьмью пятилетку были определены как "опорные" в развитии производства легковых автомашин. В опоре на внешний фактор КНР в последние годы удалось многократно увеличить производство легковых машин, доведя его до 263 тыс. шт. в 1993 г.²

В целом в годы реформы автомобильная промышленность КНР развивалась быстрыми темпами. В 1978-1988 гг. среднегодовые темпы прироста в

Цыганов Юрий Викторович, кандидат экономических наук, ведущий специалист МВЭС РФ,

Остров Павел Борисович, кандидат политических наук.

автомобильной промышленности составили 15,8% в то время как среднегодовые темпы прироста производства в тяжелой промышленности составляли 9,3%⁴. Несмотря на падение автомобильного производства в 1989-1990 гг., связанного с проводившейся политикой административного урегулирования китайской экономики в целях сдерживания "перегрева" экономики, чрезмерно высоких темпов роста (политикой, вызвавшей спад в целом ряде отраслей), в 1989-1992 гг. среднегодовые темпы прироста производства автомобилей составили уже 25,2%, а за 1991-1992 гг. прирост составил почти 50%. В 1993 г. из-за ужесточения кредитной политики прирост замедлился и составил 22,8% по сравнению с 1992 г. В то же время в легковом автомобилестроении в 1991-1992 гг. прирост превысил 113%, а за 1992-1993 гг. составил 53,8%.

Таблица 1

Годовое производство автомобилей в КНР (тыс. шт.)

	1991	1992	1993
Всего автомобилей,	714,2	1066,7	1310,1
В том числе			
грузовики	382,5	476,7	-
легковые			
автомобили	80,0	171,0	263,0

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь 1993. - Пекин, 1993. - С. 452; China Daily. Business Weekly. - 1994. - March 6-12; Цзинцзи жибао. - 1994. - 1 марта., Financial Times. - 1993. - August 23.

Как можно видеть, в условиях очень быстрого роста отрасли опережающими темпами растет производство легковых автомобилей. В результате быстро увеличивается парк малых пассажирских автомашин (легковые машины и микроавтобусы): за 1978-1992 гг. общий рост достиг 110%, среднегодовые темпы прироста в 1989-1992 гг. составили 17,7%⁴. На первый квартал 1994 г. парк легковых автомобилей в Китае включал 1 миллион машин⁵. Значительно медленнее растет парк грузовиков: в 1978-1992 гг. общий рост составил 440%, среднегодовые темпы прироста в 1989-1992 гг. составляли 8,4%. В результате происходят крупные изменения в структуре автомобильного парка, который в первом квартале 1994 г. насчитывал 8300 тыс. шт.⁶. Удельный вес пассажирских автомобилей в общем парке в 1978-1992 гг. вырос с 19,1 до 32,7% (в том числе доля малых пассажирских машин выросла с 12,6 до 27,2%), а удельный вес грузового парка за тот же период упал с 73,7 до 63,8%.

С соответствием с решением ЦК КПК в целях наращивания производства легковых машин были проработаны проекты и в 1991 г. подписаны соглашения: Чанчуньский первый автомобильный завод заключил соглашение с "Фольксвагеном", а Второй автомобильный завод - с "Ситроеном" о создании заводов со смешанным капиталом, по производству 150 тыс. легковых автомобилей в год каждый (с 1995 г.). Суммарный объем капиталовложений в два завода должен превысить 4 млрд. юаней. На предприятиях будут производиться "Фольксваген-Гольф" и новая модель Ситроена 90-х годов. В Чанчуне для этого выстроен новый завод, по своим размерам превосходящий старый (построенный с помощью СССР в 50-е годы).

Чанчуньский завод уже начал по немецким технологиям сборку легковых Ауди-100, и опыт этого производства был использован при организации нового совместного предприятия с "Фольксвагеном". По своему основному капиталу (600 млн. марок), в котором доля концерна "Фольксваген" составляет

40%, и общему объему инвестиций (1375 млн.долл.) это совместное предприятие и финансовое участие в нем немецкой стороны превосходят соответствующие параметры первого такого предприятия в Шанхае. Первым шагом деятельности совместного предприятия стали инвестиции в 970 млн. юаней (170 млн. долл.) и установка производственной линии, на которой в 1993 г. совместное предприятие приступило к производству малолитражных автомобилей "Фольксваген-Джетта". Для финансирования проекта совместное предприятие в 1993 г. получило синдицированный кредит в 420 млн.долл на 8 лет от финансового объединения, в которое входят Банк Националь де Пари, Банк Индосуэц, Индастриэл Банк оф Джапан, Гонконг энд Шанхай Бэнкинг корп. и некоторые другие финансовые институты из ФРГ, Сингапура, Южной Кореи, Нидерландов, Швейцарии (всего 36 организаций)¹.

Одновременно Госсовет КНР одобрил создание Уханьского района технико-экономического развития (РТЭР), который должен стать автомобилестроительным центром, а также обеспечить наращивание производства автомобильных компонентов. Уханьское правительство уже одобрило 107 проектов для реализации в РТЭР с общим объемом инвестиций 9 млрд. юаней (1 млрд.долл.). В РТЭР будет действовать Автомобильная компания "Шэньлун" - совместное предприятие Второго автомобильного завода и "Ситроена". Она должна инвестировать в РТЭР 4,6 млрд. юаней (528,7 млн. долл.), чтобы начать свою деятельность². Пять заводов "Шэньлуна" будут закончены в 1996 г. Французское правительство поддержало проект "Ситроена" со Вторым автомобильным заводом, предоставив совместному предприятию беспроцентный кредит на сумму 2 млрд. франков.

В настоящее время в КНР выпускаются следующие марки легковых автомобилей:

Таблица 2

Марка	Объем производства	Место производства (тыс. шт. в год)
Ауди 100	30	Чанчунь
Фольксваген Джетта	20	"
Фольксваген Гольф	Готовится к производству	"
Фольксваген Сантана	100	Шанхай
Пежо 504 и 505	50	Гуанчжоу
Сяли (Дайхацу Шарада)	50	Тяньцзинь
Ситроен ZX	Выпущена пробная партия	Ухань

К указанным в таблице следует добавить производимые в небольших количествах модернизированные "Хунци" и "Шанхай", уже упоминавшиеся выше. Кроме того, Пекинский автомобильный завод производит автомобили повышенной проходимости: джип Чероки (60 тыс. шт. в год) и джип BJ2020N (120 тыс. шт. в год), являющийся улучшенным вариантом вышеупомянутого BJ212.

Приведенное краткое описание основных достижений КНР в области легкового автомобилестроения позволяет утверждать, что в стране за последние 7 лет была создана и бурно развивается новая подотрасль народного хозяйства. На основе созданной материальной базы автомобильного производства и экономических успехов Китая начала формироваться ориентация на приобретение собственного автомобиля китайской семьей высшего уровня достатка. Следует отметить, что к настоящему времени в КНР уже образовался слой населения, способный позволить себе такую покупку. Хотя это сравнительно небольшая в процентном отношении социальная группа, однако

здесь вступает в действие закон больших чисел: ее абсолютная численность, судя по всему, составляет несколько десятков миллионов человек. Так, сумма, хранимая 10 миллионами самых состоятельных граждан КНР только на счетах Народного банка Китая, превышала в конце 1992 г. 700 млрд. юаней. При этом, по официальным данным, в стране насчитывается более 1 млн. человек, чье состояние превышает 1 млн. юаней⁹. Эта группа населения формирует потенциально огромный рынок, значение которого для мировой автоиндустрии сравнимо, пожалуй, с появлением на карте Европы новой страны размером с Англию. Это уже осознали ведущие автомобилестроительные компании мира, буквально выстраивающиеся в очередь за получением разрешения на создание в КНР совместных предприятий. Пока спрос на автомобили несколько сдерживают качество китайских дорог и общие условия движения транспорта (смешанный характер движения, отсутствие стоянок и т.д.), но о его возможном росте свидетельствует такой факт: за последние 4 года только в Пекине с 10 до 200 выросло количество автошкол, где учатся десятки тысяч человек (это при том, что плана за обучение превышает 10 тыс. юаней).

С середины 80-х годов в КНР начался быстрый рост автомобильного транспорта в частном владении. Если до 1985 г. статистика вообще не фиксировала наличие автомашин в частной собственности, то за 1985-1992 гг. количество автомобилей в частной собственности выросло в 4,1 раза и достигло в 1992 г. 1182 тыс. единиц¹⁰. Особенно быстро увеличивалось количество частных пассажирских машин (как легковых автомобилей, так и микроавтобусов и т.п.) - за указанный период их количество выросло в 21,7 раза, составив 418,7 тыс. шт. Количество частных грузовиков увеличилось в этот период в 2,9 раза, и в 1992 г. их насчитывалось 758,2 тыс. шт. Соответственно вырос удельный вес частных машин в общем парке автомобилей (до 17,1% в 1992 г.): доля частных пассажирских машин составила 18,5% от их общего числа, а доля частных грузовиков - 17,2% от общего числа грузовиков. В этой связи можно заметить, что частные автомобили использовались их владельцами в первую очередь в предпринимательских целях (так, легковые автомашины приобретались для применения их в качестве такси).

Тем не менее в последние годы в массовом сознании китайцев автомобиль из предмета производственного потребления превращается в предмет потребления личного (семейного). Стоит отметить, что еще не так давно была бы невозможна сама постановка вопроса о покупке легковой автомашины рядовыми гражданами КНР для бытового, а не производственного использования. До сих пор в современном китайском языке легковой автомобиль обозначается как "паланкин-повозка" ("цзяочэ"). Таким образом, даже на лексическом уровне подчеркивается элитарность и недоступность для широких масс этого вида транспорта (паланкин - атрибут императорского чиновника в старом Китае). Хотя изменение этого традиционного взгляда наметилось лишь в последние 2-3 года, китайское руководство еще в середине 80-х годов сумело это спрогнозировать, продемонстрировать дальновидность, завидную для руководителей некоторых других реформирующихся стран. Результаты развития отрасли в последние годы к тому же показывают его способность добиваться поставленных целей.

На этом пути в Китае успешно преодолен ряд затруднений, возникших в развитии отрасли. Так, на спад автомобильного производства в 1989-1990 гг. моментально отреагировали усилением макроконтроля, воссоздав в 1990 г. Генеральную компанию автомобильной промышленности КНР (ГКАП). Компания сменила существовавшую до этого Автомобильную промышленную федерацию, выполнявшую координационные функции. Госсовет возложил на

ГКАП задачу управления всеми хозяйственными единицами прямого подчинения автомобильной промышленности. Находясь под управлением Министерства машиностроения и электроники КНР, ГКАП стала исполняющей единицей государственного плана. В настоящее время в функции компании входит определение направлений развития автомобильной промышленности в стране, разработка положений, инструкций и других актов в этой сфере, разработка долгосрочных, среднесрочных и годовых планов развития отрасли и организация их выполнения, утверждение объектов строительства, технической реконструкции, привлечения технологий, использования иностранных инвестиций в отрасли и т.д. Путем таких институциональных преобразований и укреплением административного регулирования удалось уже в 1991-1993 гг. показать темпы роста, намного опередившие средние по стране.

В последние 2 года возникла новая проблема, которую приходится решать китайскому руководству. В 1993 г. в Китай было завезено более 400 тыс. машин иностранного производства. При этом обязательно нужно учитывать огромный объем контрабандного ввоза машин, не показываемый официальной статистикой. Так, количество машин, ввезенных в Китай в 1992 г. контрабандным путем, оценивалось в 90 тыс. шт., а в 1993 г. - 100 тыс. шт.¹¹ В итоге отношение импорта к собственному производству автомобилей в 1991-1993 гг. постоянно возрастало. В 1993 г. этот показатель превысил 30% (с учетом контрабанды). Такой высокий уровень импорта наряду с предпринятыми в середине 1993 г. мерами по ужесточению кредитной политики и борьбе с коррупцией (затруднившими приобретение автомобилей предприятиями и организациями) значительно осложнил реализацию машин китайского производства. Некоторые предприятия были вынуждены сократить производство в связи с затовариванием. Впрочем, хотя количество нереализованных машин с октября 1993 г. начало сокращаться, их общее число в первом полугодии 1994 г. оставалось выше, чем в первом полугодии 1993 г.

В указанной ситуации правительство ужесточило контроль за автомобильным импортом в страну. Регулирующие функции в этой сфере были переданы специально созданному китайскому торговому центру по автомобильному импорту. Центр, являющийся привилегированной государственной фирмой с монополией на импортные лицензии (автомобили в Китае относятся к лицензируемым группам импорта), командирует за рубеж закупочные группы для выполнения заданий китайского правительства по приобретению машин, изучения возможностей закупок, отбора торговых партнеров. Объемы импорта определяются в соответствии с нуждами внутреннего рынка и с количеством имеющейся валюты. Были приняты решительные меры по блокировке контрабандных путей.

В целях ограничения импорта китайское правительство пересмотрело положения, позволяющие фирмам с иностранными инвестициями (а на сегодняшний день одобрено более 150 тыс. проектов сотрудничества с привлечением зарубежного капитала), беспощинно покупать машины иностранного производства. Ряд предприятий с иностранными инвестициями получал дополнительный доход за счет перепродажи таких автомобилей покупателям внутри Китая. Более того, в 1992-1993 гг. некоторые инофирмы специально пытались для осуществления беспощинного импорта машин создавать в КНР совместные предприятия.

Проблема ограничения импорта легковых автомобилей в Китай осложняется и предполагаемым восстановлением статуса этой страны в ГАТТ в ближайшие годы. Поскольку участие в этой международной организации подразумевает ограничение импортных тарифов, китайское руководство уже

начало осуществлять соответствующие меры. Так, в январе 1994 г. в качестве очередного шага были снижены импортные пошлины на автомобили¹². Новые ставки касаются легковых автомобилей, миниавтофургонов, микроавтобусов и пикапов. Однако этот шаг не приведет к увеличению импорта, так как фактическая девальвация юаня в ходе введения единого обменного курса в 1994 г. увеличила стоимость импортных машин на внутреннем рынке. Напротив, ожидается, что в 1994 г. импорт автомобилей будет меньше чем в 1993 г., так как Китай ужесточил квотирование ввоза и предполагает его отмену только к 1997 г. В Китае считают, что политика ограниченного протекционизма для защиты внутреннего рынка должна еще применяться от 3 до 5 лет в отношении импорта грузовиков и до 10 лет в отношении легковых автомобилей.

В СССР дефицит легковых автомобилей порождал целый букет экономических преступлений (спекуляция, злоупотребление служебным положением, различные махинации и мошенничество и т.д.), с которыми власти были не способны справиться. В КНР по этой же причине развиваются сходные процессы, однако и в них просматривается китайская специфика: теневая экономика Китая наладила на базе волостных и поселковых предприятий производство машин-фальсификатов престижных марок. В 1992-1993 гг. в Китае разразилось несколько скандалов по поводу появления в различных частях страны тысяч поддельных пекинских джипов. Только в одном уезде Гунъянь (пров. Хубэй) в 1992 г. было обнаружено 600 таких машин. В 1993 г. в пров. Юньнань их было выявлено более 200 шт., в Синьцзяне - более 100. По оценкам специалистов компании "Бэйцзин Джип," количество подделок намного больше обнаруженных. По некоторым сообщениям, имели место случаи продажи фальсифицированных джипов за рубеж. В Южном Китае были также обнаружены поддельные "Ауди=100", незаконно собранные там из импортных деталей. Такое массовое производство фальсификатов вызвано высокими доходами от этого бизнеса в силу низких затрат (поскольку игнорируется качество исполнения и качество компонентов). Очень часто это производство находится под защитой местных властей, получающих свою долю прибыли. Фальсификаторы даже имеют крепкие связи с органами общественной безопасности, выдающими водительские права. Таким образом, покупатели фальшивых машин сразу получают документы, необходимые для регистрации транспортного средства и управления им. Из-за неразборчивости "теневиков", самостоятельно "клепающих" джипы, возник курьез, когда бланки заказов на поддельные машины были направлены самой компании "Бэйцзин джип".

В целях борьбы с этими явлениями власти страны приняли решение наказывать в случае выявления поддельных легковых автомобилей не только их производителей и продавцов, но и покупателей. На последних начали накладывать высокие штрафы и конфисковывать машины-фальсификаты. Контрабанда и фальсификация легковых автомобилей стимулируют китайское руководство еще быстрее наращивать их отечественное производство.

Развитие легкового автомобилестроения в Китае идет в соответствии с долгосрочной программой, ориентированной на укрупнение существующих мощностей. Слабое место современной автомобильной промышленности КНР - распыленность производства. Выпускаемый сейчас миллион с лишним автомобилей приходится на 126 заводов, т.е. при количестве заводов, превышающем общее их число в остальном мире, страна производит всего лишь 1,5% мирового выпуска автомобилей. Таким образом, в Китае практически нет автомобильных предприятий оптимального масштаба хозяйствования (в соответствии с мировым опытом это годовой выпуск около 300 тысяч легковых автомобилей или от 10 до 100 тысяч грузовых автомобилей в зависимости от гру-

зоподъемности). Однако под защитой высоких пошлин китайские производители, производя порой в год всего одну-две тысячи машин и продавая их по завышенным ценам, имеют возможность стабильно получать прибыль.

Первым шагом на пути укрупнения производственных мощностей стало формирование с использованием административных мер 13 относительно больших автомобильных групп. Так, на основе Чанчуньского автомобильного завода была создана Первая компания автотранспортных средств, на основе Второго автомобильного завода - компания "Дунфэн", образован ряд региональных групп - Пекинская, Шанхайская, Шаньдунская компании и т.д. К 2000 г. на их основе будет сформировано шесть-семь конгломератов мощностью около 300 тыс. легковых автомобилей каждый. В дальнейшем эти конгломераты будут объединены в три-четыре автогиганта, способные в сумме производить 5 млн. автомобилей ежегодно. Поскольку китайское правительство не собирается ждать, пока существующие предприятия через рыночную конкуренцию естественным путем объединятся в крупные корпорации (на Западе для этого понадобилось почти 100 лет), государство будет продолжать поддерживать производителей автомобилей, чьи нынешние масштабы не позволяют эффективно развиваться. Государство будет по-прежнему доминировать в автомобильной промышленности, автомобильным группам будут даны льготы в финансировании, налогообложении и выпуске ценных бумаг.

В ближайшие 7 лет в соответствии с новой политикой развития автомобильной промышленности крупные производители будут получать прямое финансирование, а остальным придется самим бороться за выживание, многие могут обанкротиться. Государственная поддержка в первую очередь будет обеспечена вышеупомянутым шести главным заводам, производящим легковые машины. В соответствии с этой политикой больше не будут получать одобрения новые проекты производства, включая изготовление транспортных средств из импортируемых сборочных комплектов. Таким образом, государственная поддержка будет обеспечена только действующим производителям машин, самостоятельно или в кооперации с иностранными фирмами разрабатывающим новые модели. Вместо развертывания сборки Китай будет приветствовать зарубежные инвестиции в разработку и производство высококачественных автомобильных компонентов, в которых он остро нуждается.

Оценивая на сегодняшний день итоги развития китайского автомобилестроения, можно согласиться с прогнозами китайских экспертов, которые утверждают, что в начале следующего века страна будет производить 1,8-2 млн. легковых машин ежегодно. Тем самым по абсолютным показателям будет достигнут уровень производства европейских стран (Франция и Италия) середины 80-х годов. Одновременно кардинальные сдвиги произойдут и в структуре автомобильного производства в целом: эти 2 млн. легковых машин составят около 60% общего объема продукции автомобильной промышленности. Такое структурное изменение будет иметь принципиальное значение, поскольку по прогнозам китайских экспертов после 2000 года основными покупателями легковых автомобилей вместо предприятий и организаций станут частные лица, что значительно повысит спрос. Эти прогнозы подтверждаются и расчетами западных аналитиков, также предсказывающих крупный рост продаж легковых машин в Китае.

Таблица 3

Факт и прогноз производства и продаж легковых автомобилей (тыс.шт.)

	1992	1993	1994	1995	1996
Производство	171	263	369	487	646
Продажи	321	489	520	576	726

Источник: *Financial Times*. - 1993. - August 23.

Таким образом, продажи будут покрываться в большей степени за счет собственного производства. За 5 лет с 1992 по 1996 г. собственного производства в общем объеме продаж поднимется с 53,2 до 89% и будет продолжать возрастать. Для достижения поставленных целей, по оценке специалистов из ГКАП КНР, вложения в автомобилестроительный комплекс к 2000 г. должны будут превысить 100 млрд. юаней (17,2 млрд. долл.)¹³ Немалая часть этих средств будет получена за счет льготных и беспроцентных кредитов, предоставляемых западными правительствами и крупными финансовыми организациями своим автомобилестроительным компаниям для их успешного проникновения на китайский рынок. В то же время Китаю пока удается, на основе использования заинтересованности иностранных автомобилестроительных фирм в перспективном китайском рынке и создания между ними обстановки жесткой конкуренции, сочетать получение зарубежных кредитов, инвестиций и технических достижений с сохранением определенной независимости в этой сфере, поэтому китайцы имеют возможность диктовать иностранным фирмам желательные для страны направления инвестиций.

Для полноты картины следует отметить, что ориентация на развертывание в стране производства преимущественно западных моделей легковых автомобилей не делает их доступными для большинства из 300 млн. китайских семей из-за их относительно высокой цены. Так, самая дешевая из них - тяньцзиньская "Сяли" - стоит более 90 тысяч юаней, т.е. почти 30 годовых заработков работника госсектора. Однако формирующаяся ориентация на приобретение семьей легкового автомобиля стимулирует производителей самостоятельно разрабатывать и внедрять в производство машины сверхмалого класса, доступные для рядового китайца. Так, в Чанчуне разработан миникар "Хайшэнь" (четыре пассажирских места, макс. скорость 80 км/ч); там же небольшими партиями производится четырехместный микроавтобус; нанкинский автомобильный завод разработал трехместный миникар "Сквиррел"; в Сычуани бывший оборонный завод также собирается производить миникар. Все эти модели малогабаритны и потребляют мало бензина. Цены на них относительно низкие: чанчуньский микроавтобус стоит 40000 юаней (4600 ам.долл.), Хайшэнь - 30000 юаней (3450 ам.долл.). Сквиррел - 5000 юаней (576 ам.долл.). Можно утверждать, что реальное рыночное регулирование в автомобильной промышленности существует только в этом незначительном по масштабам секторе сверхмалых машин. Все остальное производство по-прежнему относится к сфере централизованного планирования.

В заключение стоит еще раз подчеркнуть, что обстановка в китайской автомобильной промышленности характеризуется быстрым ростом, поддерживаемым административными, финансовыми и протекционистскими мерами китайского государства в целях увеличения возможностей транспортного комплекса, решения проблем сбалансирования совокупного спроса и выдвижения промышленности на новый технологический уровень. Китайское руководство проводит курс укрупнения автомобилестроительных мощностей и, как

правило, противодействует стремлению региональных властей создавать у себя престижные и высокоприбыльные автомобильные производства в случае, если это не совпадает с генеральной стратегией развития отрасли. Наряду с ослаблением тарифных барьеров руководство Китая в целях защиты своего автомобильного производства взяло под жесткий административный контроль автомобильный импорт и намерено его сохранять по меньшей мере в течение ближайших лет.

Таким образом, развитие легкового автомобилестроения - передовой высокотехнологической подотрасли, связанной с модернизацией помимо всей технологической цепочки также и сложившегося образа жизни людей, их социальной психологии и культуры проводится в КНР традиционными методами: в опоре на государство, на основе долгосрочного планирования, с использованием административных методов регулирования. Китайское руководство ясно осознает, что в стране со слабой базой производства готовой продукции современного уровня неприемлемы методы реформ, основанные на "чикагских" рецептах, от которых уже отходит сама Америка¹⁴, тем более что есть возможность оценить опыт соседей - Южной Кореи, которая, опираясь на мощное государственное регулирование, прошла за 20 лет путь от слабо-развитой страны до НИС, и России, экономика которой загнана в тупик либерально-монетаристскими методами и превращена в сырьевую периферию мировой экономики.

1. Чжунго тунцзи чжайяо 1990. - Пекин, 1990. - С. 75.
2. Financial Times. - 1993. - August 23.
3. Рассчит. по: Чжунго тунцзи няньцзянь 1993. - Пекин, 1993. - С. 449.
4. Рассчит. по: Чжунго тунцзи няньцзянь. - 1993. - С. 532.
5. China Daily. Business Weekly. - 1994. - March 6-12. - P. 1.
6. Ibid.
7. China Daily. - 1993. - June 9.
8. China Daily. Business Weekly. - 1994. - May 1-7. - P. 6.
9. China Daily. - 1993. - August 3.
10. Рассчит. по: Чжунго тунцзи няньцзянь. - 1993. - С. 532.
11. China Daily. Business Weekly. - 1994. - January 2-8. - P. 1.
12. По решению Гососвета тарифы на автомобили с бензиновыми двигателями до 3 литров снижены до 110% от их цены (прежний уровень - 220). Тарифы на машины с дизельными двигателями с объемом до 2,5 литров снижены со 180 до 110%. Для машин с бензиновым двигателем более 3 л и дизельным более 2,5 л тариф составит 150 вместо 220%.
13. China Daily. - 1993. - Desember 23.
14. Ноув.А. Государство и рынок в XX веке: о книге В.Мау "Реформы и догмы (1914-1929) // Вопросы экономики. - 1994. - N 5. - С. 160.

Пути модернизации сельского хозяйства: опыт материкового Китая и Тайваня

© 1996

С.Алексахина

После 1949 г. наметилось два пути решения аграрно-крестьянской проблемы Китая: путь КНР и путь Тайваня. Это - два разных пути, хотя задачи, которые ставились в аграрной сфере и континентального Китая, и Тайваня, были одинаковыми: модернизация сельского хозяйства, т.е. преодоление экономической и социальной отсталости деревни.

Вместе с тем аграрная политика, проводившаяся в КНР и на Тайване, ее формы и методы, были не только различны, но и контрастны. Экономические успехи Тайваня в послевоенный период оказались возможными в значительной мере благодаря успешному развитию аграрного сектора экономики. Успех экономической реформы определился тем, что у руководства Тайваня оказались силы, имевшие четкую концепцию сельскохозяйственного развития острова, основанную на экономической программе Сунь Ятсена. В основе этой программы лежали три народных принципа: национализм, народовластие и народное благоденствие. Краеугольным камнем ее была аграрная политика.

В августе 1924 г. Сунь Ятсен, выступая в Гуанчжоу перед слушателями первого выпуска курсов руководителей крестьянского движения, произнес знаменательную речь, смысл которой прекрасно запечатлен в самом названии этой речи "каждому пахарю своё поле". Ссылаясь на опыт "самого справедливого русского метода разрешения земельного вопроса", когда "крупные помещики в России были ликвидированы, а вся земля распределена между крестьянами, и каждый пахарь получил своё поле", Сунь Ятсен призывал использовать этот метод и в Китае.

В начале XX века в России была выдвинута простая и лаконичная формулировка решения так называемого земельного вопроса: Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. По иронии судьбы Россия, когда-то так вдохновившая Сунь Ятсена, сейчас, на пороге XXI века, переживает тяжкий аграрный кризис, который сопровождается падением темпов экономического роста, деградацией духовной жизни деревни, её раскрестьяниванием, экологическими катаклизмами. Лозунг "Землю - трудовому народу" всё ещё не снят с повестки дня.

Аграрная реформа на Тайване была проведена в несколько этапов. Первый этап - собственно земельная реформа - был осуществлен за четыре года: (1949 - 1953). На этом этапе в соответствии с принципом уравнилельного землепользования были последовательно осуществлены три программы: 1) сокращение арендных платежей за землю, 2) продажа государственной земли крестьянам, 3) изъятие у помещиков излишков земли и распределение их

среди крестьян-арендаторов (известная под названием "земля тому, кто её обрабатывает", или "каждому пахарю - своё поле").

Осуществление первой программы земельной реформы началось в апреле 1949 г., когда был законодательно ограничен размер выплачиваемой крестьянином-арендатором земельной ренты с 50-70 до 37,5% всего годового урожая основных сельскохозяйственных культур и продукции из них.¹ Наряду с установлением процентной нормы арендной платы были запрещены все дополнительные поборы с крестьян, имевшие место раньше при заключении арендных договоров: задаток, предварительная поземельная подать, плата за побочную продукцию и т.д. Были также закреплены права арендаторов: в частности, все арендные договоры должны заключаться только в письменной форме, были определены сроки сдачи в аренду (не менее 6 лет).

В июне 1951 г. началось осуществление второй программы земельной реформы. Крестьянам-арендаторам, а также батракам была предоставлена возможность покупки государственной земли. Цена на землю была установлена в размере стоимости урожая за 2,5 года и должна была выплачиваться равными долями каждые полгода в течение 10 лет. В случае стихийных бедствий предусматривалась отсрочка платежей либо их сокращение.

В январе 1953 г. земельная реформа вступила в свой завершающий этап: началось осуществление программы "каждому пахарю своё поле". Была поставлена цель: постепенно ликвидировать арендную систему и создать новую аграрную систему, при которой "крестьянин имеет землю, обрабатывает её и пользуется её плодами". Были существенно ограничены размеры помещичьего землевладения, установлены размеры и налоги на пахотную землю, сдаваемую помещиком в аренду. Помещики могли оставить за собой не более 2,91 га орошаемой земли или 5,8 га богарной. Владения, превышающие эти размеры, должны были быть проданы государству, которое затем перепродавало их безземельным крестьянам. Цена на землю при выкупе у помещиков, устанавливалась в размере стоимости урожая за 2,5 года. При этом помещик 70% стоимости земли получал в виде земельных облигаций с 4% годовых, подлежащих погашению в натуральной форме (а именно рисом) в течение 10 лет, 30% стоимости проданной земли помещик получал акциями государственных промышленных предприятий.

Крестьяне выкупали у помещиков не только пахотную землю, но и земельные участки с постройками, токами, водоемами, садами и бамбуковыми рощами. Выплаты за землю должны были осуществляться крестьянами в течение 10 лет равными долями. В случае стихийного бедствия или плохого урожая допускалась отсрочка выплаты. Правительство предоставляло крестьянам для выкупа земли у помещиков специальный кредит под низкий процент и на длительный срок.

При этом произошло выравнивание земельной собственности и была создана система небольших по размеру хозяйств, преобладающими из которых стали хозяйства, земельные владения которых составляют от 1 до 3 га.²

Аграрная реформа 1949-1953 гг. оказала сильнейшее влияние на трансформацию первичного сектора. Уже в начале 50-х годов на Тайване сформировалась система хозяйствования, которую можно определить как фермерскую, хотя и обладающую определенной "китайской спецификой". Особенности этой системы - наличие групповых поселений, малые размеры наделов, обрабатываемых каждой крестьянской семьей, и относительно слабая имущественная дифференциация. Этот тип хозяйствования в корне отличался от той традиционной системы землевладения и землепользования, которая существовала в Китае на протяжении многих веков и опиралась на влиятельный слой крупных землевладельцев, определявших условия жизни и

труда арендаторов. В результате земельной реформы на Тайване произошел переход от помещичьего и государственного землевладения к системе мелкого семейного землевладения. Место крестьянина-арендатора занял мелкий фермер-собственник. Фермерское крестьянское хозяйство стало ведущей формой организации сельскохозяйственного производства.

Таблица 1

Характеристика фермерских хозяйств Тайваня

	1952	1965	1990
Количество фермерских хозяйств, тыс.единиц	679,750	847,242	860,748
Среднее кол-во пашни на 1 ферму,га	1,290	1,050	1,030
Среднее кол-во людей на семейной ферме	6,260	6,770	5,000
Доля фермерских хозяйств в общей площади обрабатываемых земель,%	38,600	67,000	96,000

Источник: Agricultural Development in the Republic of China on Taiwan. - Taipei. - 1991.- P. 4-6.

Отличительная особенность аграрной реформы на Тайване состоит в том, что она сопровождалась комплексом дополнительных мер, таких, как широкое предоставление кредитов, государственные капиталовложения, льготная налоговая, ценовая и технологическая политика, поддержка в организации кооперативов. Другими словами, аграрная реформа с самого начала успешно дополнялась стратегией комплексного развития сельского хозяйства. Кроме того, технологическая политика, проводимая в эти годы на Тайване в условиях аграрного перенаселения была ориентирована на максимальное использование живого труда, поэтому основной акцент делался на увеличение производительности земли, что достигалось за счет внедрения в сельское хозяйство передовых технологий: гибридных высококачественных семян, широкого использования химических удобрений, ирригации, технических усовершенствований. Это позволило Тайваню сохранить рост производства сельскохозяйственной продукции при одновременном осуществлении перераспределения земельных ресурсов.

Но не менее, а, может быть, более важным итогом реформы было то, что она в конечном итоге позволила создать условия для развития промышленности и сферы услуг, облегчив тем самым выполнение стратегической задачи всесторонней модернизации экономики и обеспечения устойчивого социально-экономического прогресса Тайваня. В первые послевоенные годы сельское хозяйство обеспечивало большую часть всех экспортных поступлений. В 1952 г. экспорт сельскохозяйственной продукции занимал 95,5% в общем объеме экспорта острова, в 1957 г. - 57,8%, в 1990 г. он составил всего 5,2%. В то же время в абсолютном исчислении за этот период он увеличился с 114 млн. ам. долларов до 3,498 млрд. ам.долларов. Если в 1952 г. основной статьёй экспорта являлся рис и сахарный тростник, на их долю приходилось 81% общего объема экспорта Тайваня, то в 1990 г. основной статьёй экспорта являлись продукты водного промысла, животноводческая продукция и овощи, на их долю приходилось 66% в общем объеме экспорта.³

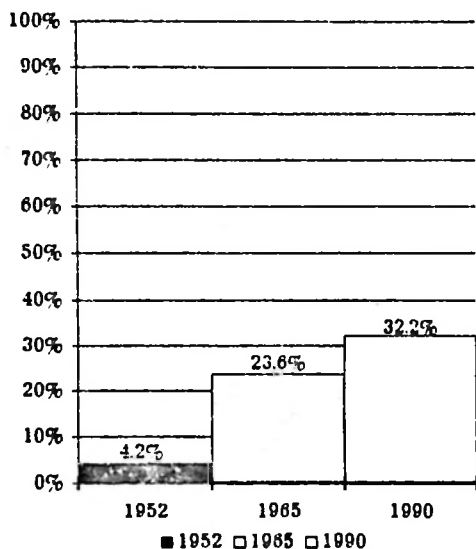
К началу 70-х гг. на Тайване начали проявляться некоторые черты, говорящие о наступлении там фазы промышленной зрелости, когда сельское хозяйство уже не играет значительной роли в процессе экономического роста, а превращается в пассивный сектор экономики, стабилизирующий ее развитие.

Изменение роли сельского хозяйства в экономике в период индустриализации - вполне закономерное и обычное явление.

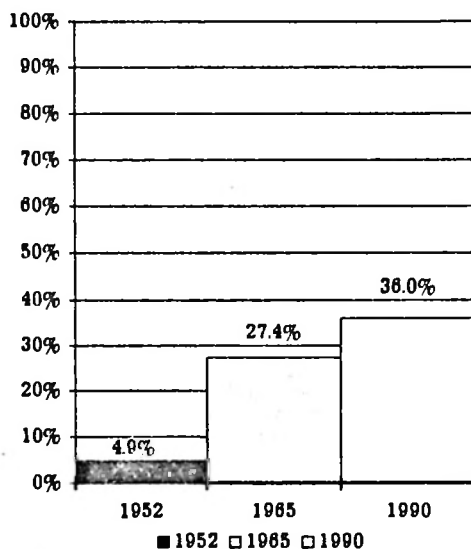
Диаграмма 1

Роль и место сельского хозяйства в народном хозяйстве Тайваня

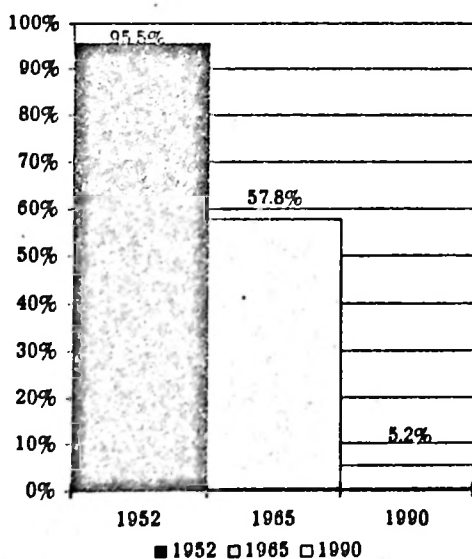
Доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте

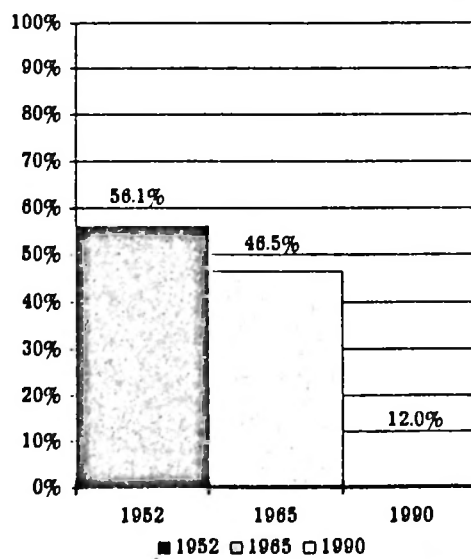
Доля сельского хозяйства в чистом внутреннем продукте

Доля сельского хозяйства в общем объеме экспорта

Доля сельского хозяйства в общем числе занятых

Источник: *Agricultural Development in the Republic of China on Taiwan. Taipei. - 1991. - P. 14.*

В 1990 г. валовая продукция сельского хозяйства Тайваня оценивалась в 11,643 млрд. ам. долларов. Среднегодовой темп прироста валовой продукции сельского хозяйства составил 4%, в том числе среднегодовые темпы прироста в первые 16 лет колебались на уровне от 5,7 (1953-1956 гг.) до 6,2% (1965-1968 гг.). Затем развитие замедлилось, но при этом главный упор был сделан на рост производительности труда, о чем свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Динамика изменения численности сельского населения, посевной площади и занятых в сельском хозяйстве Тайваня за 1952-1990 гг.

	1952	1965	1990
Численность сельского населения, млн. чел.	4,26	5,47	4,31
Доля сельского населения во всем населении, %	52,0	45,4	21,2
Занятые в сельском хозяйстве, млн. чел.	1,64	1,75	1,06
Доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых, %	56,1	46,5	12,9
Посевная площадь, млн. га	1,52	1,68	1,16

Источники: Shao-er Oug. Development of the small Farm Economy in Taiwan. - Taipei. - 1984. - P. 72, 74, 89, 94; Agricultural Development in the Republic of China on Taiwan. - P. 6, 12, 14.

За период 1952 - 1990 гг. объём продукции сельскохозяйственного производства увеличился в 3,5 раза, тогда как население выросло всего в 1,5 раза⁴.

Иными путями идет модернизация сельского хозяйства в КНР.

В аграрной истории КНР можно выделить три главных этапа: 1949 - 1955 гг. (аграрная реформа, в результате которой крестьяне получили землю в собственность), 1956 - 1978 гг. (массовое кооперирование и коммунизация крестьянства), 1979г. - по настоящее время (возрождение мелкокрестьянского земледелия).

Рост сельскохозяйственного производства после аграрной реформы 1949 - 1952 гг. был быстро сведен на нет, и уже с конца 50-х годов и до второй половины 70-х история народного хозяйства КНР - это история скачков и следовавших за ними периодов урегулирования. Эта история достаточно хорошо отражена в нашей российской и западной научной литературе.

Причины неудовлетворительного состояния сельскохозяйственного производства также известны: политический волюнтаризм, теоретическая несостоятельность аграрной политики, утвердившей систему, подавляющую личный интерес крестьянина и приведшую к отчуждению крестьян от средств производства и от результатов их труда. Это в свою очередь сказалось на эффективности сельскохозяйственного производства и результатах общественных работ. К концу 70-х годов сельское хозяйство КНР находилось в состоянии острого кризиса. Внешние его проявления "смягчались" недопотреблением, полуголодным существованием самого крестьянина. Медленный и неустойчивый рост сельскохозяйственного производства почти не превышал темпа роста населения. Сельское хозяйство, несмотря на значительные материальные и финансовые вложения и огромные затраты живого труда, плохо справлялось с решением основной проблемы - продовольственной. Так, данные о динамике производства основных продовольственных культур на душу населения свидетельствуют о больших проблемах в главной отрасли сельского хозяйства - зерноводстве. Производство зерновых на душу населения в 1965

г. было ниже, чем в 1952 г. и только к середине 70-х годов был восстановлен уровень 1957 г. В 1978 г. уровень производства основных продовольственных культур на душу населения составил самый высокий показатель, достигнутый за весь период существования КНР - 319 кг, однако он значительно отставал от среднемирового уровня, который в 1978 г. исчислялся в 430 кг, не говоря уже о странах с развитым сельским хозяйством.

Другой немаловажной причиной слабости и отсталости сельского хозяйства является то, что из сельского хозяйства в интересах индустриализации, обороны и пр. вычерпывалось столько средств, сколько это было возможно. Заниженность цен на сельскохозяйственную продукцию по сравнению с промышленной, так называемые "ножницы цен", позволили в 1978 г. получить в государственную казну более 30 млрд. юаней, что составило около трети всех её финансовых поступлений.⁵

В период 1953-1978 гг. стоимость валовой продукции сельского хозяйства возросла в 2,7 раза, в то время как стоимость валовой продукции тяжелой промышленности - в 11,4 раза.⁶ И хотя задача модернизации сельского хозяйства КНР была поставлена ещё в 50-е годы, однако она понималась весьма однобоко, как техническая реконструкция сельского хозяйства и прежде всего как механизация сельского хозяйства. Механизация, проводимая путем "опоры на собственные силы", бессистемно и беспорядочно, в условиях перенаселенности, малоземелья, использования традиционной агротехники и при малых объемах накопления, мало что давала (за исключением ирригации) для прибавки урожая. Так за период с 1957 г. до 1978 г. общая мощность машин и механизмов, применяемых в сельском хозяйстве возросла в 96 раз, среднегодовые темпы прироста составили 24,3%. Фактически площадь механизированной вспашки возросла в 4 раза.⁷ Но механизация и не рассматривалась с точки зрения ее эффективности. Известно высказывание секретаря партийки знаменитой Дачжайской большой производственной бригады, опыт которой широко пропагандировался в 70-е годы по всей стране, который отмечал, что механизацию сельского хозяйства следует рассматривать не как мероприятие, имеющее целью экономию труда и рост производительности производства, а исключительно с высоты задач по укреплению союза рабочего класса и крестьянства.⁸ Материалы Всекитайского совещания 1971 и 1975 гг. по распространению опыта Дачжая главный упор также делали не на социально-экономических аспектах модернизации, а на ее идейно-политический эффект.

В первой половине 80-х годов, когда китайская деревня вступила в новый этап социально-экономического развития, концепция модернизации и механизации сельского хозяйства КНР претерпела существенные изменения. Теперь главным критерием применения техники является возможность рационального использования рабочих рук, высвобождающихся при этом, для продуктивного труда в других отраслях сельской экономики. Основными путями модернизации признаны процесс индустриализации и урбанизации деревни. Большая роль также отводится внедрению в сельскохозяйственное производство научных и технических достижений.⁹ Основной целью модернизации китайской деревни является создание высокопродуктивной, рационально организованной и всесторонне развитой сельской экономики, базирующейся на высокопродуктивном сельском хозяйстве.

Главным признаком и стержнем модернизации деревни явился процесс диверсификации сельскохозяйственного развития, а также процесс неаграрного развития деревни. Дело в том, что одной из коренных и трудноразрешимых проблем китайской деревни является проблема трудоустройства огромной массы сельского населения. На первом этапе хозяйственной реформы

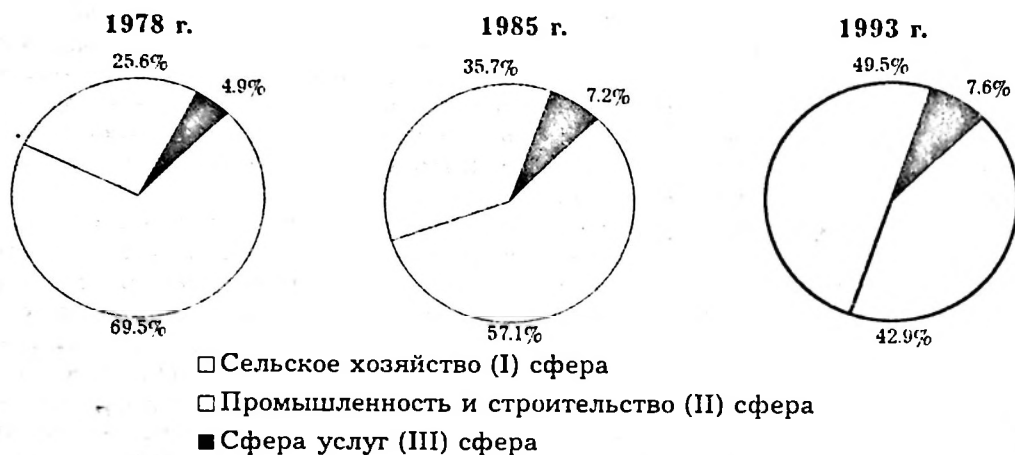
(1979 - 1984 гг.), когда внедрялся семейный подряд, проблема избыточных рабочих рук в сельском хозяйстве, стала ещё более острой. По подсчетам, избыток рабочей силы в сельском хозяйстве Китая составляет свыше одной трети всех занятых. По отдельным регионам с разным уровнем развития эта цифра колеблется от 23 до 48%. По прогнозам, к 2000г. численность избыточной рабочей силы может достигнуть 200 млн. человек. В конце 80-х годов средний крестьянский надел составлял менее 10% размеров пашни, которые обеспечивают эффективное ведение хозяйства, т.е. трудовой потенциал китайского крестьянства намного превышает потребности, связанные с обработкой земли. Одним из решений этой проблемы явился курс "на развитие многоотраслевого хозяйства", провозглашенный в апреле 1981 г., который предполагал вовлечение огромных излишков рабочей силы в производство продукции, не связанной с земледелием он предусматривал разработку и использование всех ресурсов, имеющихся в деревне, освоение мелких сфер приложения труда.

В 1984 г. в китайской статистике появилось новое понятие - "предприятия волостей и поселков", так стали называться предприятия бывших коммун и производственных бригад, а также новые предприятия, которые стали создаваться в сельской местности. Этим сельским предприятиям принадлежит важнейшая роль в оживлении экономической жизни китайской деревни. В 1993 г. на долю продукции сельских предприятий пришлось свыше двух третей валового продукта деревни и свыше одной трети валового общественного продукта страны. Доля продукции волостно-поселковых предприятий составляла в 1993 г. 60% всего объема промышленной продукции страны.¹⁰

Волостно-поселковые предприятия - главная составная часть общего процесса индустриализации КНР. Кроме того, они явились экономической опорой для развития сельскохозяйственного производства, особенно зернового хозяйства. В период 1979-1989 гг. сельские предприятия непосредственно вложили в фонд помощи сельскому хозяйству 19,7 млрд. юаней, что соответствует одной трети средств, выделенных госбюджетом на развитие сельского хозяйства и ирригации. За эти годы за счет предприятий волостей и поселков крестьяне получили 400 млрд. юаней, т.е. четвертую часть прироста чистых доходов крестьян.¹¹

Бурное развитие предприятий волостей и поселков привело к появлению новых достаточно крупных производственных отраслей в сельской экономике: сельской промышленности, строительства и транспорта, появились многочисленные предприятия торговли и сферы обслуживания. Если раньше сельская экономика рассматривалась лишь как сельское хозяйство, состоящее из пяти отраслей: растениеводства, животноводства, лесного и рыбного хозяйства, подсобных промыслов, куда также включались промышленные предприятия бригад и коммун, то с середины 80-х годов сельская экономика по аналогии с народнохозяйственной стала рассматриваться как система, состоящая из трех сфер: к первой сфере было отнесено собственно сельское хозяйство в составе пяти основных отраслей, ко второй - сельская промышленность и строительство, в третью сферу вошли транспорт, торговля и сфера услуг. Сельское хозяйство, оставаясь ведущей отраслью экономики деревни, было заметно потеснено другими отраслями, прежде всего сельской промышленностью. Если до начала реформы на долю сельского хозяйства приходилось 70% в валовом продукте деревни, то начиная с 1987 г. его доля составляет меньше половины.

Структура сельской экономики КНР

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь: 1988. - С.214; там же, 1992. - С.327

Таким образом, в КНР, начиная с середины 80-х годов, происходит процесс становления сельской экономики, который в широком аспекте может быть рассмотрен как составная часть общего процесса модернизации и индустриализации страны. Создание многоотраслевой сельской экономики является одним из важнейших результатов процесса модернизации сельского хозяйства КНР.

Другой характерной чертой нынешнего этапа модернизации китайской деревни является процесс урбанизации сельской местности, т.е. создаются новые крестьянские поселения, так называемые поселки городского типа или малые города, которые строятся исключительно на средства крестьян. Один из самых известных новых крестьянских поселений, возникших в годы реформы, является "первый крестьянский город" Лунган (пров. Чжэцзян, район Вэньчжоу). Его история, нынешнее состояние и перспективы развития - характерный пример поиска новых путей и форм модернизации китайской деревни.¹²

Следует отметить, что на современном этапе процесс модернизации китайской деревни проходит достаточно неравномерно и носит скорее очаговый характер. Особенно активно этот процесс идет в восточных приморских районах, а также в крупных, экономически развитых районах. В разных районах страны стихийно возникли местные программы развития сельских районов. Всего таких экспериментальных программ насчитывается около 100.¹³ Наиболее известные и представительные среди них три: модель Вэньчжоу (пров. Чжэцзян), модель Сунань (пров. Цзянсу) и модель Фуян (пров. Аньхуй). Рассмотрим в общих чертах положение в современной китайской деревне на примере района Сунань. В 1993г. удельный вес сельского хозяйства в валовом продукте деревни составил всего 15%, тогда как на вторую и третью сферы пришлось 85%. Вместе с тем общая мощность машин и механизмов, применяемых в сельском хозяйстве, на 40% превышала средний уровень страны, применение минеральных удобрений - на 79%, а потребление электроэнергии в 2,65 раза превысило средний показатель по стране. Среднегодовые темпы

прироста сельского хозяйства в Сунани в начале 90-х годов составили около 17%, тогда как в среднем по стране они были около 4%.¹⁴ Такие результаты были получены прежде всего за счет финансовой поддержки со стороны сельских предприятий, бурный рост которых отмечается именно в этом районе.

В целом же по стране и особенно в неразвитых сельских районах положение в сельском хозяйстве все еще нестабильно и процесс модернизации деревни едва лишь наметился. Причины этого по-прежнему кроются в отсталости сельского хозяйства, в низкой производительности крестьянского труда. Так, за период 1980-1990гг. производство зерновых культур выросло на 39,2%, тогда как производительность труда крестьянина в зерновом хозяйстве увеличилась за эти годы всего на 17,1%.

Хозяйственная реформа, начавшаяся в китайской деревне в конце 70-х годов, привела прежде всего к раскрестьяниванию деревни, но пока не создала прочной базы для развития сельскохозяйственного производства в большинстве районов страны. Главной причиной этого положения является, на взгляд автора, то, что аграрная политика в стране недостаточно последовательна и продумана. В результате хозяйственная реформа в деревне так и не приобрела статус аграрной реформы. Как показывает опыт многих стран мира, в том числе и Тайваня, важнейшей частью аграрной реформы является именно земельная реформа, т.е. процесс целенаправленного изменения системы земельных отношений и структуры землепользования.

Как известно, первым шагом хозяйственной реформы, начавшейся в китайской деревне в конце 70-х годов, явились также земельные преобразования, которые произошли, как известно, в достаточной мере стихийно. Главной хозяйственной единицей стал крестьянский двор. Произошел раздел и передача общественных (коллективных) земель в пользование крестьянским дворам в рамках системы производственной ответственности. К началу 90-х годов этой системой было охвачено 96% крестьянских дворов и 99% пашни.

Результаты не замедлили сказаться: в новых условиях произошло восстановление важнейших элементов традиционного китайского технологического способа производства, что позволило использовать громадный, накопленный веками опыт агрономии и трудовых навыков крестьянства. Произошло значительно более гармоничное соединение, чем в коммунах и кооперативах, рабочей силы со средствами производства, что привело к беспрецедентному росту сельскохозяйственного производства.

В 1984 г. урожай зерновых впервые превысил 400 млн. т (396 кг на человека), т.е. произошел сдвиг с традиционного, веками поддерживаемого уровня производства продовольствия. Сравнительно высокие урожаи зерновых культур позволили перейти к более последовательному осуществлению курса на диверсификацию сельскохозяйственного производства, т.е. на развитие в деревне многоотраслевого хозяйства. Но, к сожалению, во второй половине 80-х годов и в 90-е в годы в развитии сельского хозяйства, прежде всего в важнейшей его отрасли - производстве зерновых культур, наблюдаются нестабильность и застой. Главная причина трудностей в сельском хозяйстве заключается в том, что крестьяне, достигнув "уровня простого насыщения", не заинтересованы в дальнейшем развитии зернового производства из-за его низкой доходности по сравнению с другими, прежде всего неаграрными отраслями. Низкая доходность зернового хозяйства обуславливается во многом сокращением материально-финансовых вложений в земледелие как со стороны государства, так и со стороны крестьянства.

Мелкие размеры крестьянского хозяйства также существенно сдерживают развитие земледелия, поэтому важнейшей задачей нынешнего этапа

развития сельского хозяйства является необходимость обновления стиля и методов хозяйствования, концентрации земли, укрупнения масштабов земледельческих крестьянских хозяйств, социальной активности крестьянства, т.е. назрела необходимость реформы системы землепользования. Начиная с 1987г. в ряде экспериментальных сельскохозяйственных районах (прежде всего в пров. Хайнань и Гуандун) в оптимальном порядке отработывался рыночный механизм размещения земельных ресурсов. Богатый практический опыт, полученный в этих районах, положил начало формированию нормативного рынка земли, который представляет собой обращение прав пользования на государственную землю в городах и прав пользования на коллективную землю несельскохозяйственного назначения и целинные и залежные земли в деревне. Включение земли в товарный оборот осуществляется путем возмездной передачи государством права пользования землей в течение установленного срока. Был принят ряд законодательных актов и положений по управлению землей: "Временные положения по предоставлению и дальнейшей переуступке права пользования государственной землей и городах и поселках" (1990г.), "Закон об управлении землей и недвижимостью в городах" (1994г.), "Положение о защите основных сельскохозяйственных земель" (1994г.). Однако все эти меры по реформе землепользования относятся лишь к землям несельскохозяйственного назначения, а в деревне отношения имущественного права на землю остаются во многом неясными, что зачастую приводит к незаконному отчуждению сельскохозяйственных земель, спекуляции землей. В ряде экономически развитых районах, особенно в приморских, стихийно складывается рынок земли и идет "самая настоящая торговля землей" вопреки существующим законам. Предприятия и организации торгуют землей, получая огромные прибыли и не платя налогов государству от продажи земли. Крестьяне, у которых земля отторгается для создания какого-либо промышленного предприятия, также в основном ничего не получают.¹⁵

Необходимость корректировки нынешней аграрной политики назрела настолько, что её видят уже не только экономисты-аграрники, но и руководство страны, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в китайских научных экономических изданиях, но и развернувшаяся в последнее время на страницах центральной китайской печати дискуссия по земельному вопросу.

Итак, опыт модернизации аграрного сектора как Тайваня, так и КНР, подводит к следующим выводам:

1. Аграрный сектор экономики является "стартовой площадкой" для проведения экономических реформ в стране.

2. Процесс трансформации форм собственности и хозяйствования может развиваться лишь как поэтапный, государством направляемый и поддерживаемый процесс.

3. Важнейшим условием при переходе к рынку является создание комплексной системы государственного экономического регулирования, учитывающей реальную экономическую ситуацию.

4. Важнейшим стратегическим направлением преобразования аграрных отношений является признание и осуществление земельной реформы.

5. Результативность аграрной реформы, ее дальнейшая судьба, прежде всего и в определяющей мере, зависит от того, каков социально-экономический статус непосредственного производителя, а именно: крестьянина, и в какой хозяйственной форме он реализуется.

6. Китайский и тайваньский опыт свидетельствует об устойчивости семейного (или фермерского) крестьянского хозяйства как формы организации аграрного производства.

1. Farm Land Reform. - Taipei. - 1990. - P.1
2. Government agricultural strategies in Taiwan and South Korea. - Taipei. - 1981. - P. 51.
3. Agricultural Development in the Republic of China on Taiwan. - P. 22.
4. Ibid. - P. 12.
5. Цзинцзи яньцзю. - 1986. - N 9. - С. 34.
6. Beijing Review. - 1989. - № 40. - С. 32.
7. Сяньдайхуа нунъеды моши сюаньцзэ. - Пекин. - 1991. - С. 33. (Выбор модели модернизации сельского хозяйства)
8. Бергер Я.М. Социальные процессы в современной китайской деревне. - М.: "Наука". - 1988. - С. 92.
9. Мэн Фаньци. Сяньдайхуа нунъеды моши яньцзю. - Пекин. - 1991. - С. 8-10.
10. Нунгэ цзинцзи вэньти. - 1994. - № 10. - С. 39.
11. Цзинцзи жибао. - 1990. - 17 апреля.
12. Путешествие в Вэньчжоуское "королевство пуговиц". // ПДВ. - 1990. - № 3. - С. 55-56.
13. Нунцунь цзинцзи фачжань моши бицзяо яньцзю. - Пекин. - 1992. - С. 10. (Экономика деревни: сравнительный анализ моделей развития экономики деревни в различных районах Китая.)
14. Нунгэ цзинцзи вэньти. - 1994. - № 10. - С. 40.
15. Чжунго нунцунь цзинцзи. - 1993. - № 12. - С. 5-6.

Чан Кайши и проблемы реконструкции китайской деревни

© 1996

А.Писарев

Вокруг имени любого выдающегося государственного деятеля всегда существует множество разноречивых оценок и суждений, а нередко и мифов, хитросплетение которых - весьма интересный и поучительный объект исследования для историка. Не исключение в этом смысле и фигура Чан Кайши, ставшего руководителем Гоминьдана, генералиссимусом и президентом Китая, а в последние четверть века жизни - президентом Китайской республики на Тайване.

Личность этого человека, его место в истории Китая в XX в. расценивались соратниками Чан Кайши по Гоминьдану и его политическими оппонентами, в первую очередь из коммунистического лагеря, с прямо противоположенных позиций. Чан Кайши - искренний патриот, ставивший превыше всего интересы восстановления независимого суверенного китайского государства, утверждали одни. Политический деятель, проводивший "проимпериалистическую" политику, возражали другие. Человек, последовательно стремившийся утвердить принципы демократии, продолжали первые. Жестокий автократ, утверждали вторые. "Чистый чиновник", говорили сторонники Чан Кайши. Коррупцированный бюрократ, оберегавший клику грабителей, ставшей "главным врагом" китайского народа, единственной целью которой было умножение личного состояния за счет близости к государственной казне, возражали его противники.

Перечень этих оппозиций можно продолжить. Одной из них, несомненно, является оценка отношения Чан Кайши к проблемам сельского Китая. В гоминьдановской историографии Чан Кайши обычно рисуют как последовательного продолжателя дела Сунь Ятсена, его теории "трех народных принципов", идей Сунь Ятсена, связанных с путями решения аграрного вопроса. В том числе его концепций "уравнения прав на землю" и принципа "каждому пахарю - свое поле", которые под руководством Чан Кайши были воплощены в жизнь в тайваньский период истории Китайской республики. В освещении же коммунистических оппонентов Чан Кайши предстает как "защитник интересов китайских помещиков", сделавший все возможное для подавления крестьянского движения.

Подобные полярные оценки, являющиеся отголоском ожесточенной политической борьбы полувековой давности, явно обедняют и личность Чан Кайши, и одну из интереснейших страниц китайской истории, связанную с ролью крестьян-

янского фактора в китайской революции первой половины XX в. Они оставляют в стороне как несущественную и интригующую, с точки зрения исторического исследования, проблему эволюции взглядов крупного политического деятеля.

Было бы преувеличением утверждать, что Чан Кайши даже после его приобщения к политической жизни и борьбе испытывал особый интерес к проблемам китайской деревни и путям ее преобразования. Тем не менее, очевидно, он имел некоторые суждения по этому вопросу, возможно, воспринятые им еще в детстве. Биограф Чан Кайши В. Морвуд сообщает, что в этом смысле большое влияние на представления будущего руководителя Китая имел его дед Цзян Юйбяо, много испытавший в годы тайпинского восстания. Прогуливаясь по улицам родной деревни с внуком, дед, бывший в это время старейшиной клана, рассказывал ему с нескрываемой ненавистью страшные легенды о тайпинах, представавших в его историях в образе вероломных бандитов. Именно они заставили его, молодого человека из зажиточной семьи, покинуть дом и бежать в Шанхай. Правда, после возвращения на родину Цзян Юйбяо удалось расширить земельные владения семьи, использовав средства, полученные в результате успешных коммерческих операций в Шанхае. Именно с этого времени одним из любимых исторических героев Чан Кайши, которому он стремился следовать в течение всей последующей жизни, становится Цзэн Гофань - один из главных подавителей тайпинского восстания. Его Чан Кайши воспринимал как образец преданного долгу политического деятеля. Можно предположить, что уже в это время в его сознании начинает формироваться идеал сплоченного сельского коллектива, в основе которого лежат прочные клановые связи, соединяющие верхи и низы деревни в гармоническое единство. Несомненно, что весьма распространенные в Чжэцзяне - родной провинции Чан Кайши - клановые отношения во многом оказали определяющее влияние на его видение структуры социальных институтов традиционного и современного ему китайского общества¹.

Мало что известно о политических пристрастиях Чан Кайши в годы взросления и юности. Возможно, для молодого человека, решившего связать свой жизненный путь с военной карьерой, в соответствии с китайской традицией вообще было предпочтительнее держаться в стороне от политики. Однако сама жизнь втягивала его в орбиты политической борьбы, заставляя искать в ней свое место.

Во время второй поездки в Японию уже в качестве стажера, присланного китайским правительством для обучения в военной академии, Чан Кайши тесно сходитя с соотечественниками-эмигрантами, близкими Революционному объединенному союзу, основанному Сунь Ятсеном. Через земляка, ставшего впоследствии близким другом - Чэнь Цимэя, являвшегося секретарем союза, он знакомится с программой и деятельностью этой революционной организации и принимает решение вступить в нее. Тогда же, в 1908 г. состоялась и первая встреча с самим Сунь Ятсеном, произведшая на Чан Кайши самое сильное впечатление².

Всем вступающим в Революционный союз предстояло пройти через церемонию принятия клятвы, в которой были сформулированы основные цели революционной организации: свержение маньчжурской династии, установление в Китае республиканской формы правления и осуществления принципа "уравнивания прав на землю", сформулированного Сунь Ятсеном³.

Концепция "уравнивания прав на землю" совсем не предполагала осуществление радикальной земельной реформы, а тем более уравнительного перераспределения земли. Ее суть состояла в регулировании земельных отношений путем введения прогрессивного налогообложения в зависимости от установленной государством совместно с землевладельцами цены земли⁴. Однако вряд ли в этот пе-

риод Чан Кайши вникал в детали аграрной программы лидера революционного движения в Китае. Скорее всего наиболее привлекательным для него в деятельности Революционного союза было стремление свергнуть власть маньчжурской монархии, повинной в его глазах в утрате Китаем былого величия и унижениях, понесенных им от стран Запада. Возможно, честолюбивый и волевой молодой человек связывал определенные надежды на будущее с успешной карьерой, в случае победы революции и прихода Союза к власти.

После Синьхайской революции и установления в Китае республики этим надеждам было суждено осуществиться лишь отчасти. Чан Кайши, принявший активное участие в революционных событиях, осуществивший во главе небольшого отряда захват Ханчжоу, столицы родной провинции, вскоре оказался не у дел. Он сохранял верность Сунь Ятсену, а для последнего годы, последовавшие за Синьхайским переворотом, стали временем борьбы с диктаторским режимом Юань Шикая, стремившегося возродить в Китае восточную деспотию; затем последовали попытки основать в одном из районов Китая базу, откуда Сунь Ятсен и созданный им Гоминьдан смогли бы распространить свою власть на весь Китай. Нельзя сказать, что Чан Кайши вообще оказался вне политических страстей, которыми жило китайское общество в послесиньхайское десятилетие. Напротив, он постоянно находился в ожидании быть призванным Сунь Ятсеном и, когда это происходило, мужественно выполнял свой долг, находясь иногда в двух шагах от смерти. Связав себя раз и навсегда с Гоминьданом, Чан Кайши мог рассчитывать на карьеру в истинном для него понимании, т.е. на положение государственного деятеля, лишь в случае прихода партии Сунь Ятсена к власти.

В начале 1923 г. появились основания рассчитывать, что эти надежды осуществляются. В это время Сунь Ятсен предпринимает очередную и на этот раз удачную попытку укрепиться в Гуанчжоу, призывая к себе всех испытанных и надежных соратников. Руководитель Гоминьдана устанавливает связи с Советской Россией, компартией Китая, за которой также стояли Россия и Коминтерн. Получив известия о событиях, происходящих в Гуандуне, Чан Кайши немедленно отправился туда для того, чтобы занять пост эксперта по делам начальника штаба формирующейся армии, а затем руководителя военной академии, созданной Гоминьданом при помощи советских советников.

Осенью 1923 г. Чан Кайши возглавил делегацию, посланную Сунь Ятсеном в Советский Союз для изучения опыта государственного и военного строительства в послереволюционной России. Благодаря опубликованным в последнее время документам из архивов ВКП(б), можно достаточно полно восстановить эту, до того малоизвестную, страницу из биографии Чан Кайши. По этим документам можно также составить впечатление о взглядах Чан Кайши на суть и пути решения аграрных проблем Китая.

В состав делегации помимо Чан Кайши входили также два представителя Гоминьдана - член провинциального собрания Чжэцзяна Шэнь Динъи и журналист Ван Дэнъюнь. Шэнь Динъи также, как и Чан Кайши, как отмечалось, в конфиденциальных документах, подготовленных советскими работниками, встречавшимися с членами делегации в Москве, принадлежал к левому крылу в Гоминьдане. В этих документах также подчеркивалось, что в 1921-1922 гг. Шэнь являлся членом КПК, ряды которой он покинул в связи с тем, что компартия недостаточно внимательно относилась к проблемам китайского крестьянства. В документах отмечалось, что Шэнь Динъи "был связан с крестьянским движением в Чжэцзяне... Особенно интересуется вопросами крестьянского движения."⁵ Впоследствии Шэнь Динъи было суждено сыграть

видную роль в попытках аграрных преобразований в его родной провинции, которые лично для него закончились трагически.

В "Письменном докладе делегации Гоминьдана о национальном движении в Китае и положении в партии", представленном для рассмотрения руководству ВКП(б) и Коминтерна, наряду с другими проблемами была дана характеристика положению в китайской деревне. "В Китае отсутствует крупное землевладение. (В каждой провинции имеется около 10 землевладельцев, владеющих более 10 тыс. му). Общая численность сельского населения составляет 43 млн. семейств, из которых 23 млн. принадлежат мелким крестьянам.⁶ Поэтому в Китае редко случаются конфликты между крупными землевладельцами и земледельцами. Кроме того, крестьяне не страдают от больших налогов со стороны государства. Поэтому довольно затруднительно найти соответствующие политические лозунги, с помощью которых мы могли бы найти подходы к классу крестьян. Хотя крестьяне страдают от последствий нападений бандитов и непрекращающейся гражданской войны, однако экономическая эксплуатация Китая иностранными капиталистическими державами не беспокоит их".⁷

Если оставить в стороне явно фантастические оценки численности сельского населения в Китае, то в этой картине аграрного строя Китая, характеристике проблем, с которыми сталкивалось крестьянство и состояния его менталитета, не было ничего фантастического. Напротив, она верно отражала то, что было связано с чертами "азиатского" аграрного строя Китая, весьма отличного от феодальных аграрных отношений, господствовавших в средневековье в Западной Европе и в дореформенной России⁸. Тем не менее надо отметить, что некоторые важные противоречия, также свойственные поземельным отношениям в Китае в первые десятилетия XX в., были обойдены авторами этого документа, к числу которых надо отнести самого Чан Кайши. В первую очередь - это проблема налогообложения, от которого в условиях господствовавшей милитаристской системы крестьянство, несомненно, страдало, а также арендные отношения, весьма отягцавшие положение трудового крестьянства.

В связи с этим весьма логичной выглядела оценка Чан Кайши целей и характера китайской революции. "Наша цель - борьба с международным империализмом и его орудиями - китайскими милитаристами. Именно мировой капитализм и империализм превратили Китай в полуколонию. Без свержения мирового капитализма и империализма не будет надежды на подлинную независимость Китая"⁹. Итак, китайская революция является главным образом национальной, призванной объединить в борьбе за достижение независимости основные слои китайского общества. Причем, крестьянству в ней вряд ли было уготовано особое место.

Подобный подход явно расходился с теорией, которую исповедовал и настойчиво предлагал китайским коммунистам и самому Гоминьдану Коминтерн. Еще на II конгрессе Коминтерна были приняты решения, определявшие суть революций в странах Востока, в том числе и в Китае, как соединение национальной и антифеодальной борьбы. Предполагалось, что именно крестьянство, вдохновленное призывами ликвидировать "феодално-помещичье" землевладение, должно принять самое активное участие в национальном движении. За этим, несомненно, стояла убежденность в универсальной значимости опыта революций в России в первые десятилетия XX в. Однако эта концепция не учитывала принципиальные различия в характере традиционных и квазитрадиционных структур в России и восточном мире. И в этом, как показал дальнейший опыт революции в Китае, Коминтерн заблуждался. Но ошибался также и Чан Кайши, вообще отказывавшийся видеть какие-либо социальные противоречия в китайской деревне, представлявшейся ему некоей социальной "равниной".

Именно с весны 1923 г., вследствие в первую очередь настойчивой позиции Бухарина, идея о необходимости выдвижения на первый план антифеодальной борьбы крестьянства в качестве главной движущей силы национальной революции в Китае, становится центральной в разработках Коминтерна, посвященных ситуации в Китае, в том числе и политике Гоминьдана¹⁰.

Отмеченные проблемы оказались в центре обсуждения во время заседания комитета ИККИ, на которое были приглашены члены китайской делегации. Член ИККИ Коларов прямо задал вопрос о наличии недовольства со стороны крестьянства существующей в Китае системой землевладения. Последующие вопросы участников заседания и ответы на них, данные Чан Кайши, следует привести полностью.

“Г. Чан. Налоги за землю в Китае не очень тяжелы и они еще не выросли, и хотя они могут вызывать некоторое недовольство, но не много.

Тов. Стюарт. У кого арендуется земля, кто - владельцы земли, и если налоги не высоки, то высока ли рента?

Г. Чан. Вопрос о ренте - это другое дело. Наибольшая рента достигает 80% общей продукции земли. Это значит, что людям, которые будут (арендовать) землю, придется подчас платить 80% владельцам земли.

Тов. Стюарт. Во-первых, они говорят, что нет крупных землевладельцев, но имеются владельцы земли, которые могут назначать арендную плату в 80%. Если нет крупных землевладельцев, то кто же эти владельцы земли, которые могут назначать арендную плату в 80%?

Г. Чан. Мелкие держатели земли получают плату от арендаторов. Наибольшая арендная плата - 80%, наименьшая - 50%. Арендатор не платит налога, а владелец земли платит. Землевладелец платит налоги в размере 1/12 от размера получаемой ренты”¹¹.

Как видим, вопросы, поставленные представителями Коминтерна, были сформулированы весьма точно, и Чан Кайши не смог найти на них удовлетворительные ответы. Тем не менее, очевидно, состоявшееся обсуждение не поколебало его в собственном видении характера аграрного строя и противоречий, свойственных китайской деревне. Надо отметить, что подобные взгляды разделяли и другие видные представители Гоминьдана в том числе и те, кто относился к его левому флангу¹².

Тем не менее в годы революции 1925-1927 гг. под влиянием представителей Советской России и КПК Гоминьдан, особенно после 2-го конгресса (январь 1926 г.), радикализирует свою политику в аграрном вопросе. Было принято законодательство, обеспечивавшее статус крестьянских союзов, решения, определявшие формы арендных отношений, в том числе предусматривавшие принцип снижения арендной платы на 25%, но не более 37,5% урожая¹³. Все это рассматривалось в качестве первого этапа аграрной реформы, которая должна была привести к реализации принципов Сунь Ятсена “уравнивания прав на землю” и “каждому пахарю - свое поле”.

После разрыва единого фронта между КПК и Гоминьданом, одной из причин чего явились расхождения во взглядах на пути решения аграрного вопроса в Китае, коммунисты, как известно, встали на путь “аграрной революции”, а Гоминьдан, как принято считать, отказался от проведения скольконибудь решительной политики облегчения положения крестьянства. Действительно, Гоминьдан определенно высказался против безвозмездной и насильственной конфискации земли, однако это совсем не означало, что он вообще порвал с той частью идейного наследия Сунь Ятсена, которая была связана с концепцией “уравнивания прав на землю”, продолжением которой был принцип “каждому пахарю - свое поле”. В Гоминьдане существовали самые разные

представления об этой проблеме и даже весьма различные подходы к ее решению. Это многообразие взглядов и практических действий было результатом борьбы между различными группировками в Гоминьдане, различиями в подходе к земельному вопросу на уровне центральных правительственных структур и регионов гоминьдановского Китая.

Весьма влиятельная группировка "реорганизационистов", во главе которой стояли такие известные деятели Гоминьдана, как Ван Цзинвэй и Чэнь Гунбо, в конце 20-х гг., оспаривая влияние Чан Кайши, выступила с собственными подходами по целому ряду вопросов, в том числе и по аграрному. "Реорганизационисты" не только считали необходимым принятие практических мер, направленных на регулирование арендных отношений, в том числе снижения арендной платы, но и не отвергали возможности экспроприации земель наиболее крупных владельцев с ее последующим распределением среди малоземельного крестьянства¹⁴.

В конце 20-х гг. группа местных партийных деятелей в Чжэцзяне, родной провинции Чан Кайши, объединившаяся вокруг Шэнь Дингъи, побывавшего в 1923 г. вместе с Чан Кайши в Москве, а в тот период - члена чжэцзянского отделения Центрального политсовета Гоминьдана, предприняла попытку добиться практического снижения арендной платы. На протяжении трех лет с 1927 по 1930 г. именно местные комитеты Гоминьдана в этой провинции упорно добивались преобразования арендных отношений, столкнувшись при этом с упорным сопротивлением чжэцзянской бюрократии, стремившейся не допустить перемен. Партийными комитетами принимались законы, нацеленные на защиту интересов арендаторов, призванные ограничить произвол со стороны землевладельцев.

В результате конфликта между провинциальным комитетом Гоминьдана и правительством по проблемам аграрной политики осенью 1929 г. ситуация в провинции обострилась до крайних пределов. Правительство приостановило действие законов о снижении арендной платы, а провинциальный комитет Гоминьдана, ведущую роль в котором играл Шэнь Дингъи, со страниц своего органа - газеты "Миньго жибао" призвал добиваться их реализации. В результате газета была закрыта, а ее редактор арестован. В конфликт был вовлечен Нанкин, отправивший в Ханчжоу Дай Цзитао, которому было поручено разобраться в сложившейся ситуации. Несмотря на то, что официально провозглашенная позиция центра состояла в поддержке продолжения снижения арендной платы, меры, принятые для того, чтобы разрядить ситуацию, привели к прекращению проведения этой политики. В 1930 г. в результате покушения был убит Шэнь Дингъи, наиболее последовательный сторонник данного курса¹⁵.

Тем не менее сторонники энергичной аграрной политики, направленной на облегчение положения трудового крестьянства, после этого поражения, понесенного от собственной партии, не сложили оружия и впоследствии продолжили борьбу. Опубликованные на Тайване мемуары Сяо Чжэна, одного из видных деятелей Гоминьдана на ниве аграрной политики, участника чжэцзянских событий проливают дополнительный свет на закулисную сторону борьбы в партии в крестьянском вопросе¹⁶. Именно сторонники радикализации настаивали, и не без успеха, на включении в аграрное законодательство Гоминьдана положений, свидетельствовавших о преемственности политики партии в деревне в период революции 1925-1927 гг. и в нанкинское десятилетие. Впоследствии эти деятели объединились в "Китайское общество изучения аграрной политики" (январь 1933 г.), приступившее вскоре к изданию собственного органа "Ежемесячное обозрение земельной политики"¹⁷.

При обозрении аграрного законодательства гоминьдановского Китая в нанкинский период в целом нельзя не признать, что преемственность с политикой партии в предшествующий период в нем была сохранена. В частности, во все сборники законодательства гоминьдановского Китая в 30-е гг. были включены и довольно радикальный "Закон о защите арендаторов", принятый еще уханьским правительством единого фронта¹⁸, и "Временные правила наказания тухао и лешэнь" (1927 г.), которые могли быть использованы для ограничения всевластия сельских верхов¹⁹.

Основным документом Гоминьдана по аграрному вопросу в 30-е гг. стал "Земельный закон" (1930). Этот документ вышел из под пера гоминьдановских законодателей довольно радикальным²⁰. В нем были сохранены основные положения аграрного законодательства уханьского периода, связанные с регулированием арендной платы, ее сокращением на 25% до 37,5% урожая, многочисленные статьи, призванные не допустить чрезмерного ущемления интересов арендаторов во времена стихийных бедствий, пункты, запрещавшие произвольный сгон арендаторов с земли²¹. Более того, в "Земельном законе" в принципе не отвергалась возможность выкупа государством земли в соответствии с ее ценой с последующим уравнивательным перераспределением²².

Очевидно, наиболее благоприятные возможности для реализации радикальных элементов своего законодательства Гоминьдан имел на территории захваченных у коммунистов советских районов. Здесь землевладение деревенских верхов было, как правило, ликвидировано, представители сельской элиты физически уничтожены или были вынуждены бежать на гоминьдановскую территорию. Однако в подготовленных ставкой Чан Кайши "Правилах упорядочения земельных отношений в районах подавления бандитизма" (1933 г.) говорилось: "Улаживая вопросы по делам земельной и другой недвижимой собственности, подвергшейся переделу, ... руководствоваться принципом возвращения собственности ее первоначальным владельцам"²³.

Весьма легко подвергать критике деяния или недеяния, относящиеся к прошедшим эпохам, однако в данном случае вполне естественной выглядела бы мера по компенсации утратившим землю владельцам со стороны правительства, что было бы в духе самой гоминьдановской доктрины.

Надо отметить, что предложения по радикализации политического курса в земельном вопросе исходили из наиболее близких лично Чан Кайши кругов. Члены группировки "Си Си", являвшейся, пожалуй, его самой надежной опорой в партии в первой половине 30-х гг., энергично обсуждали радикальные меры по изменению характера аграрных отношений. На страницах журнала "Вперед", являвшегося органом этой группировки, высказывались идеи о необходимости национализации земли и даже об образовании в Китае кооперативов, по форме весьма напоминавших советские колхозы²⁴.

Следует подчеркнуть, что помимо "аграрной революции", на путь которой встали коммунисты, и весьма ограниченных с точки зрения практических результатов попыток преобразовать деревню, предпринятых Гоминьданом, в начале 30-х гг. пытались осуществить преобразование деревни и другие политические силы. Опыт аграрной политики, отличной от той, что проводили коммунисты и курса "недеяния", принятого нанкинским правительством Гоминьдана, предложили деятели "Третьей партии", которые стремились воплотить на практике заветы Сунь Ятсена. Деятели этой организации, образованной группой членов Гоминьдана, осудивших террор, развязанный Чан Кайши весной 1927 г. и возглавляемой видным в прошлом членом Гоминьдана Чэнь Миншу, предприняли в 1932 г. попытку осуществить широкую земельную реформу в провинции Фуцзянь. Здесь они получили поддержку патри-

тически настроенного командования 19-й гоминьдановской армии, героически оборонявшей Шанхай, подвергшийся японскому нападению. Исходя из принципа "каждому пахарю - свое поле", они объявили о национализации земли и ее уравнительном перераспределении. Однако в отличие от политики, проводившейся коммунистами, в Фуцзяни при наделении землей не делалось различий между "помещиками" и арендаторами, верхами и низами деревни²⁵.

Еще одна попытка изменить характер аграрных отношений была принята во владениях Янь Сишаня, губернатора провинции Шаньси. Здесь в сентябре 1935 г. была опубликована "Программа обобществления земли", в соответствии с которой частная собственность на землю ликвидировалась, а вся земля превращалась в коллективное достояние деревни. В соответствии с этим документом любой житель деревни по достижении 18 лет получал право на земельный надел. Для того, чтобы не допустить вновь концентрации земли в руках многих, предусматривалась такая мера, как регулярные земельные переделы²⁶.

Каково же было отношение самого Чан Кайши к политике в аграрном вопросе, проводившейся его политическими соперниками, и предложениям, выдвигавшимся его соратниками? Насколько его вообще занимали проблемы, связанные с положением в китайской деревне? Представляется, что его обращение к этим вопросам было главным образом результатом участия в военных кампаниях, направленных против советских районов. Очевидно, встретившись здесь с упорным сопротивлением коммунистов, он приходит к мнению о необходимости предпринять некоторые меры, чтобы нейтрализовать влияние коммунистов в сельских районах.

В канун пятого "карательного похода", направленного против Центрального советского района, он обратился за помощью к христианским миссионерам, рассчитывая использовать их не только в качестве экспертов и практических деятелей, но и для получения помощи из-за рубежа. Важную роль в ходе последовавших переговоров сыграла жена Чан Кайши, поскольку сам главнокомандующий, хотя и принял христианство, но стремился не афишировать свои связи с западными церквями. В августе 1933 г. состоялось совещание, на котором Сун Мэйлин, в сущности, представляла китайское правительство, а сам Чан Кайши под благовидным предлогом от участия в нем уклонился. В результате группе миссионеров во главе с Б.Джонсоном было дано разрешение приступить к деятельности в ряде уездов провинций Цзянси и Фуцзянь, незадолго до этого отвоеванных у коммунистов. Непосредственное руководство этой работой предполагалось возложить на комитет в Наньчане, в состав которого должны были войти супруги Чан Кайши²⁷.

Первоначально планы миссионеров не выходили за рамки проблем налогообложения, транспорта, технико-экономической стороны сельскохозяйственного производства. Однако уже к весне следующего года миссионерам стало ясно, что ограничиться лишь рамками этих мер нельзя, что без реформы арендных отношений не удастся добиться ни "реконструкции", ни "возрождения" деревни. С предложениями об "улучшении перераспределения земли" они решились обратиться непосредственно к самому Чан Кайши. Отвечая на них, Чан Кайши заявил, что, "если сейчас производить передел земли, то незачем вообще было бороться против коммунистов"²⁸.

Примерно такой же была и реакция Чан Кайши на предложения, исходившие от его ближайших сподвижников, сформировавших группировку "Си Си". В сентябре 1933 г. он назначил губернатором пров. Цзянсу лидера этой группировки Чэнь Гофу²⁹. Однако и это не обеспечило ее членам свободу действий. Предложения же некоторых из них провести реальную аграрную реформу, основанную на выкупе и перераспределении земли в районах, от-

воеванных у КПК, были охарактеризованы Чан Кайши как стремление стать "более красными, чем сами красные"³⁰.

От внимания Чан Кайши не укрылись и реформаторские усилия Янь Сишаня. Получив информацию о планах губернатора Шаньси, он направил ему телеграмму, в которой обвинил Яня в проведении политики, противоречащей заветам Сунь Ятсена³¹.

"Аграрной революции" коммунистов Чан Кайши стремился противопоставить комплекс административно-идеологических реформ, отвергая и те предложения, которые исходили от представителей международных организаций, которых вряд ли можно было подозревать в стремлении разжечь в еще большей степени пламя гражданской войны в Китае. Группа экспертов Лиги нации, посетившая Цзянси в ноябре-декабре 1933 г., пришла к убеждению, что единственным средством, способным серьезно изменить социальную ситуацию в этой провинции, являлось перераспределение земли с целью превращения крестьян-арендаторов в собственников земли. Их рекомендации были выражены в конкретной программе земельной реформы, включавшей ликвидацию за выкуп крупного землевладения с последующим перераспределением освободившейся земли среди арендаторов также за выкуп. Эти радикальные предложения были отвергнуты Чан Кайши³².

Надо отметить, что в многочисленных выступлениях и речах, произнесенных Чан Кайши в "нанкинский" период, много говорилось о его приверженности делу революционного преобразования китайского общества, "трем народным принципам", делу восстановления суверенитета Китая и даже о суньятсенизме, как форме социалистической идеологии, но собственно аграрный вопрос в них почти не затрагивался³³. Исключением в этом смысле являлась его телеграмма на имя Ван Цзинвэя, отправленная 17 декабря 1933 г. Обращаясь в ней к неким членам Гоминьдана, упрекавшим его руководство в отсутствии четкой партийной программы по аграрному вопросу, Чан Кайши сформулировал свое отношение к земельной политике КПК и свое видение возможных путей разрешения проблем деревни.

С точки зрения Чан Кайши, "аграрная революция", инициированная КПК, являлась чисто тактическим курсом, имевшим своей целью не благополучие широких слоев крестьянства, а привлечение на сторону коммунистов сельских низов с тем, чтобы использовать их для разжигания в деревне гражданской войны³⁴. В целом, подчеркнул Чан Кайши, для "антипомещичьей" борьбы в Китае существовали весьма ограниченные условия, определявшиеся крайним дефицитом земли и спорадическим характером самого "помещичьего" землевладения. Земельный фонд, находившийся в руках тех, кто имел от 10 до 100 му земли, был крайне невелик, в то время, как землевладельцы, обладавшие от 3 до 10 му, составляли более половины сельского населения. Именно в связи с этим передел, осуществлявшийся коммунистами, выливался не просто в ликвидацию слоя "помещиков", а всех "имущих", с которыми обходились с крайней жестокостью, включая физическое уничтожение. Именно по этой причине КПК была вынуждена периодически проводить кампании наподобие политики "проверки правильности осуществления перераспределения земли", целью которых были уже новые группы "имущих", сформировавшиеся в результате предыдущего тура земельного передела. В результате основной жертвой такой политики оказывалось в первую очередь само крестьянство³⁵.

В связи с этим, отметил Чан Кайши, курс на восстановление собственных прав соответствовал интересам самого крестьянства. Однако это не означало отказа от политики "каждому пахарю - свое поле" в качестве конечной цели деятельности Гоминьдана в деревне. Средством ее реализации Чан

Кайши назвал упорядочение и регулирование землепользования, в первую очередь арендных отношений. Это могло быть достигнуто на пути развития кооперативного движения, когда на первом этапе кооперативы превращались в структуру, бравшую на себя бремя перераспределения частных земель на основе ее предоставления арендаторам в соответствии с потребностями отдельного крестьянского хозяйства и на условиях "справедливой" аренды. В перспективе именно кооперативы должны были стать собственниками земли, а сами крестьяне превратиться в арендаторов коллективного землевладения. Таким образом удалось бы избежать чрезвычайно болезненной для крестьянства процедуры земельного передела³⁶.

В противовес идеологии, проповедовавшейся коммунистами, в 1934 г. по инициативе Чан Кайши Гоминьдан развертывает "движение за новую жизнь". Эта политическая кампания, начавшаяся прежде всего в районах, отбитых у КПК, являлась попыткой возрождения некоторых черт конфуцианской идеологии, которую руководство Гоминьдана стремилось соединить с суньятсенизмом. Наряду с чисто идеологической стороной происходило и возрождение старой системы круговой поруки - "баоцзя". Важным элементом нового издания этой системы должны были явиться отряды сельского ополчения, которые смогли бы взять на себя охрану сельского мира от проникновения коммунистов³⁷.

Выдвигая идею "движения за новую жизнь", Чан Кайши рассчитывал добиться укрепления единения в рамках сельской общины на основе главным образом административно-идеологических и квазимилитаристских институтов, отказываясь от решения социально-экономических проблем. Очевидно, его воображение было захвачено образом общества, организованного, подобно, армии, в соответствии с принципом всеобщей дисциплины и иерархического подчинения. В речи, произнесенной в Наньчане 19 февраля 1934 г. и положившей официальное начало "движению за новую жизнь", он говорил: "Что же такое "движение за новую жизнь", предлагаемое мною? Коротко говоря, это полная милитаризация всей жизни народа, в условиях которой достигается воспитание мужества, умение преодолевать тяготы и трудолюбие, привычка к общественному единению, готовность принести себя в жертву ради интересов государства..."³⁸

1. W. Morwood. *Duel for the Middle Kingdom. The struggle between Chiang Kai-shek and Mao Tse-tung for control of China.* N.Y., 1980. - P. 19.
2. B. Crozier. *The man who lost China.* N.Y., 1976. - P. 38.
3. W. Morwood. *Op. cit.* P. 34.
4. См.: А.А.Писарев. Сунь Ятсен и проблема ликвидации помещичьего землевладения в Китае: оценки советских и зарубежных историков. // *Народы Азии и Африки*. - 1988. - N 6.
5. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае (Далее - ВКП(б), Коминтерн и Китай). *Документы. Т. 1. 1920-1925.* М., 1994. - С. 261.
6. Данные о численности сельского населения в Китае, представленные в докладе, можно отнести к числу курьезов китайской статистики того времени. По данным А.С.Мугрузина, численность крестьянских хозяйств в это время приближалась к 70 млн (Мугрузин. *Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX в.* М., 1994. - С. 237).
7. ВКП(б), Коминтерн и Китай. - С. 269.
8. Об особенностях традиционного аграрного строя в Китае, а также о характерных чертах аграрных отношений в Китае в первые десятилетия XX в. см.: А.С.Мугрузин. *Указ. соч.* - Гл. 3-4.
9. ВКП(б), Коминтерн и Китай. - С. 272.

10. В "Поправках Н.И.Бухарина к проекту директивы восточного отдела ИККИ 3 съезду КПК" (май 1923 г.) говорилось следующее: "Компартия обязана постоянно толкать партию Гоминьдан в сторону аграрной революции. В местах, занимаемых войсками Суня, необходимо добиваться, чтобы была проводима конфискация земли в пользу беднейшего крестьянства и целый ряд других революционных мероприятий. Только таким путем можно обеспечить успех революционных мероприятий армии Суня, обеспечить ей поддержку крестьянства и расширять базис антиимпериалистической революции". (Там же. - С. 231).
11. Там же. - С. 301.
12. В беседе с одним из представителей Советской России, состоявшейся в августе 1924 г., руководители Гоминьдана высказывали следующие соображения: "Отвечая за возражения т.Ф., гуренатор Ляо Чжункай, поддержанный Сунем, принимавшим менее активное участие в этой части разговора, объяснил, что обстоятельства китайской деревни крайне своеобразны, родовые отношения еще не порваны, землевладелец, джентри и крестьянин являются членами одного клана и носят одно и то же родовое имя. Вследствие более партиархальной, чем феодальной, структуры деревни, классовые противоречия еще очень сглажены и отношения между землевладельцами и крестьянами более напоминают отношения между дядей и племянником, чем между двумя врагами". (Там же. - С. 466).
13. См.: А.А.Писарев. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20-30-е годы XX в. М., 1986. - С. 79-83.
14. Подробнее см.: А.А.Писарев. Движение за реорганизацию Гоминьдана и аграрный вопрос. // Вестник Московского университета (сер. востоковедение). - 1981. - № 1.
15. А.А.Писарев. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае. - С. 109-113.
16. Данная публикация была любезно предоставлена автору А.Н.Карнеевым.
17. Сяо Чжэн. Мемуары. Пятьдесят лет земельной реформы. Тайбэй, 1980. - С. 57.
18. А.А.Писарев. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае. - С. 99.
19. Там же. - С. 100.
20. Борьба вокруг содержания земельного закона подробно описана в мемуарах Сяо Чжэна. (Сяо Чжэн. Цит. соч. - С. 113-130).
21. А.А.Писарев. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае. - С. 123-124.
22. Там же. - С. 119.
23. Там же. - С. 134.
24. Там же. - С. 168.
25. В. Crozier. Op. cit. - P. 154.
26. Подробнее см.: А.А.Писарев. О попытках аграрных преобразований в пров. Шаньси в 20-30-е гг. XX в. // 15 научная конференция "Общество и государство в Китае". - Т. 3.
27. А.А.Писарев. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае. - С. 146.
28. Там же. - С. 147.
29. Фань Сяофан. Два Чэня и "Си Си", 1993. - С. 163.
30. W. Moorwood. Op. cit. - P. 215.
31. А.А.Писарев. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае. - С. 191.
32. Там же. - С. 149.
33. Цзян Чжунчжэн. Обращение ко всем товарищам по партии // Чжунго гоминьдан лиши цзяосюе данькао цзыляо (Материалы по изучению истории китайского Гоминьдана). Т. 2. Пекин, 1986. - С. 182.
34. Телеграмма Чан Кайши к Ван Цзиньвэю и Чэнь Шучжэну по земельному вопросу. - Там же. - С. 600.
35. Там же. - С. 601.
36. Там же. - С. 602.
37. А.А.Писарев. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае. - С. 144.
38. Цзян Чжунчжэн. Смысл движения за новую жизнь. // Чжунго Гоминьдан лиши... Т. 2. - С. 647.

Окончание следует

Земельная реформа 1946 г. в Северной Корее: ее ход и значение

© 1996

Ки Кван Со

15 августа 1945 г. безусловная капитуляция Японии во второй мировой войне привела к долгожданному освобождению Кореи. Освобожденная Корея должна была в первую очередь ликвидировать последствия длительного японского колониального господства и провести демократические преобразования, в том числе земельную реформу. После освобождения требование проведения земельной реформы широко выдвигалось крестьянами и прогрессивными силами, однако в условиях разделения Кореи на две части разрешение этой задачи осуществлялось только на территории Северной Кореи, занятой Красной Армией. В Южной Корее, находившейся под оккупацией американскими войсками, было сохранено помещичье землевладение. Осуществление земельной реформы здесь было задержано до 1950 г. в результате американской политики в Корее, направленной на поддержку имущих слоев, в том числе помещиков¹.

Сейчас, когда все мы отметили 50-летие освобождения Кореи, есть возможность по-новому взглянуть на проведение земельной реформы, ставшей основой демократических преобразований в Северной Корее, и оценить ее значение. Тем более, что приближается и ее полувековой юбилей. До сих пор в южнокорейской историографии уделялось мало внимания земельной реформе в Северной Корее. Лишь в одной статье², выражавшей прогрессивные взгляды ее автора, подробно рассмотрены процесс и значение земельной реформы в Северной Корее. Ее исследование в Южной Корее ограничивается общей нехваткой материалов об этом периоде развития Севера.

В течение 35 лет экономика Кореи представляла собой колониальную структуру Японии во всех областях. Колониальная промышленность Кореи в основном использовалась для осуществления планов развертывания агрессии Японии в Восточной Азии. В сельском хозяйстве, в котором было занято свыше 80% населения, преобладала собственность японских и корейских помещиков, а также старая система аренды земли. Арендуя небольшие участки земли, крестьяне подвергались суровому произволу помещиков. Так, доля арендной платы составляла от 50 до 70%, а в некоторых районах до 90% урожая. В 1943 г. в Корее было всего 3040546 хозяйств. Среди них 100053, или всего 3,3% землевладельцев владели 46,2% всей пахотной земли Кореи. В 1941-1942 гг. в Северной Корее среди примерно 1004600 хозяйств, 560000 хозяйств, или 55,7% владели лишь 5,5% всей пахотной земли³.

После освобождения Кореи в 1945 г. самым актуальным и неотложным для абсолютного большинства крестьян явился земельный вопрос, без разрешения которого освобождение теряло бы смысл. Следует отметить, что этот вопрос решал судьбу абсолютного большинства корейцев, связавших свою

жизнь в сельском хозяйстве. Как известно, вопрос о необходимости земельной реформы ставился прогрессивными силами Кореи уже со времен колониального господства Японии. Но освобожденная Корея сразу не могла удовлетворить потребность крестьян в земле прежде всего из-за произошедшего вскоре разделения страны на две части - Юг и Север - и отсутствия единой власти. Советское и американское командования, управлявшие соответственно северной и южной частями Кореи, проводили разную политику в своих зонах. В Северной Корее, находившейся под контролем Красной Армии, еще до проведения земельной реформы народные комитеты провели снижение арендной платы за землю с 60-70 до 30% урожая. Система арендной платы "3:7" (т.е. 3 части урожая помещику, 7 - крестьянину) была включена в программу мероприятий "Корейской народной республики", созданной по инициативе левых сил в Сеуле 6 сентября 1945 г.⁴, но не признанной военными властями США. На юге эта система не была тогда введена.

На совещании делегатов народных комитетов провинций Северной Кореи, состоявшемся с 7 по 11 октября 1945 г. в Пхеньяне, было объявлено о введении этой системы. Кроме того, 16 октября того же года Исполнительный комитет Оргбюро ЦК Компартии постановил: "Арендаторы, обрабатывающие земли корейских помещиков, платят им арендную плату на уровне 30 процентов, помещики же платят местным органам власти соответствующий налог"⁵. Эта мера была предпринята в условиях существовавшей в начале "коалиции" компартии и правых сил, в том числе Демократической партии, в народных комитетах⁶. Однако вскоре тогдашнее руководство Демократической партии было устранено из-за возражений против решений Московского совещания министров иностранных дел и заменено новым, лояльным и к компартии, и к советскому командованию⁷.

В сложившейся в Корее ситуации, характеризовавшейся конфликтом правых и левых сил, северокорейское руководство и командование Красной Армии ускорили проведение земельной реформы. Уже 2 января 1946 г. командующий войсками 25-ой армии И.М.Чистяков отдал приказ о всеобщей переписи крестьянских дворов в Северной Корее⁸, что явилось подготовкой осуществления земельной реформы. Помимо необходимости удовлетворения требований крестьян, ее политические цели заключались в том, чтобы укрепить "демократическую базу" северной части Кореи и увеличить число сторонников создаваемого там единого национального фронта. Вследствие резкого разделения корейского общества на сторонников и противников решений Московского совещания "реакционные силы" и прежде всего помещики должны были быть изолированы и упразднены. Необходимость этого была указана председателем Временного народного комитета Северной Кореи Ким Ир Сенном (февраль 1946 г.): "Важное значение земельной реформы заключается в том, что она позволяет коренным образом ликвидировать класс помещиков, служащий опорой прояпонских элементов, национальных предателей и других реакционеров, которые препятствуют образованию в Корее единого демократического правительства и пытаются подорвать единый национальный фронт"⁹. С устранением прежнего руководства Демократической партии во главе с Чо Ман Сиком выполнение этой задачи облегчалось.

До проведения аграрной реформы в Северной Корее вопрос о ней обсуждался в советском руководстве. По советским данным, существовали два проекта по этому вопросу: проект Народного комиссариата иностранных дел СССР и проект Мерещкова-Штыкова¹⁰. Их основные различия состояли в следующем:

Проекты Мерецкова-Штыкова (а) и Народного комиссариата иностранных дел (б);

1. а) Помещичья земля национализируется и передается в безвозмездное пользование крестьянам.

б) Земля передается в собственность безземельным и малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим.

2. а) Земля передается крестьянам безвозмездно.

б) Устанавливается плата за землю. Безземельные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие должны платить за нее ежегодно $1/25$ среднего урожая в течение 25 лет, а малоземельные крестьяне - $1/15$ среднего урожая в течение 15 лет.

3. а) Все помещичьи земли свыше 5 гектаров конфискуются.

б) Конфискуется целиком вся земля свыше 10 га, а у помещика, имеющего землю до 10 га, конфискуются лишь излишки свыше 5 га.

4. а) Вся земля, принадлежащая землевладельцу, который своего сельского хозяйства не ведет и всю землю сдает в аренду, конфискуется.

б) В аналогичном случае конфискуется земля свыше 2 га¹¹.

Из анализа этих двух проектов видно, что вариант Народного комиссариата иностранных дел СССР носил более умеренный характер. Основная разница между двумя проектами состояла в предложениях о "национализации и частной собственности на землю". Вероятно, проект Мерецкова и Штыкова лучше выражал предложения и взгляды северокорейского руководства. Ведь, как известно, Т.Ф.Штыков был ответственным за проведение советской политики в Северной Корее и теснее других связан с ней. Без учета предложений корейцев по поводу этого важного вопроса, думается, он не смог бы разработать свой проект земельной реформы¹². Корейские коммунисты еще до реформы высказывали подобные пожелания. Так, в аграрной программе ЦК Компартии Кореи в Сеуле¹³, оглашенной 3 октября 1945 г., предусматривалось, что "земельная проблема полностью будет решена, когда вся земля национализируется через буржуазно-демократическую революцию"¹⁴. И Временный народный комитет Северной Кореи в число первоочередных задач 9 февраля 1946 г. включил "национализацию земель и лесных угодий крупных корейских помещиков, прояпонских элементов и предателей народа". Закон о земельной реформе, принятый Временным народным комитетом 5 марта 1946 г., кроме первого пункта, почти полностью совпадал с содержанием проекта Мерецкова-Штыкова. Только пункт о национализации земель был исключен¹⁵.

По постановлению ЦК ВКП(б), Мерецков и Штыков были обязаны тщательно суммировать и учесть все поправки к проекту закона, которые будут внесены Временным народным комитетом Северной Кореи и крестьянским съездом¹⁶.

С 24 по 26 февраля 1946 г. в Пхеньяне работали секции крестьянского съезда, обсуждавшие вопросы проведения земельной реформы. Абсолютное большинство делегатов высказалось за конфискацию земель у прояпонских элементов односторонне с конфискацией всех японских земель. Они также единодушно поддержали национализацию земель корейских помещиков. При обсуждении были высказаны различные предложения. Так, делегат провинции Южная Хамгён Ю Ён Джун сказал, что нужно отобрать землю у помещиков, но оставить им ее столько, сколько они смогут сами обработать. Другой делегат, из г.Синийджу, говорил о необходимости отменить сдачу земли в аренду, и всю землю свыше пяти чонбо (чонбо - около 1 га), независимо от того, кто ею владеет, предлагал конфисковать и передать безземельным.

Также было высказано мнение, что помещики ничего не предпримут в ответ, так как боятся крестьян и многие уже сбежали на юг¹⁷.

28 февраля - 3 марта 1946 г. состоялся второй съезд крестьянских комитетов Северной Кореи. На заключительном заседании все выступавшие одобрили основные положения предстоящей земельной реформы - конфискацию земель, принадлежащих японцам, прояпонским элементам, корейским помещикам, церкви и т.д. Делегатами была избрана комиссия в составе 13 человек во главе с председателем крестьянского комитета Северной Кореи Кан Джин Геном для участия в составлении закона о земельной реформе совместно с Временным народным комитетом.

5 марта на заседании пленума Временного народного комитета, принявшем закон о земельной реформе, его члены Ли Мун Хван, Ли Бон Су и Хон Ги Хван выступили против представленного проекта. Ли Му Хван, беспартийный, начальник департамента промышленности Временного народного комитета утверждал, что проект Закона имеет слишком большое сходство с соответствующим законом в Советской России. Несмотря на критические высказывания, направленные против него, он настаивал на том, что земля у помещиков должна быть конфискована путем выкупа ее государством. Ли Бон Су, также беспартийный, заместитель начальника департамента финансов, предложил уточнить количество крупных и мелких помещиков, выступая за то, чтобы у крупных помещиков землю конфисковать, а у средних и мелких - выкупить. Хон Ги Хван, член Демократической партии, заместитель председателя Народного комитета провинции Южная Пхёнан, говорил: "2/3 городского населения провинции Южная Пхёнан имеют землю, которая служит для них средством существования. В связи с этим земельным законом необходимо продумать вопрос о создании условий для их существования". По мнению этих ораторов, закон о земельной реформе носил слишком радикальный характер, поэтому его содержание должно быть исправлено и сделано более умеренным. Однако после выступлений Ким Ир Сена и ряда членов Комитета, разъяснивших, что земельная реформа направлена только на ликвидацию феодальной системы и не затрагивает капиталистических порядков, ее проект был принят единогласно¹⁸.

Основными задачами земельной реформы в законе были определены: уничтожение японского землевладения и землевладения корейских помещиков, ликвидация арендной системы. В первой статье закона говорилось: "Система землепользования в Северной Корее имеет своей основой независимые от помещиков крестьянские хозяйства, являющиеся частной собственностью их владельцев"¹⁹.

Тут возникает один вопрос: почему "национализация земель" трансформировалась в законе в "частную собственность"? Вероятно, потому, что северокорейское руководство не могло не учитывать желание крестьян иметь собственную землю, стремилось привлечь на свою сторону абсолютное большинство крестьян. Этому также способствовало то, что подобные реформы в странах Восточной Европы, происходившие при поддержке советской армии, предусматривали частную собственность на землю²⁰. В общем, национализация земель не достаточно удовлетворила бы чаяния крестьян, имевших вполне понятную тягу к земле.

В законе определены следующие категории конфискуемых земель: а) земли, принадлежавшие японскому государству, японским юридическим и физическим лицам; б) земли, принадлежавшие предателям корейского народа, активно сотрудничавшим с японскими колонизаторами, а также тем, кто при освобождении Кореи, бежал на юг; в) земли, принадлежавшие корейским

помещикам, церкви, монастырям и другим религиозным организациям, владеющим более 5 чонбо земли на хозяйство; г) земли, независимо от их размеров, систематически сдаваемые в аренду. Все конфискованные земли безвозмездно передавались крестьянам в вечную собственность. Земли, передаваемые крестьянам на основании закона, освобождались от всякой обременявшей их задолженности. Аннулировалась также всякая задолженность батраков и крестьян по их займам у помещиков, земли которых конфисковались. Земли, собственниками которых явились лица и их семьи, имевшие заслуги в борьбе против японских империалистов, за свободу и независимость Кореи или особые заслуги в деле развития национальной культуры, были освобождены от конфискации по особому решению Временного народного комитета Северной Кореи.

По закону помещикам, желавшим обрабатывать землю своим трудом, предоставлялось право получить землю наравне с крестьянами, но лишь в других уездах. Надо отметить, что фруктовые сады и фруктовые насаждения, принадлежавшие японскому государству, японским юридическим и физическим лицам и корейским помещикам, владеющим более чем 5 чонбо земли, конфисковались и переходили в распоряжение народных комитетов, а все леса, за исключением мелких участков, и ирригационные сооружения поступали в распоряжение Временного народного комитета Северной Кореи.

Порядок конфискации и распределения земли определялся следующим образом: конфискованные земли поступали в распоряжение народных комитетов для наделения ими батраков, безземельных и малоземельных крестьян²¹. Одновременно продажа, сдача в аренду и под залог земель, передаваемых крестьянам, категорически запрещались законом²². Это было продиктовано необходимостью задержать развитие капиталистических отношений в деревне, предотвратить новое обезземеливание крестьянства. Но запрещение права на продажу вместе с тем означало определенное ограничение свободы и прав крестьян.

С целью практического осуществления земельной реформы во всех провинциях Северной Кореи при народных комитетах были созданы специальные комиссии, а в деревнях - крестьянские комитеты, состоявшие из батраков, безземельных и малоземельных крестьян (5-9 человек в зависимости от размера села). Указанные категории составляли около 97% всей численности крестьянских комитетов. Эти комитеты и комиссии производили учет помещичьей земли, надворных построек, тягловой силы и т.д., которые, согласно закону, также подлежали конфискации и передаче крестьянам или в распоряжение народных комитетов. Для проведения земельной реформы было мобилизовано много работников коммунистической партии, других демократических партий и организаций. Так, в каждое село провинции Южная Пхенан было послано от 5 до 10 агитаторов. Провинциальный комитет компартии командировал для работы в уездах этой провинции свыше 1500 человек²³.

С 7 марта по 1 апреля 1946 г. была проведена земельная реформа. В Северной Корее насчитывалось тогда 2100 тыс. чонбо пахотной земли. Почти миллиону крестьянских хозяйств принадлежало лишь около 50% всей пахотной земли в Северной Корее. Всего по закону о земельной реформе было конфисковано 1000325 чонбо, в том числе:

а) бывших японских земель - 112623 чонбо, или 11,3%;

б) земель изменников корейского народа - 13272 чонбо, или 1,3%;

в) земель корейских помещиков, имевших свыше 5 чонбо на хозяйство, - 237746 чонбо, или 23,8%;

г) земель, принадлежавших землевладельцам, сдавшим всю землю в аренду - 263436 чонбо, или 26,3%;

д) участков, систематически сдававшихся землевладельцами в аренду - 358053 чонбо, или 35,8%;

е) монастырских и церковных земель - 15195 чонбо, или 1,5%.

Из конфискованных 1000325 чонбо были распределены 981430 чонбо в том числе:

а) батракам - 22387 чонбо, или 2,2%;

б) безземельным арендаторам - 603407 чонбо, или 61,4%;

в) малоземельным крестьянам - 345974 чонбо, или 35,2%;

г) помещикам, пожелавшим получить землю на общих основаниях, - 9662 чонбо, или 0,9%²⁴⁷

В результате земельной реформы было наделено землей 720611 хозяйств батраков, безземельных и малоземельных крестьян. Таким образом, из примерно 1 миллиона хозяйств на Севере более 70% хозяйств получили выгоду от реформы. Следовательно, была выполнена важнейшая задача земельной реформы: землю получили те, кто ее обрабатывает. Следует заметить, что часть земли - 18935 чонбо, или 1,9% - поступила непосредственно в распоряжение народных комитетов. Несмотря на незначительную их площадь, они послужили фундаментом для создания в дальнейшем госхозов.

Как было указано на 6 пленуме Оргбюро ЦК компартии 10 апреля 1946 г., земельная реформа уничтожила феодальные отношения в деревне и привела к общему решению аграрного вопроса. Она заложила также фундамент для развития всей экономики Северной Кореи²⁵. Так, если до земельной реформы бедный крестьянин имел в среднем 0,2 чонбо земли, после реформы он становился владельцем более 2 чонбо²⁶. Однако в первый год реформы урожай зерновых уменьшился по сравнению с 1944 годом с 2417 тыс. т. до 1898 тыс. т. в 1946 г. Это связано с вполне понятными техническим и другими объективными трудностями, а также со смятением, вызванным у крестьян в результате поспешного преобразования. Но уже с 1948 г. размеры урожая начали превышать уровень 1944 г.²⁷

27 июня 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи постановил ввести единый натуральный сельскохозяйственный налог, изчисляемый с каждого крестьянского двора в размере 25% урожая каждой культуры. Новая налоговая система ставила своей целью обеспечить снабжение продовольствием рабочих и служащих Северной Кореи, а также создание необходимых продовольственных резервов²⁸. Тем самым упразднились все другие, ранее многочисленные поборы, крестьянам предоставлялось право использовать оставшееся после уплаты налога зерно для свободной продажи. К 15 декабря 1946 г. был выполнен на 100,4% план натуральных поставок²⁹.

Для Временного народного комитета и Компартии результаты земельной реформы были весьма позитивными с точки зрения обеспечения им поддержки большинства населения. Во время ее проведения атмосфера в Северной Корее отличалась подъемом политической активности ее населения. По всему Северу прокатилась волна митингов и демонстраций, в которых участвовали сотни тысяч человек, приветствовавших реформу.

Что касается Советского Союза, то с проведением реформы Советская Армия в определенной мере получила возможность преодолеть некоторое недоверие к ней со стороны части населения, проявлявшееся в первое время после освобождения Кореи.

На 6 пленуме северокорейского Оргбюро ЦК Компартии, состоявшемся 10 апреля 1946 г., обсуждались итоги земельной реформы. Подчеркивая, что

“в стране идет жестокая борьба между силами демократии и антидемократии”, Ким Ир Сен указал причины успешного ее проведения: “1. Закон о земельной реформе отвечает вековым чаяниям корейского крестьянства. ...3. Создание единого демократического фронта в Северной Корее при авангардной роли компартии. 4. Земельная реформа проводилась при непосредственной помощи рабочего класса...”³⁰. Он также отметил недостатки и ошибки, допущенные в ходе проведения реформы: “правый и левый уклоны” у некоторых партийных организаций, когда объявляли помещиками тех, кто имел менее 5 чонбо земли, или допускали необдуманные действия при определении прояпонских элементов, недостаточная работа по росту партии и созданию первичных партийных организаций в деревнях, случаи отстранения представителей Демократической партии от участия в проведении реформы и т.д.³¹

Вообще, земельная реформа на Севере, хотя и была необходима, проводилась, на наш взгляд, слишком радикально. В постановлении по земельному вопросу, принятом северокорейским Оргбюро ЦК Компартии за несколько месяцев до реформы (16 октября 1945 г.), предусматривалась лишь конфискация земель, принадлежавших ранее японским империалистам и прояпонски настроенным корейским реакционным помещикам³². Но затем эта позиция быстро ужесточилась и конфискация земель распространилась и на всех корейских помещиков, владевших более 5 чонбо земли на хозяйство. Для помещиков это было равносильно лишению их самой жизни. К тому же всего около 4000 бывших помещичьих хозяйств получили земельные участки на равных с крестьянами условиях. Таким образом, земельная реформа вызывала недовольство и протесты со стороны некоторых слоев населения, в первую очередь, естественно, помещиков. В этот период они распространяли слухи о том, что закон о земельной реформе носит временный характер, а также листовки, полные обвинений в адрес Компартии и Красной Армии и т.д. Колебания “имущих” происходили в больших масштабах³³.

Некоторые председатели и члены народных комитетов из числа помещиков отказались от работы и уехали в свои хозяйства³⁴. В отдельных городах протест учащейся молодежи, среди которой большинство являлось детьми помещиков и “богатых”, носил более активный характер. Так, в Пхеньяне большинство учащихся 14 средних школ и студенты промышленного института объявили забастовку и длительное время не выходили на занятия. Их выступления против закона о земельной реформе сопровождалось резкими высказываниями против Временного народного комитета и решения Московского совещания об опеки над Кореей. В Хамхыне студенты медицинского техникума, сельхозтехникума и ученики 6 средних школ, в общей сложности 2640 человек, организовали демонстрацию с требованиями о предоставлении Корее полной самостоятельности и устранении продовольственных трудностей. Подобные выступления учащихся произошли также в Хэджу, Чхонджине, Синыйджу, но вскоре были подавлены местными органами безопасности при поддержке Советской Армии³⁵.

Оппозиционные силы использовали и террористические методы. Так, 1 марта 1946 г., во время митинга в Пхеньяне в годовщину Первомартовского восстания 1919 г., террористами была брошена ручная граната на трибуну, где находились северокорейские лидеры во главе с Ким Ир Сенем и представители советского командования. Всех их спас советский офицер Я.Новиченко, принявший гранату на себя и получивший тяжелые травмы. 8 марта в квартире нового лидера Демократической партии Кореи Чхве Ён Гона были брошены три гранаты. 14 марта произошло событие, имевшее тогда большой резонанс: террористический акт был совершен на квартире родственника Ким

Ир Сена, секретаря Временного народного комитета Кан Ян Ука. Погибли его сын и дочь и один священник. Считается, что эти акты совершали главным образом террористические группы, засланные из Южной Кореи.

Демократическая партия Кореи из-за того, что ее руководство было смещено, принимала пассивное участие в проведении земельной реформы. Часть ее членов из числа помещиков выступала против реформы и в знак протеста вышла из партии. Многие бежали на юг, основали там свою Демократическую партию, примкнувшую к крайне правым силам.

Выступления помещиков и других представителей имущих слоев против земельной реформы проходили в разных формах, но в целом были разрозненными, не организованными. Это объясняется политической слабостью буржуазии и помещиков Кореи, их опасением иметь дело с Советской армией. Абсолютное большинство населения Северной Кореи приветствовало земельную реформу Временного народного комитета, хотя ее отдельные положения были слишком радикальны в отношении "имущих" слоев. Последние вынуждены были либо уйти в подполье, бежать в Южную Корею, либо смириться со сложившейся ситуацией. Именно они составили потом основную часть тех, кто сотрудничал с американцами и лисымановскими властями при временной оккупации Северной Кореи во время войны 1950-1953 гг.

Нельзя сказать, что земельная реформа в Северной Кореи 1946 г. имела социалистический характер. Она разрешила одну из насущных общедемократических задач, что видно из ее содержания. Но, конечно, ее проведение положило начало переходу Северной Кореи на путь социалистических преобразований.

Осуществление земельной реформы в Северной Кореи оказало огромное влияние на дальнейшее развитие политической и экономической ситуации в стране. Во-первых, Временный народный комитет, только что возникший, и Компартия благодаря ей укрепили свои позиции и повысили авторитет среди народных масс. Например, только за время проведения реформы в партию вступило 9038 человек, в том числе 3950 крестьян-бедняков⁸⁶. Во-вторых, потеря материальной базы помещиками вследствие земельной реформы дала возможность Временному народному комитету беспрепятственно идти вперед по пути других демократических преобразований и укрепить "демократическую базу" Северной Кореи. Этому способствовала, в частности, упоминавшаяся выше отставка большинства помещиков в народных комитетах в ходе реформы. В-третьих, значительная часть помещиков и других имущих слоев, питавших недовольство мерами Временного народного Комитета, сбежали на юг⁸⁷ и стали там сильной опорой антикоммунистической борьбы против Северной Кореи. Это крайне негативно повлияло на возможности формирования единого национального правительства демократическими силами Севера и Юга. В-четвертых, вести о проведении на Севере земельной реформы вызвали требования такой же реформы со стороны крестьян и других прогрессивных сил Юга, одновременно с тем, что правые силы Южной Кореи еще более стали обвинять северокаорейских коммунистов и Советский Союз в строительстве на Севере "коммунистического общества".

В конце концов проведение земельной реформы в Северной Кореи привело к тому, что, с одной стороны, корейский народ заложил там основы своего социального прогресса, преодолев последствия колониального господства Японии в течение 35 лет и ликвидировав феодальные отношения в деревне. Но, с другой стороны, из-за ее радикальности представители различных слоев, которые в принципе могли бы поддерживать демократические реформы Временного народного комитета, ушли из лагеря прогрессивных сил.

1. Сравнение земельной реформы в Северной и Южной Корее. См.: Kang Jung Gu, *Rethinking South Korean Land Reform: Focusing on U.S. Occupation as a Struggle Against History*, Wisconsin Medison, 1987; перевод на кор. яз. Сеул, 1989).
2. Ким Джу Хван. Народно-демократическая и социалистическая революции после освобождения в Северной Корее, - "Понимание истории в период освобождения", т. 5 Сеул, 1989.
3. Сборник по историческому исследованию Северной Кореи. Т. 7, 1989, Сеул. - С. 385.
4. Путь рождения Корейской народной республики и деятельность Центрального народного комитета, Сеул, 1945. - С. 23.
5. Ким Ир Сен, Сочинения. Т. 1. Пхеньян, 1980. - С. 365; а также За правильную линию, Сеул, 1945. - С. 32.
6. Демократическая партия во главе с Чо Ман Сиком, известным корейским националистом, была создана на Севере 3 ноября 1945 г. Эта партия до конца 1945 г. сохраняла самостоятельную политическую линию и программу, защищавшую интересы, главным образом мелкой и средней буржуазии, духовенства, интеллигенции. В мае 1946 г. она насчитывала свыше 141 тыс. членов.
7. Московское совещание министров иностранных дел трех держав (СССР, США, Великобритания), состоявшееся в декабре 1945 г., предусмотрело создание Временного демократического правительства Кореи и осуществление опеки четырех держав (те же и Китай) над Кореей сроком до 5 лет. Это решение встретило резкое сопротивление правых сил Кореи. В Северной Корее руководство Демократической партии также активно выступило против него, что привело к устранению лидера этой партии Чо Ман сика и группы его сторонников.
8. Сборник документов о Компартии Кореи (1945-1946), Сеул, 1993. - С. 75.
9. Ким Ир Сен, Сочинения. - Т. 2, Пхеньян, 1980. - С. 118.
10. К.А.Мерецков являлся командующим Приморского военного округа, а Т.Ф.Штыков был членом Военного совета. Последний играл ключевую роль в разработке и осуществлении советской политики в отношении Кореи после ее освобождения.
11. Архив внешней политики России (АВПР), ф. 18, оп. 8, п. 6, д. 81. лл. 1-2.
12. Например, при составлении списка возможных кандидатов в министры Временного корейского правительства он учел предложения тогдашнего руководителя южнокорейских коммунистов Пак Хен Ена и Ким Ир Сена. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 128, д. 998, л. 4.
13. 11 сентября 1945 г. в Сеуле была воссоздана Коммунистическая партия Кореи по инициативе Пак Хен Ена. На первых порах после освобождения партия увеличивала свои силы и пользовалась авторитетом по всей стране. Созданное 13 октября 1945 г. Оргбюро ЦК Компартии в Северной Корее подчинялось Центральному комитету Компартии Кореи во главе с Пак Хен Еном. Но вскоре в результате осложнения ситуации в связи с репрессиями американского военного командования против левых сил и т.д., "центр" деятельности Компартии переместился в Северную Корею.
14. Chong Sik, Lee. *Materials on korean communism 1945-1947*, Honolulu, 1977, pp. 29-30.
15. Конституция и основные законодательные акты КНДР, М., 1952. - С. 127-130.
16. АВПР, ф. 018, оп. 8, п. 6, д. 81, л. 3.
17. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО), ф. 142, оп. 551975, д. 5, лл. 17-20.
18. АВПР, ф. 018, оп. 8, п. 6, д. 81, лл. 4-6.
19. Конституция и основные законодательные акты КНДР. - С. 127.
20. Земельные реформы в странах Восточной Европы после второй мировой войны прошли разными путями, но везде частная собственность на землю составила ее основное содержание. См.: Сигеда Масаеси. Развитие народного демократизма в странах Восточной Европы. Токио, 1975, На кор. яз. Сеул, 1990.
21. Конституция и основные законодательные акты КНДР. - С. 127-130.
22. Там же. - С. 128.
23. Главное политическое управление Вооруженных Сил СССР, Информационный бюллетень, № 3(309), 1946. - С. 72.
24. Статистический сборник по развитию народной экономики КНДР (1946-1960). Пхеньян, 1961. - С. 59-60.
25. РЦХИДНИ, ф. 17, оп., 128, д. 205, л. 8.

26. Корейский центральный ежегодник, Пхеньян, 1949. - С. 2.
27. Статистический сборник по развитию народной экономики и культуры КНДР (1946-1957), Пхеньян, 1958. - С. 90.
28. Конституция и основные законодательные акты КНДР. - С. 131.
29. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 392, л. 3.
30. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 205, л. 7-8; а также, Ким Ир Сен. Сочинения Т. 2, Пхеньян, 1980. - С. 153-156.
31. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 205, л. 8; а также, Ким Ир Сен. Там же. - С. 156-160.
32. Ким Ир Сен. Сочинения Т. 1, Пхеньян, 1980. - С. 364.
33. Проведение земельной реформы на Севере крайне отрицательно повлияло на правые силы Южной Кореи. Они заняли более жесткие позиции против Севера.
34. АВПР, ф. 0480, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 12.
35. АВПР, ф. 0480, оп. 2, п. 1, д. 1, лл. 13-14.
36. Главное политическое управление вооруженных сил СССР, Информационный бюллетень, № 3(309), 1946, л. 72.
37. По советским данным, численность нарушителей демаркационной линии по 38 параллели, перебежчиков на Юг в 1946 г., была гораздо больше, чем в 1947-1948 гг. Так, если в 1947 и 1948 гг. общее число беженцев составляло 30471 и 9723 соответственно, то в 1946 г. - 44175 человек. АВПР, ф. 0480, оп. 4, п. 14, д. 46, л. 343.

Русские в Китае

Старый Китай на полотнах русских художников (1920 - 40-е годы)

© 1996

Е.Таскина

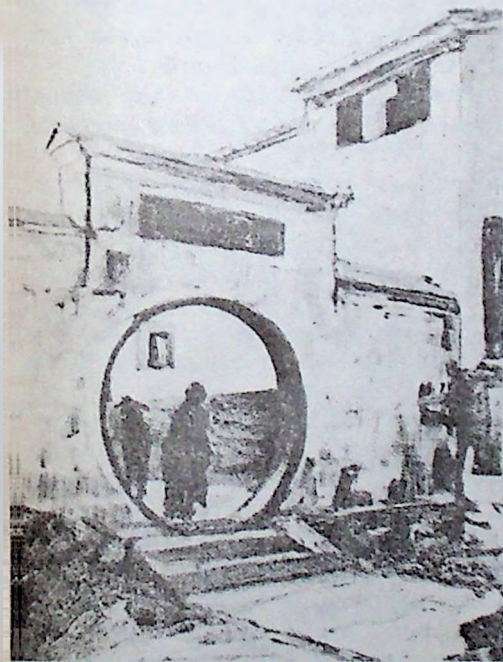
В творчестве художника ищут, как правило, индивидуальное понимание реального мира, гармонию художественной формы, настроение и т.д. Но есть еще один аспект в живописи, немаловажный в наш динамичный XX век, так изменивший и лики людей, и окружающий их мир. Это возможность сохранения в истории ушедшего, будь то жанровая сцена, портрет или пейзаж, запечатлевший еще не измененную человеком природу. К примеру, "Русь уходящая" П.Корина - не только блистательная галерея портретов, но и один из памятников ушедшей эпохи.

С этой точки зрения интересно взглянуть на творческое наследие русских художников, живших в Китае в первой половине нынешнего столетия и запечатлевших на своих полотнах старый, неповторимый Китай.

С волной беженцев из России 20-х годов в Харбин, а затем и в Шанхай, попала целая плеяда художников, получивших прекрасное образование в Петербургской Академии художеств, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и других известных школах живописи. В Зарубежье они продолжали заниматься

искусством, отражая в своих полотнах яркий, самобытный Китай, работали декораторами, иллюстраторами книг и журналов, некоторые специализировались по художественному оформлению зданий. Наиболее известные из художников имели свои студии, обучая живописи молодежь. Так, в Харбине были известны сту-

"Вход в Монастырь" (О-в Путу)
Худ. В.А.Засыпкин.

дии А.Е.Степанова, А.Н.Клементьева (Клема), Л.К.Гринберга; в Шанхае - М.А.Кичигина¹, В.А.Засыпкина и других.

Отметим, что по свидетельству современников, у них учились не только русские, но и китайцы, а в Шанхае и иностранцы. Многие не чурались преподавать также рисование в школах, как например, художник и архитектор проф. П.И.Федоровский, окончивший Петербургскую художественную академию, А.К.Холодилов, выпускник Екатеринбургского художественного училища и другие.

В Харбине, крупном культурном центре дальневосточного Русского Зарубежья, в Доме милосердия, в здании учебных заведений ХСМЛ, в Краеведческом харбинском музее, в некоторых больших универсальных магазинах, в том числе японских, регулярно проводились выставки картин.

Интересно отметить, что Общество изучения маньчжурского края (ОИМК)² устраивало в здании музея выставки картин, запечатлевших именно природу Маньчжурии, интересные с этнографической точки зрения сюжеты, типы населения. В 40-х годах такие выставки проводились и в Клубе естествознания и географии ХСМЛ.

Местная пресса охотно публиковала статьи об этих событиях. Так, в харбинских газетах и журналах 30-х годов находим отчеты о выставках художников А.Е.Степанова, В.Е.Панова и М.М.Лобанова, Е.А.Уласовца и других. Из художественных выставок 40-х годов отметим совместную выставку художника Р.Ананьина и нескольких японских художников импрессионистского направления; выставку пяти художников (60 полотен)³; выставку полотен учеников студии А.Клема, на которой было представлено около ста полотен⁴.

Наверное, нет ни одного из всех участников вышеупомянутых выставок, кто не отображал бы пейзажи и быт Маньчжурии, типажи как горожан, так и сельских жителей этого края.

В Шанхае выставки периодически устраивались международным Арт-клубом, членами которого были художники многих национальностей, в том числе, и русские⁵. Отчеты о шанхайских художественных выставках также дают представление о характере творчества русских живописцев и практически у всех мы находим тему Востока.

Так, например, в отчете о шанхайской выставке "Семи художников" в 1930 году в Арт-Клубе⁶ отмечен этюд В.Засыпкина "Вечер на Сунгари". Автор статьи пишет об уравновешенном и наблюдательном взгляде художника на окружающий его мир. Творчество В.С.Подгурского, тоже представленное китайскими пейзажами, характеризуется как бледное по колориту. Противоположностью, по оценке автора, являются яркие работы М.Кичигина, запечатлевшие городские ворота в Цинанфу и лестницы, спускающиеся к воде, а также весну в Ханчжоу с цветущими деревьями. "Солнце в тяжких массивах китайского зодчества надолго остается в зрительной памяти", - заключает рецензент.

Репродукции работ М.Кичигина, В.Засыпкина, М.Лобанова, В.Подгурского и других можно найти на страницах шанхайских журналов "Понедельник", "Современная женщина", альманаха "Врата". Для того времени, с учетом малых тиражей русских журналов, технически они выполнены на весьма хорошем уровне.

Однако есть ли каталоги или хотя бы описания картин? Где сами полотна? На эти вопросы в отношении многих художников "русского Харбина" и "русского Шанхая" ответить пока в полной мере трудно, так как и художники, и их картины, развеялись по разным странам мира. Многие работы, в силу вполне понятных материальных обстоятельств, распроданы художниками или членами их семей и находятся сейчас в частных коллекциях.

М.А.Кичигин, "Старый каллиграф". 1939 г.

Вероятно, наиболее полная коллекция картин (около 200 работ) на китайские темы, попавшая в картинные галереи России, принадлежит кисти М.А.Кичигина и В.Е.Кузнецовой-Кичигиной. Работы этих художников, живших и в Харбине, и в Шанхае, ярко запечатлели Китай 30-40-х годов. На их

полотнах дворцовые ансамбли Пекина, джонки и сампаны на каналах Кантона, изысканные пейзажи Ханчжоу, разнообразные жанровые портреты китайцев.

Эти картины были привезены художниками на родину после окончания второй мировой войны и выставлялись несколько раз в ряде городов, в том числе и в Москве. Последняя выставка состоялась в Ярославле в 1989 году, причем к этому событию Ярославским художественным музеем был издан ценный каталог работ обоих художников.

Михаил Александрович Кичигин родом с Урала, происходил из крестьянской среды. Учился он в Строгановском училище в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В числе его картин есть работы, посвященные родному Уралу и крестьянскому быту в России. Оказавшись в Китае, он писал картины, отражающие мир Востока. Фактически, все его яркие, пронизанные солнечным светом полотна изображают быт и природу Китая, где он прожил 27 лет.

В творчестве его ученицы и жены Веры Емельяновны Кузнецовой-Кичигиной, родившейся в Харбине и начинавшей свою творческую деятельность в харбинской студии "Лотос", также преобладает тема Востока. Ее работы на первой же выставке в Шанхае получили хорошую оценку. Критики отметили несомненное чувство колорита у молодой художницы. "Ее солнце светит, ее воздух прозрачен", отметил шанхайский журнал "Понедельник".

Полотна этих художников можно найти в Третьяковской галлерее, в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С.Пушкина, в Ярославском художественном музее и других российских хранилищах произведений живописи.

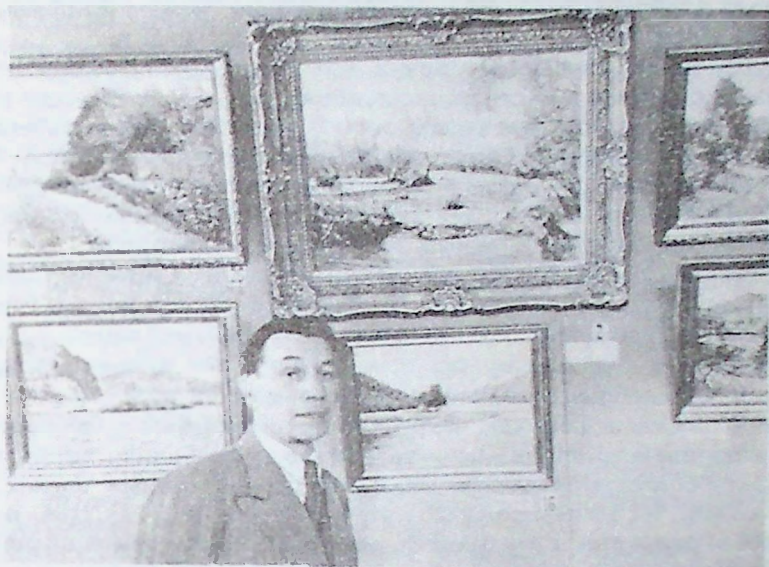
Внимание привлекают удивительные портреты рикш и бродяг старого Китая, бродячие артисты, зеленщики, монахи... Незабываемо ярко изображена ушедшая эпоха этой страны.

Китай отражен на полотнах известных русских художников, проживших долгое время в Харбине - А.Е.Степанова и М.М.Лобанова. Оба художника работали в традициях русской реалистической школы. Они писали и пейзажи, и портреты.

Широкая харбинская общественность знала Александра Евгеньевича Степанова, бывшего летчика, выпускника Московской школы живописи, ваяния и зодчества не только, как художника-пейзажиста, но и как прекрасного театрального художника-декоратора. Многие оформленные им спектакли, шедшие на харбинских сценах, пленяли зрителей своими декорациями не меньше, чем режиссура спектакля и игра актеров. Свои полотна А.Е.Степанов неоднократно выставлял и совместно с другими художниками, и самостоятельно. Например, на художественных выставках 1942 г., 1944 г. им было представлено 35 полотен, написанных, главным образом, в живописных окрестностях Барима (Западная Маньчжурия).

На картинах А.Степанова-пейзажиста - песчаные отмели Сунгари, сельские картины на просторах Маньчжурии. Известны и популярны были его работы: "Водяные кувшинки на Сунгари", "Хмурое утро", "Крестовский остров" и др. В последние годы своей жизни, в Новосибирске, он продолжал писать пейзажи Маньчжурии по старым эскизам⁴.

Запечатлен Харбин, его окрестности и китайские храмы на полотнах М.М.Лобанова. Художник прожил в Китае почти четверть века (с 1931 г. по 1954 г.), написав за это время сотни картин и этюдов. Обратимся к одному подробному и солидному описанию его работ⁵. Автор статьи В.Н.Жернаков, хорошо знавший художника и его произведения, отмечает, что многогранный талант М.Лобанова наиболее ярко проявил себя в области пейзажной живописи.

Степанов Александр Евгеньевич, Выставка в Харбине. 40-е годы.

В Харбине его главным образом привлекала архитектура русских и китайских храмов. Он создал ряд прекрасных картин, изображавших буддийский храм Цзи лэсы и храм Конфуция в Харбине (картины "Цзи лэсы", "В ограде храма Цзи лэсы", "Жертвенник", "Весенний праздник у храма Цзи лэсы", "Дворец Великого Совершенства", "Одно из зданий храма Конфуция", "Мост и арка во дворе храма Конфуция", "Даосский храм").

Из картин, написанных в окрестностях Харбина интересны: "Байрачный лес в Сыфантае", "Уборка пшеницы комбайном в Вангане", "Пахарь". Река Сунгари, которую рисовали, наверное, все без исключения художники Харбина, представлена на полотнах М.Лобанова в разное время года, но, с нашей точки зрения, особую этнографическую ценность представляют картины с изображением уникального зимнего сунгарийского транспорта на льду реки Сунгари - "Толкай-толкай", саней с русскими названиями "Тамара", "Зорька", "Вера" и др. Неведомо кем изобретенный, этот единственный в своем роде экипаж передвигался по льду с большой скоростью. "Толкай-толкай" управлялся водителем с помощью длинного шеста, а пассажиры комфортабельно располагались на сиденьях, укрытых мехом или просто ватным одеялом. Нельзя не согласиться с автором статьи о картинах М.М.Лобанова⁹, что "Толкай-толкай" является самой примечательной картиной художника: она изображает реку Сунгари у Харбина, против Китайской улицы. Владельцы саней одеты в меховые полушубки, шапки и валенки. "Голубовато-розовое холодное небо, - описывает автор эту картину. - Длинные синевато-фиолетовые тени на льду говорят о скором приближении заката солнца. Около десяти

“Толкай-толкай” стоят на льду в ожидании пассажиров, две русские женщины только что сошли с саней и направляются в город...”

Замечательны а жанровые портреты М.Лобанова. Об одном из них можно судить по репродукции, помещенной в № 2 альманаха “Врата” (Шанхай, 1935). Из печатных изданий, отметим ставший уже библиографической редкостью альбом автолитографии М.Лобанова “Виды Харбина”, изданный в Харбине в 1939 году.

По имеющимся сведениям, почти все картины М.Лобанова попали в США и сейчас находятся в частных коллекциях.

Другая судьба у картин художника Сергея Сергеевича Шешминцева, уехавшего из Китая на Запад. Около ста полотен умершего в США в 1978 году художника вернулись на родину. По завещанию покойного они были переданы в дар Курганскому областному художественному музею. Почему именно туда? Там жили родственники, там могила матери художника.

По свидетельству жены С.Шешминцева, он родился и вырос в Забайкалье. В Зарубежье всю жизнь очень тосковал по этим местам. Когда жил в Харбине, ему “снились березки да багульник... В свободные дни”¹⁰ брал этюдник и ехал за реку Сунгари. Там были милые сердцу сюжеты: бревенчатые заборы, мостики, даже березки иногда...”, вспоминает его жена Л.Шешминцева¹¹.

Уехав в 1941 г. в Шанхай, Сергей Сергеевич много и трудно работал, оформляя магазинные витрины, но и там все свое свободное время посвящал живописи. Судьба художника сложилась непросто: помимо Китая (Харбин, Шанхай, Дальний), он 10 лет прожил в Парагвае, 14 лет - в США, но подданства ни одной страны так и не принял, все мечтал вернуться на родину, однако это ему не удалось. Вернулись лишь его картины, многие из которых - виды Харбина и его окрестностей, так напоминавших ему родные места.

В 1992 году Курганским художественным музеем была организована выставка работ С.С.Шешминцева, издан каталог. Из работ по разделу живописи в период 20-40-х годов находим харбинские сюжеты: “Шаланды у берега”, “Мостик в Затоне”, “Наводнение в Харбине”, “Весна в городском саду”, “Одинокая шаланда”. В Шанхае были написаны картины: “Китайский храм”, “Башня Лунг-хуа”, “Китайский цветочник” и другие.

Хорошо, что есть описание современных выставок таких работ русских художников. К сожалению, каталоги старых зарубежных выставок найти очень сложно, это большая библиографическая редкость. А как много порой может поведать самый скромный каталог в несколько страниц! Вот в одном из них находим имена 19 участников харбинской “Передвижной художественной выставки” 20-х годов (точную дату ее пока установить не удалось). Среди них Н.А.Вьюнов, М.А.Кичигин, Я.Л.Лихонос, А.К.Холодилов, Альберт Бенуа¹². Кроме картин, запечатлевших российские пейзажи, находим и китайские сюжеты Н.А.Вьюнова (“Дорожные этюды. Харбин-Чаньчунь”), А.К.Холодилова (“На Сунгари в Харбине”, “Окрестности Харбина”) и других.

Листая страницы каталогов, читая старые рецензии из изданий, уцелевших за годы скитаний россиян по разным странам и, конечно же, рассматривая репродукции замечательных рисунков и картин с изображением быта старого Китая, которого уже нет в наши дни, с благодарностью вспоминаешь одаренных людей, оставивших это наследие.

...Право, несмотря на появление могучей и неотразимой Музы нового времени - Музы фото- и кинематографии, живопись не утратила своей роли как средства сохранения в памяти людей уходящего мира.

1. М.А.Кичигин сначала преподавал живопись в студии "Лотос", существовавшей в Харбине в начале 20-х годов.
2. Общество изучения маньчжурского края было основано в 1922 году, в связи с подготовкой к выставке по случаю 25-летия существования КВЖД в 1923 году. К этому же времени было приурочено открытие Музея, который по мысли его создателей должен был быть не только местом хранения экспонатов, но и учреждением научно-исследовательского плана для всестороннего изучения Северной Маньчжурии. В ОИМК волилось существовавшее с 1908 года Общество русских ориенталистов (ОРО).
3. В этой выставке принимали участие: И.Бринер, А.Клем, С.Кочкина-Лоскутова, Л.Воденикова, Р.Цирульская.
4. На выставке 1944 года выставляли свои картины А.П.Абашкин-Вейтемейер, И.А.Булычева, М.К.Раутман, В.В.Соловьев, В.С.Сухих, Н.П.Токмаков.
5. По данным книги-альбома "Русские в Шанхае" (1935) впервые выставка русских художников в Шанхае была организована в 1928 году. На ней были представлены полотна художников: М.А.Кичигина, В.С.Подгурского, Н.А.Пикулевича и Л.Н.Пашкова. В 1930 году была проведена I международная выставка в Арт-Клубе с участием М.Кичигина, В.Засыпкина, В.Кузнецовой-Кичигиной, В.Подгурского, П.Густа, Я.Лихоноса. Впоследствии выставки проводились периодически.
6. "Понедельник". - № 2, 1931.
7. Там же.
8. К сожалению, автор не располагает сведениями, имеется ли каталог или полный перечень работ А.Е.Степанова.
9. "Политехник". - № 7, 1975. (Австралия).
10. В Харбине С.С.Шешминцев работал декоратором в торговой фирме.
11. Сергей Шешминцев (1897-1978). Каталог выставки из собрания Курганского областного художественного музея. Курган, 1992.
12. Кроме отмеченных в статье художников, в каталоге указаны следующие участники: П.М.Поговский, Ф.П.Соболев, И.П.Сверкунов, С.Р.Бирябаум, Я.М.Яруцкий-Эрута, Ф.М.Суровцев, Аветов, П.М.Доброгаев, И.С.Пилецкий, А.Д.Зайцев, М.М.Горев, Чарданцев.

Культура

Реализм или неореализм? Китайская литература "позднего нового периода"

© 1996

Е.Фадеева

Период, начавшийся после "культурной революции", в китайском литературоведении получил название "нового периода". Это время бурного расцвета литературы и литературоведения, усвоения и создания новых идей и теорий, появления разнообразных, ярких произведений. Некоторые критики начинают его отсчет с 1976, некоторые - с 1978 года, но его основную часть составляют 80-е годы. Уже в конце 80-х гг. в общественном сознании, теории и практике литературы проявились тенденции, давшие возможность и показавшие необходимость выделения особого этапа. Начало 90-х годов получило название "позднего нового периода", или "пост-нового периода".

Как известно, первоочередной задачей общественного сознания в КНР после "культурной революции" стало осмысление ее итогов, значения и роли в жизни общества. Литература возглавила движение за переосмысление прошлого и поиск выхода из духовного тупика, в котором китайская культура оказалась в результате утраты национальных традиций и подчинения "революционно-утилитарному" взгляду на литературу и искусство. Для литературы того времени был характерен разоблачительный и в определенной степени романтический пафос: место не достигнутых идеалов заняли новые. Это было время, когда и критика старого, и строительство нового происходили с подъемом и воодушевлением, с верой в лучшее, несмотря на страшные раны и шрамы, оставшиеся после "культурной революции". С энтузиазмом писатели открывали для себя и читателей прежде запретные темы, пользовались новыми художественными средствами, впитывали западные теории и спешили их воплотить. Тем, кто шел в авангарде новой литературы, были не чужды идеалистические представления о будущем обществе и возрождающейся культуре. Чувство своей особой миссии, ответственности перед обществом, сознание воспитательной роли литературы стали духовной основой основного направления в литературе того времени - реалистического.

Но постепенно становилось ясно, что сложнее всего бороться с последствиями "культурной революции" в умах и душах людей. От описания и поествования литература повернулась вглубь явлений, к их анализу, к духов-

ному миру простого человека, внутренним психологическим процессам. Плотворным оказался возврат к национальной традиции, поиск собственных культурных "корней", ставший основной темой и целью одноименного литературного направления.

Помимо реалистического, в литературе "нового периода" развивалось модернистское направление, давшее много художественно ценных произведений. Его появление было реакцией на определенные явления в обществе, заинтересованном более в производстве и потреблении, чем в духовной жизни. "Новый период" утратил свою новизну, оправдав не все возложенные на него надежды. Мифы и мечты развеялись, последствия "культурной революции" в сознании людей оставались, и писателям приходилось вести борьбу в том числе с темными сторонами собственного мышления.

Ряд китайских критиков продолжает считать, что и в "новый период" основным направлением китайской литературы остается реализм, унаследовавший и развивший традиции Лу Синя и движения "4 мая". Изображение жизненной правды, реальности в ее противоречиях и борьбе, сосредоточенность на проблемах и стремление к "социальному эффекту", а также активная воспитательная роль писателя - черты этого направления, сделавшего большой шаг вперед в избавлении от штампов, обновлении художественных средств и воплощении обновленного сознания. Без сомнения, реализм был основной движущей силой "нового периода".

Но в конце 80-х годов писатели почувствовали неудовлетворенность эстетическими принципами традиционной реалистической литературы. Возникло новое направление, получившее название "неореализм", которое не только обозначило наступление нового этапа, но и явилось результатом существования целой эпохи. Сформулировать и определить это явление оказалось очень сложным даже для писателей, вошедших в новое направление из других (из "реализма" - Чи Ли, Лю Чжэньюн, из "модернизма" - Су Тун, И Хуа, из "поиска корней" - Чжан Вэй, Лю Хэн, и т.д.), но общие черты можно выделить. В области формы писатели ничем не связаны. Их соединяет нечто другое. В отличие от традиционного реализма, изображающего типичного героя в типичных обстоятельствах, их герои - обыватель; они уходят от тенденциозности, изображая эмоции и сам "поток жизни", неприукрашенные чистые факты, избегая анализа и оценки. Некоторые критики считают, что единственной точкой соприкосновения неореалистов и реалистов является правдивое изображение действительности, но у неореалистов отсутствует социално-критический подход. Они не учат читателя и даже не заботятся о доходчивости сюжета. Литература для них - история личности, а приближение к правде идет часто вопреки логике и установившемуся миропорядку, случайно. Они ищут правду души, человеческой природы и выступают против всяческих стандартов.

Критик Сун Суйлян¹, например, считает, что неореалисты, кровно связанные и с авангардизмом, и с традиционным реализмом, лишены наступательности и силы, они "плывут вместе с потоком" и сознают свою переходную функцию. Чжан Есун², напротив, уверен, что неореализм производит революцию в литературе, будучи противоположен традиционному реализму по эстетическим принципам. Их борьба означает, пишет Чжан Есун, что неореализм есть один из возможных путей развития китайской литературы, который не отрицает другие, а сосуществует с ними. Помимо этого в современной китайской литературе наблюдаются явления другого порядка.

Образец прозы, не входящей в русло традиционной реалистической китайской литературы, это так называемая "игровая" литература. В ней про-

явили себя, как утверждает критик Цин Лидэ³, такие писатели, как Ма Юань, Гэ Фэй, Су Тун и Сунь Ганьлу. Это явление свойственно именно "пост-новому периоду", и по своим "правилам игры" противостоит разумному, строгому и серьезному отношению к творчеству. Впервые эта тенденция появилась в середине 80-х годов, и была настолько чужеродна по отношению к находившимся на пике развития "литературе реформ" и "дум о прошедшем", что критики не обратили на нее должного внимания. Но в 90-е годы игнорировать ее стало невозможно.

"Правила игры" таковы: писатель избирает или выдумывает объект изображения, сюжет, определяющий форму игры, средство или способ ведения игры (использование искаженной логики, не соответствующей реальности) и стратегию - ломку традиционных, привычных форм, слияние случайных и необходимых элементов, продолжение известных сюжетов и т.п. Основное правило состоит в том, что эта проза "касается лишь себя самой", не имея политической, идеологической или этической функции, что принципиально отличает ее от другого направления современной литературы, обладающего высоким чувством социальной ответственности.

Если литература начала "нового периода" была как бы закрытой от читателя, т.е. при всей своей общественной направленности не предусматривала возможности диалога с ним, то с середины 80-х годов картина стала изменяться. Лю Сола, Сюй Син, Чэнь Цунь и другие выступили против "авторитетности" литературы, но при этом, будучи настроены против традиции, в то время все же шли в русле определенных социальных установок и стандартов.

Те, кто избрал "игровую литературу" как форму самоосуществления, видят в игре систему, соединяющую ее участников; она самостоятельна, т.к. не требует управления со стороны внешнего мира. После того, как участники вошли в роль, действие начинает развиваться по своим внутренним законам; процессом управляет сам способ существования художественного произведения.

В традиционной прозе речь ведет повествователь, а остальные слушают, не имея свободы выбора и идя по намеченному им пути. При этом повествование требует знания политических, культурных и прочих ориентиров того времени, когда происходит действие. В "игровой литературе" этого не требуется. В целом, считает Цин Лидэ, большинство произведений "нового периода" не удовлетворяет требованиям содержания "игровой литературы", а, напротив, как раз им противостоит. Тем не менее можно утверждать, что в "пост-новый период" сложилось определенное единство и общность в творчестве с точки зрения сюжета, построения повествования, его стратегии, языка и смысловых конструкций.

Автор в этих произведениях не ведет своего читателя по причинно-следственной цепи, в которой одно обуславливает другое и существует лишь один вариант выбора: "не то, так это". Например, в прозе Гэ Фэя в этой цепи есть множество разрывов и пустот, что делает ее непонятной, загадочной. Это ломает традиционное единство смысла, вовлекая повествование в бесконечные объяснения, вызывая множество вопросов. Ключ к сюжету как бы "упущен", или "пропущен". Пустоты в структуре сюжета отражают скрытое несовершенство самой жизни. Повествователь иногда их заполняет, но это окончательно разбивает жизнь героев, совершенно разрушая причинно-следственные связи. (Заметим, что здесь говорится не об "авторе" или "писателе", а о "повествователе" - ведь у него иная роль и иная цель. Е.Ф.). Весь сюжет собран им произвольно из разбросанных, случайных повседневных событий.

С началом творчества Ма Юаня проза стала совершенствоваться в изложении. Он брал для своих произведений изящные истории, и рассматривал все происходящее с точки зрения повествователя, который контролирует определенную последовательность в изложении. В этих историях были начало и конец, но поскольку они брались из случайной, повседневной жизни, то не образовывали единства и не позволяли собой манипулировать. В одном из романов Ма Юаня - 18 небольших "звеньев" сюжета, почти не связанных между собой. Участники игры отдаются его течению, фантазии повествователя. Действие развивается в форме то диалога, то дневника, то газетного сообщения, то набора цифр. Разорванная история тем не менее создает ощущение плавного течения жизни; но чувство свободы и покоя исходит не из разумного понимания и сочувствия, а скорее из осознания несовершенства жизни. Это игра "с куском жизни", бесцельная, случайно возникшая; не более, чем личный эстетический опыт писателя.

Если в традиционной прозе автор заставляет вещи существовать, меняться и развиваться, а читателя - верить в них, то здесь нет поучений и оценки извне. Читатель равноправен с повествующим, он входит в структуру повествования, и получает радость от совместного творчества. Его выбор свободен. В то же время повествователь не помогает читателю преодолеть расстояние, но сам создает преграды и скрывается, предоставляя ему решать задачу творческого объяснения. Сможет ли и захочет ли он это сделать - зависит от его возможностей и желания. В рассказе заложено множество смысловых вариантов, смешиваются явь и выдумка, существует полная неопределенность, герою "от 35 до 70 лет", за день случается столько, сколько могло бы произойти лишь за неделю; один герой убедительно свидетельствует, что что-то было, другой не менее убедительно утверждает, что нет; убитые оживают, и т.д. (Ма Юань, "Ошибка"). И в руках у того, кто действительно хочет разобраться, что есть истина и что ложь, оказывается пустота, абстракция.

Эта игра бесконечна, неисчерпаема. Анализ сути, поиск смысла и определенности, духовные исследования - то, что, по мнению Цин Лидэ, была внутренней глубинной моделью для литературы "нового периода" - в "постновый период" утратили свое первостепенное значение. Тем не менее в произведениях "игровой литературы" события и герои, несмотря на внешний хаос, связаны во времени и пространстве личностью автора.

Появление "игровой литературы" имело ряд последствий для общего развития современной китайской литературы. Часто читатель не очень стремился углубляться в сюжет и преодолевать не слишком легкие препятствия. В результате эта проза встречала прохладный прием и теряла читателей.

После появления этого направления в китайской литературе вопрос "что писать?" сменился вопросом "как писать?". Была создана новая художественная форма для самовыражения писателей. Однако, "преодолевая объективный мир", они не в состоянии вырваться из него. Эта игра - одна из попыток проникновения в загадочный дворец формы, непредсказуемый, лишенный причинно-следственных логических связей; и сделать это можно лишь с помощью слов, языка. Но сила реальности ломает в процессе игры первоначальные установки писателей на бесцельность, ирреальность творчества. Они конструируют игру, но не до конца, и эта непоследовательность требует создания новой игры, и т.д. и т.п. В своем дворце, пишет Цин Лидэ, они не знают ни входа, ни выхода. Они хотели изменить традиционную прозу в самой ее основе - и так, ничего не изменив, останутся в вечной игре.

"Игра в жизнь", или "игра с жизнью", часто приводит современных китайских писателей к размышлениям о смерти. Бессилие и беспомощность

человека, неожиданная и беспричинная печаль, неосознанные воспоминания, идущие из глубины души, влекут за собой мысль о самоубийстве. В целом это одна из традиционных тем для авангарда, не умеющего найти свое место в мире. В наши дни к ощущению отчаяния и разочарования, духовного кризиса прибавилось так называемое чувство "конца века". Как писал Лю Сола, "земля под ногами, казавшаяся твердой, затряслась"⁴. Сломана прежняя система ценностей, система мышления, мир утратил прочную основу; везде смерть и разоружение, утрата надежд. Да и на индивидуальном, межличностном уровне - чувство разобщенности, отчужденности, непонимания и враждебности, невозможность установить связь с окружающими, - все это рождает в человеке глубокий страх перед действительностью. Чем больше он углубляется в себя, тем более одиноким себя ощущает, и последняя грань отчаяния - смерть.

И неореалисты, пытавшиеся осмыслить человеческую жизнь, показать ее сущность, скрытые линии судьбы, от изображения жизни подошли к изображению смерти. Они воспринимали ее как эстетический символ, в отрыве от традиционных ценностных понятий. И этот взгляд извне уменьшал их страх перед смертью, воспринимаемой не как личное горе, а как судьбу всего человечества, нечто неизбежное, пронизывающее все существование человека, как часть жизни, а не ее конец⁵.

Возможно, что и литература "черного юмора", появившаяся в начале "нового периода", есть также своеобразное отражение раздумий на тему отношения к смерти.

Размышления о жизни и смерти в условиях духовного кризиса, поисков новых духовных ценностей, обратили мысли части писателей к религии. Необходимо было заполнить вакуум, образовавшийся после освобождения сознания от политики. Множество появившихся философских теорий не дали ответов на насущные вопросы и не создавали удовлетворительной целостной картины мира. К тому же они не отвечали на вопросы морали, оказавшиеся на одном из первых мест. Возвращение религии как компонента сознания дало результат и в литературе (но, пишет Ван Лифэнь⁶, "литература с религиозным сознанием" более разнообразна, чем религиозная литература). Причины "соединения религии и литературы" он видит в общности их размышлений о смысле человеческого существования и смерти, в воспитательной функции литературы и религии и в том, что религия как бы заложена в традиционном национальном, историческом сознании в Китае, соединяясь с философией.

Более глубокое постижение жизни, пришедшее на смену вульгарной материалистической философии, и склонность к мистике связывают современное сознание ряда китайских писателей с религией, что, в свою очередь, дает образцы новой литературы.

Если Ван Лифэнь говорит о религии вообще, то Ши Цзе⁷ - о буддизме. Он утверждает, что в 20-м веке роль религии и интерес к ней возрастают. Для современного китайского общества, ищущего свой путь, необходимо нечто, что соединило бы не связанные элементы в процессе создания нового, политических и экономических реформ. Чем заполнить возникшую с развитием экономики духовную пустоту? К тому же остаются вечные проблемы: одиночество, горе, жизнь и смерть, старость, надежды и т.д. Остаются вечные человеческие устремления: слава, деньги, власть, "обычное счастье обычного человека". Остаются страхи, усталость от жизни, ощущение ее бесцельности. В религии человек ищет защиты, спокойной гавани в море горестей, душевного равновесия. Она же дает ему опору при решении жизненных проблем.

Кроме того, пишет Ши Цзе, религиозное сознание соответствует субъективному духу современной китайской литературы.

Китайские критики отмечают также, что на начало 90-х годов пришел расцвет "популярной литературы", отвечавшей стремлению людей к развлечениям и увеселениям в условиях бурного роста экономики. Вхождение страны в рынок способствовало развитию этой литературы, в 90-е годы в нее влились новые силы, и через 2 года число подобных опубликованных произведений составило 70 процентов романов во всей стране⁸. Среди писателей, творящих в этом направлении, Сюэ Мили, Чжан Босянь, Ван Цзунцюань, Ли Цзянь, Ван Бинхуй.

Эта литература, пишет Ху Пин, не является чисто развлекательной. Она озабочена различными общественными проблемами (такими, как феодальные предрассудки, преклонение перед деньгами, упадок нравственности и тому подобные негативные социальные процессы). Она изображает перемены в обществе, человеческие чувства, психологию и т.д. Хотя в ней, по словам Ху Пина, и есть не слишком здоровые "части", важнее то, что популярная литература достигла определенных успехов, и довольно хорошо по качеству произведения отвечают эстетическим потребностям широкого читателя. Они являются частью национальной культуры Китая и полезны для создания цивилизованной социалистической культуры. Возможны и дальнейшие перемены в сторону ее улучшения, ускорения развития в условиях расширения реформы; в то же время более четко обозначаются и слабости, недостатки. В целом, считает Ху Пин, у популярной литературы хорошие перспективы, и позитивным является также то, что ее существование обогащает современную китайскую литературу.

Если в 80-е годы большинство китайских литературоведов было согласны с тем, что основным направлением литературы является традиционный реализм, хоть и обогащенный модернистскими приемами и средствами изображения, то в 90-х годах единого мнения на этот счет не существует. Принадлежность писателя к тому или иному течению определяется его свободным духовным выбором. Наиболее яркие и привлекающие внимание критиков произведения создаются все же не в русле традиционного реализма. Но стало невозможно или, по крайней мере, очень трудно выделить в чистом виде "модернистские" или "реалистические" произведения, поэтому часто одних и тех же авторов относят к разным направлениям. "В условиях слияния традиционных и новых течений, разума и чувства, реальности и абстракций, мифа и истории"⁹ сложилось противоречивое и эклектическое мировоззрение современных писателей. В поисках новых, соответствующих времени средств изображения они пользовались всем, что казалось подходящим, не считая принципиально чуждыми ни идеи, ни формы натурализма, романтизма, реализма, авангардизма, смешивая их в индивидуальных пропорциях. (Подобная тенденция существует сейчас в российской литературе: взаимосвязь намеков и аллюзий, цитат и недосказанности, смесь гипертрофированного реализма и абсолютного вымысла, и т.д.).

Можно спорить о том, чем по своей основе является неореализм. Критик Лю На¹⁰, например, считает, что в 90-е годы реалистические традиции "4 мая" воплотились в образе неореализма, который смыкается с натурализмом в китайском понимании "естественности", "природы". Если натурализм есть как бы "усиление", или "преувеличение" реализма, то неореализм - его ослабление. Но изображение повседневности, обычной жизни, а также стиль и язык этого направления, по мнению Лю На, противопоставляют его авангардизму.

Другие критики, как, например, Чэнь Сюйгуан¹¹, видят тесную связь между неореализмом и авангардизмом, в то же время подчеркивая, что неореализм есть самостоятельное явление, не соответствующее и традиционному реализму. В отличие от авангардистов, неореалисты стремились к простоте и обыденности, а не к загадочности; их творчество - это как бы собранные воедино разнообразные факты человеческих чувств, оно обращено к читателю, осознающему героя собой.

Что касается традиционного реализма, то, как пишет Чэнь Сюйгуан, "его рамки все сужали современную литературу и довели до невозможной узости в период "культурной революции", так что появление в середине 80-х новой системы ценностей, воплощенной в творчестве Лю Сола и Сю Сина, было новым шагом в противоположную сторону. Постмодернистская литература стала вызовом как модернизму, так и традиционному реализму, и неореализм продолжал в том же антитрадиционном духе. Это был реализм, отказавшийся от привычного реализма, и если Чи Ли и Лю Чэньюн могут считаться его типичными представителями, то Фан Фан и Лю Хэн нет - на них повлияли экзистенциализм, западный модернизм и т.д.

В китайской литературе 90-х уже нет признанного лидера, каким в 80-х годах официально считалось реалистическое направление. Термины становятся все более спорными и размытыми. Часто литературоведы предпочитают говорить в целом "литература пост-нового периода", выделяя ее общие черты, обусловленные новым уровнем общественного сознания. Современность вытекает из истории, и в сознании нынешних писателей сосуществуют различные тенденции. В творчестве молодых писателей, представляющих китайскую литературу сегодня, отразились и крушение романтических идеалов их отцов, и "шрамы" "культурной революции", и тревога за духовность в коммерциализирующемся мире, и острое ощущение отчужденности, и поиск своего места в мировой культуре.

Литература "пост-нового периода" вернулась к фактам повседневной жизни от критического разоблачительного пафоса "литературы шрамов". Не борьба, не поэтическая трогательная философия, не патриотизм простых людей и даже не противоречия в их жизни стали предметом ее внимания, а прохладное, неглубокое, некритическое воспроизведение "скучной жизни". Как пишет Чжао Цюаньлун¹², "литература этого периода имеет возвратный характер, это осмысление заново и возвращение реальности. Она больше не играет роли общественного авангарда, но все более соединяется с реальностью и культурой. Реальность, факт сделали движущей силой искусства". Отказавшись от вымысла, писатели пришли к простому языку, идеализации, уходу от моральной ответственности. По его словам, литература "пост-нового периода" - это новое явление, результат пути от "литературного реализма" к "реалистической литературе".

Девяностые годы стали новым этапом в развитии современной китайской литературы и литературоведения. По образному выражению Лю Минь-иня¹³, "эпоха 90-х годов, в отличие от 80-х, это время, когда литература как будто отошла от телесных ран и духовных ожогов, но по сути - время, когда ковалась ее душа... в глубоком молчании романисты создавали пленительные произведения, раскрывавшие суть жизни".

Если подытожить основные черты литературы КНР 90-х годов, можно выделить несколько направлений, по которым шло изменение сознания. Стремление литературы освободиться от преувеличенной идеологической роли слилось с ее антитрадиционной направленностью, и был пройден значительный путь от ортодоксально-марксистских регламентирующих установок.

Вырос теоретический уровень критики и осмысления литературной деятельности. Интеллигенция, находившаяся в постоянной духовной жажде и сомнении, отчасти утратила надежду на западную культуру и духовные ценности, а поиск новых ориентиров вел ее к национальной философии, религии, культуре, морали и истории.

Развитие коммерции и рынка, с одной стороны, вызывает у интеллигенции опасение духовного кризиса и заставляет искать спасения в религии. С другой стороны, оно порождает отвечающую интересам определенных слоев развлекательную литературу. Одно из исторически сложившихся свойств китайской интеллигенции - чувство социальной ответственности, которое может проявляться как усилие достичь самовыражения в условиях, когда роль интеллигенции в обществе еще не восстановилась.

Очень важен для современных писателей поиск своего места в истории и отношения к ней, что необходимо для уяснения своей роли в жизни. Поиск "исторической правды", возвращение от политики к истории, к теме "человек и история" был, видимо, гранью мощного стремления к реальности, факту, породившего приземленные произведения о повседневной жизни. Их герои перестали быть героями, а автор перестал быть учителем и наставником, участвуя в действии наравне с читателем. Цель его творчества - реальная жизнь, но способы достижения индивидуальны и ничем не ограничены. То творческое многообразие, в котором китайские литературоведы видят залог дальнейшего успешного развития литературы КНР, взаимообогащение идеями и художественными приемами, а также обращение к национальным корням и должно создать полноценное и "специфически китайское" культурное явление. И тогда исполнится заветное желание современных китайских писателей и теоретиков: войти в мировую культуру на равных и самостоятельно, а не следуя за перед другими странами.

1. Сун Суйлян "Пин цзи бу "синь сеши" чанпянь сяшо", "Вэньсюэ пинлунь", 1993, N 5.
2. Чжан Есун "Синьсеши: хуй дао цзышен". - "Шанхай вэньсюэ", 1993, N 7.
3. Цин Лидэ. "Сюйшу дэ чжуаньсин". - "Вэньсюэ пинлунь", 1993, N 6.
4. Цитата по: Се Юшунь "Цзюеван: цунцай дэ шэньюань чуцзин". - "Вэнь пипин", 1993, N 5, с. 18.
5. Хун Чжиган, "Шенмин можи дэ тиянь". - "Вэнь пинлунь", 1993, N 4.
6. Ван Лифэнь "1976-1992: Цзунцаю юй вэнь". - "Дандай цзоцзя пинлунь", 1993, N 4.
7. Ши Цзе, "Синь шици вэньсюэ чжун фоцзяо фашен де шэньцэн юаньинь". - "Мяньчжоу шиюань сюэбао", 1993, N 4.
8. Ху Пин, "Тунсу вэньсюэ сань нянь хуэйгу". - "Дандай цзоцзя пинлунь", 1993, N 4.
9. Лю На. "У най дэ сяньши хэ унайде сяшо". - "Вэньсюэ пинлунь", 1993, N 4.
10. Там же.
11. Чэнь Суйгуан, "Синь сеши сяшо "дэ чжунце". - "Сяшо пинлунь", 1994, N 1.
12. Чжао Цюаньлун, "Хоу чжицин вэньсюэ" дэ синсеши цинсян". - "Шанхай шифань дасюэ сюэбао", 1993, N 4.
13. Лю Миньбинь "Мижэнь дэдили хэ лэнцзиндэ сюаньчжан", "Вэньсюэ шидзе", 1993, N 6.

Китайские диалекты сегодня

© 1996

О.Завьялова

На протяжении последних полутора десятилетий неравномерность экономического развития Китая, вызвавшая обострение противоречий между приморскими и глубинными провинциями, вновь привлекла внимание к проблеме культурной и лингвистической неоднородности страны. Ставшие фактором ускоренного развития прибрежных районов специальные экономические зоны не случайно разместились там, где находятся важнейшие диалектные центры юго-восточного Китая - Гуанчжоу, Сямынь, Шаньтоу, Шанхай. Эти города традиционно были не только средоточием промышленности, торговли и транспорта, но также источниками эмиграции в страны Южных морей и на Тайвань. Влиятельные и богатые общины заморских китайцев как правило строились и строятся поныне по земляческому и диалектному принципу, а обычай захоронения на родовом кладбище в родной деревне привязывал далекие заморские сообщества к "малой родине".

С началом проведения политики "открытости" в конце 70-х годов, заморские китайцы *хуацяо* приступили к инвестированию в экономику КНР значительных средств, при этом зачастую выбирая в качестве объекта родные провинции, уезды, города, используя связи с кровными родственниками. Средства *хуацяо*, составившие по разным оценкам до 60 или даже 90 процентов совокупных капиталовложений в свободные экономические зоны, нередко помещались с учетом культурной и диалектной близости. Земляческий и диалектный признаки, таким образом, приобрели роль экономического фактора - положительного для соответствующих приморских провинций и отрицательного для провинций внутренних либо исторически не связанных с процессом эмиграции.

Достижение единства Китая и в прошлом было связано как с преодолением политической или экономической раздробленности страны, так и с необходимостью поддерживать ее общее культурное и лингвистическое пространство. Не случайно унификация письменного языка, канонических конфуцианских сочинений и китайской иероглифической письменности - с искоренением разнописей, местных знаков и "неправильных" чтений иероглифов - на протяжении веков были предметом заботы китайских властей. От знания традиционной китайской филологии зависел успех на официальных чиновничьих экзаменах. В то же время сложная система устных "языков" на официальном уровне никого не интересовала. Она складывалась стихийно, определяясь наличием прежде всего разнообразных, далеко отстоящих друг от друга диалектов. В результате китайцы как правило были "двуязычными" или даже "многоязычными", употребляя разные диалектные варианты на

уровне деревни, уезда, округа или овладевая новыми разновидностями китайского языка на государственной службе, при миграциях, в армии и т.п.

В современных китайских лингвистических работах принято противопоставлять, с одной стороны, так называемые северные диалекты, или *гуаньхуа*, которые на Западе называются мандаринскими, с другой, все прочие диалекты, в совокупности именуемые южными. Это противопоставление основано прежде всего на том, что диалекты *гуаньхуа*, на которых говорят в районах к северу от реки Янцзы и в юго-западном Китае, охватывают большую часть территории и почти две трети (64,51%) населения страны (от тех, кто говорит на китайском языке в самом Китае носители диалектов *гуаньхуа* составляют 67,75%). Эти же диалекты в целом лежат в основе национального языка *путунхуа*, создавая, как это обычно подчеркивается, основу для лингвистического единообразия Китая. В то же время географическое распространение всех прочих диалектов ограничено юго-востоком страны. Социально они считаются гораздо менее значимыми, чем северные, хотя как правило охватывают десятки миллионов человек и сопоставимы лингвистически, территориально и по числу носителей с отдельными европейскими языками. Так, на диалектах У, к которым относится шанхайский, говорит более 69 млн. чел., на диалектах Юэ с городом Гуанчжоу, - более 40 млн., на так называемых диалектах Минь, в ареал которых входят такие города, как Фучжоу, Сямьнь и Шаньтоу, а также острова Хайнань и Тайвань - более 55 млн.¹

Социальная значимость южных диалектов, прежде всего прибрежных, не может не возрастать и в свете тех экономических и политических процессов, о которых говорилось выше. Материалы и исследования последних лет свидетельствуют также о том, что сами по себе северные диалекты, лежащие в основе национального языка *путунхуа*, оказываются гораздо более архаичными и территориально расчлененными, чем это считалось или во всяком случае утверждалось ранее из соображений политических. Выяснилось, в частности, что важнейшая лингвистическая граница Китая проходит внутри диалектов *гуаньхуа* вдоль реки Хуайхэ и далее на запад вдоль центрального горного пояса, совпадая с историческим рубежом XII - XIII вв. В то же время общеизвестная граница вдоль Янцзы между северными и южными диалектами, по сути дела, оказывается достаточно размытой на многих участках при отсутствии четких критериев, позволяющих отграничить разные диалектные группы и определить принадлежность тех или иных пунктов бассейна этой реки.

Разнообразные и далеко отстоящие друг от друга диалекты китайского языка, трудная для изучения иероглифическая письменность, которая непосредственно не передает звучания записанных с ее помощью текстов, ограниченное распространение общего устного средства общения делают, таким образом, Китай лингвистически уникальным для мирового сообщества. На протяжении XX столетия в китайском обществе неоднократно возникали дискуссии о необходимости, допустимых пределах и методах реформы языка и письменности, а также предпринимались соответствующие попытки². Параллельно проводились достаточно широкие обследования диалектов китайского языка современными методами, начало которым - под влиянием идей демократического "движения 4 мая" - было положено в 20-х - 30-х годах Чжао Юаньжэнем и другими учеными его группы, ставшими впоследствии знаменитыми китайскими лингвистами. Материалы, собранные этой группой, публиковались на протяжении нескольких десятилетий, причем после 1949 г. большей частью на Тайване. Изучение диалектов продолжалось в КНР в 50-х годах и после перерыва, связанного с "культурной революцией" (1965-1975), когда оно стало рассматриваться как важная часть общеполитических иссле-

дований, связанных с модернизацией страны. В результате к настоящему времени накопился значительный объем диалектологических данных, которые, тем не менее, все еще нуждаются в дополнении и, тем более, в осмыслении.

Общекитайское диалектное обследование 50-х годов в духе популярных в то время грандиозных проектов было затеяно в связи с намечавшейся кампанией по распространению национального языка *путунхуа*. Именно тогда прежнее официальное название национального языка - *гоюй*, или "государственный язык", официально отменили. Оно сохранилось на Тайване, где после 1949 г. также проводилась активная языковая политика. В КНР же национальный язык стал именоваться *путунхуа*, или "общепонятный", в соответствии с той терминологией, которая бытовала ранее среди левой, революционно настроенной интеллигенции. Одновременно было выработано определение *путунхуа* как единого языка китайской нации, фонетическим стандартом которого является произношение Пекина (точнее - пекинской интеллигенции), основой (очевидно, лексической) - северные диалекты, а грамматической нормой - образцовые сочинения на письменном языке *байхуа*.

Написанные на *байхуа* знаменитые художественные произведения средневековья связаны с северной разговорной традицией, но тем не менее - главным образом благодаря иероглифической письменности - их могли понимать образованные китайцы по всей стране². Точно так же доступны, хотя и только грамотным людям, современные тексты на *путунхуа*, которые жители диалектных районов как правило читают с местным произношением иероглифов. Устная форма *путунхуа* восходит к так называемому "языку чиновников" *гуаньхуа*. Он сформировался с конца XIII в., когда столица в основном находилась на месте нынешнего Пекина, и использовался теми служилыми и торговыми людьми, которые были вынуждены перемещаться по стране. *Гуаньхуа* не был повсеместным средством устного общения в прошлом, ограниченное распространение в КНР имеет также и устная форма национального языка *путунхуа*.

На региональном уровне диалекты остаются языком учреждений, школы, телевидения и радиовещания. Проблемы с устным общением существуют в китайской армии. Носители южных диалектов не понимают *путунхуа* на слух без специальной подготовки и воспринимают его даже в крупных городах чуть ли не как иностранный язык. Многие молодые образованные шанхайцы, к примеру, считают, что их родной диалект гораздо богаче, чем *путунхуа*, он лучше отражает разнообразные стороны современной жизни и поэтому предпочтительней в любой ситуации⁴. На местах имеют хождение локальные разновидности *путунхуа*, своего рода смешанные креолизированные языки: они всегда существовали как варианты "языка чиновников" и зачастую с трудом воспринимаются приезжими из Пекина и носителями других диалектов. В 50-е годы китайские лингвисты подчеркивали, что носители диалектов *гуаньхуа* могут легко научиться говорить на национальном языке: для этого достаточно выучить лишь пекинское произношение иероглифов, поскольку лексика и грамматика северных диалектов вполне единообразны. Тем не менее расхождения внутри северных диалектов оказались гораздо более существенными, а определенные трудности не только с активным употреблением, но также и с восприятием *путунхуа* на слух существуют и на севере страны. Официальное определение *путунхуа* в качестве единого и общепонятного языка китайской нации, таким образом, до сих пор отражает скорее желаемое, нежели истинное положение дел в КНР.

Гораздо успешнее, чем на континенте, но зато с несколько неожиданными результатами, проблема распространения единого устного средства общения решалась на Тайване. До 1949 г. живущие на острове китайцы говори-

ли на двух диалектах - Миньнань, или южнофуцзяньском, и *хакка*, привнесенном с территории нынешней провинции Гуандун⁵. Носители южнофуцзяньских диалектов и в настоящее время составляют большинство жителей Тайваня - 73%, в то время как на носителей *хакка* приходится 12%, на аборигенов Тайваня - 2%. Остальные 13% населения - это те достаточно образованные уроженцы континентального Китая, в основном северяне, которые попали на Тайвань после переселения сюда гоминьдановского правительства, а также их потомки. Начиная с 1949 г. Тайвань с его сравнительно небольшим населением (в настоящее время около 20 млн. чел.) послужил своеобразной лабораторией для переселившихся сюда интеллектуалов, которые мечтали сделать официальным и повсеместным устным средством общения на острове тот стандартный *гоюй*, который восходит к чисто пекинскому варианту "языка чиновников" - *гуаньхуа*. Тем не менее в результате настойчивой кампании по распространению *гоюя*, проводившейся на протяжении нескольких десятилетий, пекинский *гоюй* имеет на Тайване лишь ограниченное хождение: он употребляется в основном преподавателями некоторых высших учебных заведений и при обучении китайскому языку иностранцев. Подлинное же распространение на острове получил так называемый "тайваньский *гоюй*", которым владеют почти 90% населения острова, а в административном центре Тайваня городе Тайбэе - практически все его жители. В фонетике, лексике, грамматике "тайваньский *гоюй*" имеет свои собственные, новые нормы, которые отличают его как от старого *гоюя*, так и от современного *путунхуа* на континенте. Как и во многих китайских диалектах, в "тайваньском *гоюе*" не различаются шипящие и свистящие согласные. Наряду с некоторыми диалектными словами, прежде всего южноминьскими, на Тайване появились новые термины и заимствования из западных языков, отсутствующие в *путунхуа*. Свой след в языке оставила также и длительная японская оккупация острова, закончившаяся в 1945 г. Многие тайваньцы старшего возраста до сих пор владеют японским языком, а в "тайваньском *гоюе*" некоторые элементы, китайские по своему происхождению, используются в соответствии с их японским значением. Именно "тайваньский *гоюй*" со всеми его перечисленными особенностями употребляется как язык учреждений, школы, радио, телевидения, на нем общаются многие молодые люди в любой ситуации, в том числе и неофициальной, вне зависимости от того, каким был их родной диалект в семьях. Имеют хождение и менее нормативные разновидности национального языка, имеющие сильную диалектную окраску, однако эти варианты постепенно исчезают, уступая место стандартному "тайваньскому *гоюю*"⁶.

Параллельно с "тайванризацией" *гоюя* в последние десятилетия на острове начался также другой непредусмотренный процесс - повсеместное возрождение интереса к местным разновидностям китайского языка. Большая часть жителей острова (около 70%) продолжает оставаться "двуязычной", владея не только *гоюем*, но также и родным диалектом. На юге Тайваня, где распространены диалекты Минь, в неофициальных ситуациях они используются как основное средство общения. Многие тайваньцы считают, что знание диалектов помогает сохранить местную культуру и традиции, поддерживать связь между поколениями. Более того, с конца 70-х годов зазвучали голоса с призывом изменить официальный курс, относиться с уважением "не только к пекинскому", но также к другим диалектам и сделать общим языком на Тайване ту его разновидность, на которой говорит большинство населения. В начале 80-х годов в некоторых школах было неофициально введено преподавание на диалектах - в разном объеме и с использованием неодинаковых пособий. Официальное же разрешение на преподавание родного диалекта наряду с национальным языком в начальной и средней школе было да-

но органами образования в 1983 г. при условии, что диалекты не будут мешать распространению гоюя⁷.

Китайские диалекты, таким образом, продолжают играть достаточно важную роль даже на Тайване, где после многолетних успешных усилий по внедрению национального языка он получил повсеместное распространение в обществе - пусть и в новом варианте, сформировавшемся в местных условиях. Тем более сложной и долговечной оказалась судьба диалектов в континентальном Китае. Здесь поставленные в 50-е годы задачи по распространению *путунхуа* не были, да и не могли быть выполнены на протяжении короткого периода, предшествовавшего "культурной революции". Остаются нерешенными они вплоть до нашего времени. Некоторые лингвистические начинания 50-х годов тем не менее оказались вполне результативными и долговечными.

Остаются в обязательном употреблении те иероглифы и их элементы, которые вводились в действие в соответствии с Проектом упрощения китайской письменности 1956 г. В КНР считается, что предусмотренные этим Проектом новшества вполне оправданы и не нарушают системности иероглифики⁸. Правда, на Тайване, где к иероглифической письменности относятся с истинно конфуцианским уважением к традициям, упрощения 1956 г. так и не были признаны. В итоге в наши дни существуют разные и частично не совпадающие друг с другом наборы иероглифических знаков, которые используются в текстах на китайском языке: один в Китае, другой на Тайване и в Гонконге, а за пределами КНР упрощенные иероглифы имеют хождение также у китайцев Сингапура, Малайзии и Тайланда. Вместе с тем некоторые сингапурские упрощения отличаются от стандартных упрощений в КНР.

Долговечным оказалось также основанное на латинской графике фонетическое письмо *пinyin* цзыму, которое было официально утверждено в КНР в 1958 г. Оно употребляется в качестве вспомогательного транскрипционного средства (но никоим образом не альтернативной письменности, как этого хотели прежде авторы наиболее радикальных проектов алфавитизации китайского языка). Впрочем, подобно упрощенным иероглифам, система *пinyin* цзыму также не была введена на Тайване, где при необходимости китайские слова транскрибируются в старой английской системе Уэйда - Джайлса.

И, наконец, третье важное достижение 50-х годов - это те многочисленные материалы, которые были собраны во время диалектологического обследования 1956-1959 гг. для того, чтобы выявить фонетические соответствия *путунхуа* с диалектами и тем самым помочь жителям диалектных районов изучать пекинское чтение иероглифов. В обследовании принимали участие сотни людей - профессиональные лингвисты, школьные учителя, служащие. Из почти 2300 намеченных пунктов в разной степени были охвачены более 1800. После завершения обследования 1200 пунктов были подготовлены письменные отчеты, по 320 - написаны справочники для изучающих *путунхуа* с учетом особенностей того или иного диалектного района, причем около семидесяти таких справочников было издано. Для четырнадцати провинций до "культурной революции" успели издать сводные "доклады" под грифом "для служебного пользования", для четырех провинций вышли монографии, опубликованные в открытой печати. Итогом обследования 1956-1959 гг., даже вне зависимости от возможности или невозможности применить их в социолингвистической практике, стали исключительно ценные для диалектологов многочисленные публикации разного объема и уровня, посвященные главным образом фонетике, в меньшей степени - лексике и грамматике.

Прерванные в середине 60-х годов лингвистические и, в частности, диалектные исследования были продолжены лишь много лет спустя. В 1973 г.

в газете "Гуанмин жибао" появилась рубрика "Реформа письменности", в которой возобновилась дискуссия на лингвистические темы. В 1978 г. была сделана попытка ввести в употребление новую серию упрощенных иероглифов и их элементов, содержащихся во Втором проекте упрощения китайской письменности, вызревшем в годы "культурной революции". Тем не менее в том же 1978 г. введение в действие Второго проекта было приостановлено, а позже - в 1986 г. - новую серию упрощений официально отменили. В китайском обществе возобладал более трезвый подход к языковым проблемам. С одной стороны, стало ясно, что дальнейшее упрощение китайской письменности может ее разрушить. С другой, исследования, которые велись в Китае, на Тайване и в Японии, показали, что внедрение компьютерной техники делает иероглифы в некоторых отношениях даже предпочтительней, чем алфавитное письмо⁹. Вместе с тем необходимость и возможность дальнейшего распространения *путунхуа* была признана несомненной. Программа его превращения во всеобщий язык обучения, рабочий язык официальных организаций и учреждений, кино, театра, радио и телевидения была принята на Всекитайской конференции по работе в области языка и письменности в январе 1986 г.¹⁰. Существенно, что именно в этот период диалекты китайского языка стали восприниматься как объект, имеющий самостоятельную научную ценность - вне зависимости от решения проблем социолингвистического характера - и поэтому заслуживающий всестороннего изучения.

С 1978 г. возобновился выпуск журнала "Чжунго юйвэнь" ("Китайский язык"), в котором наряду с разнообразными лингвистическими материалами публикуются статьи, посвященные диалектам. Изучение диалектов сочтено настолько важным, что в 1979 г. учрежден новый специальный журнал "Фанъянь" ("Диалекты"). Статьям по диалектологии отводится место также во многих других периодических изданиях, лингвистических и общегуманитарных, в частности, в вестниках высших учебных заведений. Публикуются построенные по более или менее единой схеме описания диалектов уездов, включающие данные по фонетике, лексике и грамматике.

На протяжении первых пяти лет после возобновления диалектных публикаций значительная их часть впервые в китайском языкознании была посвящена проблемам диалектной морфонологии, иначе говоря, чередованиям тонов и звуков, так называемому "легкому" тону, "эризации" и другим явлениям, которые возникают при соединении слогов (морфем) в слова и словосочетания и до последнего времени провозглашались нетипичными для китайского языка в целом. В 50-е годы ставился вопрос об искусственном сокращении сферы употребления "легкого" тона и "эризации" при выработке норм *путунхуа*. Именно тогда появились словари, в которых число слов с "легким" тоном явно сократилось по сравнению с предыдущими изданиями. Между тем, как это сейчас можно с уверенностью утверждать, подобные изменения в справочниках были косвенно обусловлены не столько отсутствием морфонологических явлений в диалектах, сколько практическими задачами - желанием облегчить задачу изучения *путунхуа* жителям диалектных районов, которые не знают, в каких именно пекинских словах имеется "легкий" тон или "эризация".

В то же время опубликованные в начале 80-х годов диалектные материалы свидетельствуют о том, что разнообразные морфонологические процессы, отличаясь территориальным разнообразием, присущи китайскому языку в гораздо большей степени, чем казалось раньше в силу недостатка данных или утверждалось в 50-х годах по причинам социолингвистическим или даже политическим. Стало очевидным, что изменения в классификацию диалектов китайского языка в дальнейшем должны вноситься с учетом не только фоне-

тических, но также морфонологических и уж тем более лексических и грамматических признаков. Изучение диалектной грамматики и особенно лексики стало составной частью тех новых общекайтайских проектов, которые были намечены к осуществлению в 80-х - 90-х годах и координируются сектором диалектологии Института языкознания АОН КНР¹¹.

1. В 1983 - 1988 г. совместно с австралийскими учеными сектором подготовлен "Лингвистический атлас Китая" ("Чжунго юйвэнь дитуцзи"), содержащий 36 карт. Пять из этих карт носят общий характер ("Лингвистическая карта Китая", "Диалекты китайского языка в Китае", "Географическое распространение народов Китая", "Географическое распространение языков народов Китая", "Географическое распространение языков Гуанси-Чжуанского АР"), 16 карт посвящены китайским диалектам и 14 карт - языкам некайтайских народов¹². Изданию атласа начиная с 1984 г. предшествовала публикация в журнале "Фанъянь" серии статей, посвященных лингвистической географии различных провинций и диалектных районов, с картами и комментариями.

2. В 1986 - 1990 г. осуществлено повторное обследование основных диалектов китайского языка, причем в рамках этого проекта на протяжении 1992-1993 г. издано девять докладов по результатам обследования диалектов крупных населенных пунктов, относящихся к разным диалектным группам.

3. В 1990 - 2000 г. планируется составить и издать "Большой словарь диалектов современного китайского языка" ("Сяньдай ханьюй фанъянь дацзыдянь"). Его составлению и изданию будет предшествовать выпуск сорока региональных лексиконов, охватывающих как можно шире существующие диалектные разновидности. По данным на 1994 г. в рамках этой программы уже изданы пять таких лексиконов - для Сямыня, Чанша, Сучжоу, Чунмина, относящегося к городской территории Шанхая, и Лоуди провинции Хунань.

Согласно классификации, которая лежит в основе нового "Лингвистического атласа Китая", в китайском языке различаются прежде всего десять наиболее крупных диалектов: *гуаньхуа* (они же северные, мандаринские), Цзинь, У, Хуэй (другое наименование - Ваньнань), Гань, Сян, Минь, Юэ, *пинхуа* и *хакка*. В западных работах эти наиболее крупные диалектные разновидности обычно именуются "группами диалектов", поскольку в свою очередь могут делиться на более мелкие единицы. Один из важных критериев, который наряду с фонетическими признаками всегда учитывался при делении китайского языка на диалектные группы, - это возможность взаимопонимания: к одной группе относили только те диалекты, представители которых способны понимать друг друга без предварительной специальной подготовки. В некоторых случаях - при недостатке иных надежных признаков - критерий взаимопонимания при всей его субъективности и сейчас оказывается решающим. В китайском языкознании диалектные группы в соответствии со сложившейся традицией называются либо *юй* "язык", либо *хуа* "говор, язык" (*гуаньхуа* - "язык чиновников", *пинхуа* - "простой говор", *кэцзяхуа* - "говор этнической группы *хакка*"). Иногда говорят также *кэцзяюй* "язык *хакка*", но в общем этот термин как правило присоединяется к топонимам - кратким наименованиям той провинции, где прежде всего распространены диалекты данной группы. Так, диалекты Цзинь охватывают прежде всего территорию современной провинции Шаньси и древнего царства Цзинь, диалекты У, Гань, Сян, Минь и Юэ условно названы соответственно по провинциям Цзянсу, Цзянси, Хунань, Фуцзянь и Гуандун; диалекты Хуэй получили свое название по историческому округу Хуэйчжоу, некогда существовавшему на юге провинции Аньхуэй (в некоторых работах они также именовались Ваньнань, или "южноаньхуэйские"). В новой китайской классификации для упорядочения терминологии введены новые территориальные диалектные единицы: *дацюй* "макроареал" - *цюй* "ареал" -

пиль “регион”- сяопянь “субрегион” - дянь “пункт”. Все перечисленные выше диалектные группы в общем рассматриваются как равноценные и соотносятся с “ареалами” (цюй). Исключение составляют только диалекты гуаньхуа и Минь, для которых иногда (хотя и не регулярно) употребляется термин “макроареал” (дацюй). В этом случае традиционные подгруппы внутри гуаньхуа и группы внутри Минь равным образом соотносятся уже с просто ареалами - цюй. “Ареалы”, в свою очередь, могут быть разграничены на “регионы” и “субрегионы” (пиль и сяопянь), выделение которых в значительной степени носит интуитивный, предварительный характер. Низовыми, иначе говоря, более неделимыми в этой географической иерархии являются уезды или приравненные к уезду административные единицы и города провинциального подчинения, которые всегда служили основными пунктами при обследовании диалектов в КНР. В тех случаях, когда внутри уезда проходит диалектная граница, это специально оговаривается в описаниях. Классификация диалектов китайского языка усложнялась по мере обследования новых районов страны. Первые ее варианты, включавшие четыре группы, - мандаринскую, кантонскую, фуцзяньскую и шанхайскую - учитывали по сути дела только диалекты Пекина и крупных городов юго-восточного Китая. В результате диалектологических экспедиций 20-х - 30-х годов в бассейне Янцзы из ареала северных диалектов были последовательно выделены сначала южноаньхуэйские, затем хунаньские и цзянсийские диалекты. Уже тогда стало очевидным, что фуцзяньские диалекты (Минь) должны быть разделены на южно- и североминьские, в дальнейшем классификация диалектов Минь становилась все более дробной. К числу важнейших особенностей новой классификации, которая лежит в основе “Лингвистического атласа Китая”, следует отнести прежде всего две. Во-первых, как самостоятельная группа рассматриваются незначительные по числу говорящих на них диалекты пинхуа. Во-вторых, что более существенно, от диалектов группы гуаньхуа отделены диалекты Цзинь (шаньсийские), охватывающие провинцию Шаньси вместе с рядом прилегающих к ней районов. Тем самым впервые в китайском языкознании признано, что диалекты, расположенные к северу от Янцзы, не представляют собой единой группы, а географическая область, которая связана с формированием национального языка путунхуа, гораздо уже, чем это считалось до последнего времени.

Распространение групп диалектов современного китайского языка, согласно последним данным¹³, может быть представлено следующим образом. Отдельно (вне общей нумерации) рассматривается макроареал (дацюй) гуаньхуа, который в свою очередь делится на следующие ареалы: северо-восточный, пекинский, хэбэйско-шаньдунский, северный, ареал Цзяо-Ляо (или ареал двух полуостровов - Шаньдунского в провинции Шаньдун и Ляодунского в провинции Ляонин), ареал Чжунъюань (или ареал провинции Хэнань с некоторыми прилегающими территориями соседних провинций, названный по историческому топониму Чжунъюань - “Центральная равнина”), ареал Ланьчжоу - Иньчуаня, юго-западный и, наконец, ареал Цзян-Хуай (или ареал диалектов междуречья Янцзы и Хуайхэ). Далее выделены следующие территории на уровне ареалов (цюй). I. Ареал диалектов Цзинь. Охватывает почти всю провинцию Шаньси, распространяясь за ее пределы также на ряд прилегающих территорий: север провинции Шэньси, западные районы провинции Хэбэй, часть провинции Хэнань к северу от Хуанхэ (за исключением уезда Мэнсянь, относящегося к ареалу гуаньхуа) и ряд пунктов АР Внутренняя Монголия. На территории Шаньси в ареал Цзинь не входят два ее крайних участка: юго-западный (28 пунктов, относящихся к диалектам Чжунъюань внутри макроареала гуаньхуа) и северо-западный (уезд Гуанлин, входящий в хэбэйско-шаньдунский ареал гуаньхуа). II. Ареал диалектов У. Компактно охватывает территорию провинции Цзянсу к югу от Янцзы с городом

Шанхаем и практически всю провинцию Чжэцзян. За пределами этих двух провинций диалекты У распространяются к юго-западу на несколько соседних пунктов провинции Цзянси и север уезда Пучэн в Фуцзяни. Кроме того, в результате сравнительно поздних миграций диалекты У проникли на юг провинции Аньхуэй, где они сосуществуют с разнообразными другими диалектами.

На севере граница между *гуаньхуа* и диалектами У вдоль Янцзы переходит с одного берега на другой. На южном берегу два участка, один значительный вместе с городом Нанкином, принадлежат ареалу диалектов *гуаньхуа*. На северном берегу к диалектам У относят район города Наньтуна. К другим диалектным ареалам принадлежат также небольшие территории на окраинах провинции Чжэцзян: на западе, в соответствии со старыми административными границами, несколько пунктов относятся к ареалу диалектов Хуэй, на юге несколько пунктов входят в ареал диалектов Минь. III. Ареал диалектов Хуэй. Помимо одиннадцати пунктов в южной части провинции Аньхуэй включает также исторически и географически связанные с этим районом небольшие примыкающие участки на территории провинций Цзянси и Чжэцзян. IV. Ареал диалектов Гань. Основная область распространения диалектов Гань - это центральная и северная часть провинции Цзянси с городом Наньчаном, иначе говоря район реки Ганьцзян в ее среднем и нижнем течении и реки Фухэ. Южная часть этой провинции занята диалектами *хакка*. За пределы Цзянси ареал диалектов Гань распространяется на прилегающие районы соседних провинций - Хубэй на северо-западе, Аньхуэй на северо-востоке, Хунань на западе и Фуцзянь (два уезда - Цзяньнин и Тайнин) на юго-западе. Острова диалектов Гань имеются также на юге провинции Аньхуэй. В свою очередь на территорию Цзянси с севера и запада вторгаются небольшие участки соседних диалектных ареалов - *гуаньхуа* (район Цзюцзяна), диалектов Хуэй (к северу от Цзиндэчжэня), диалектов У, которые к тому же перемежаются островами проникших с территории Фуцзяни диалектов Минь. V. Ареал диалектов Сян. Ограничен бассейном рек Сянцзян и Юаньцзян, а также частично Цзышуй в провинции Хунань. Включает административный центр этой провинции Чанша. К диалектам Сян относятся также три уезда в верхнем течении Сянцзян и один уезд в верхнем течении Цзышуй, административно входящие в Гуанси-Чжуанский АР. С востока и юга на территории Хунани диалекты Сян охвачены *гуаньхуа*, на западе - диалектами Гань. VI. Макроареал Минь. Область распространения диалектов Минь занимает большую часть провинции Фуцзянь (при западной части занятой диалектами *хакка*) и протянулась к югу вдоль морского побережья на район Чаочжоу - Шаньтоу (Сватоу) в Гуандуне. В результате морских миграций диалекты Минь проникли на Тайвань, на юг провинции Гуандун (полуостров Лэйчжоубаньдао) и охватывают значительную территорию острова Хайнань. Спорадически они встречаются на территории провинций Чжэцзян и Цзянси, в Гуанси-Чжуанском АР, а также на юге Цзянсу и Аньхуэй.

Макроареал Минь в свою очередь делится на восемь ареалов. 1. Ареал Миньнань (южноминьские диалекты). Компактно охватывает южную часть провинции Фуцзянь с городом Сямьнем и соседний район Чаочжоу - Шаньтоу в Гуандуне. К южноминьским относятся также диалекты Минь на Тайване. 2. Ареал Путянь - Сяню. Небольшая территория в Фуцзяни к северу от региона Миньнань, включающая город Путянь и вместе с двумя относящимися к нему уездами - Путянь и Сяню. 3. Ареал Миньдун (восточноминьские диалекты). Занимает северо-восток провинции Фуцзянь с ее административным центром городом Фучжоу. 4. Ареал Миньбэй (североиньские диалекты). Расположен на севере провинции Фуцзянь, включает город Цзяньоу. 5. Аре-

ал Миньчжун (центральноминьские диалекты). Представлен тремя пунктами в центральной части Фуцзяни, в среднем течении реки Шаси. 6. Ареал, названный по уездам Цюншань и Вэньчан, иначе говоря, ареал диалектов Минь на Хайнана. Включает 14 пунктов Хайнаня. 7. Ареал полуострова Лэйчжоубаньдао, включает восемь пунктов. 8. Ареал, названный по уездам Шаоу и Цзянлэ на северо-западе провинции Фуцзянь (всего 4 или 6 пунктов в соответствии с разными источниками). Диалекты этого ареала примыкают к провинции Цзянси и обнаруживает черты, характерные для группы Гань. Два соседних фуцзяньских уезда (Цзяньнин и Тайнин) относятся уже к ареалу Гань. VI. Ареал диалектов Юэ. Охватывает дельту Чжуцзян и западную часть провинции Гуандун, включая город Гуанчжоу. Север и северо-восток провинции Гуандун занят диалектами хакка, в прибрежных районах (ср. выше) есть территории, относящиеся к ареалу Минь. В результате сравнительно поздних миграций эпох Мин и Цин диалекты Юэ (кантонская их разновидность) распространились также на территорию Гуанси-Чжуанского АР, где они являются сейчас самыми распространенными из бытующих здесь китайских диалектов. VII. Ареал диалектов пинхуа. Ограничен Гуанси-Чжуанским АР. Диалекты пинхуа являются здесь четвертыми по числу носителей после Юэ, юго-западных диалектов гуаньхуа и хакка. Носители диалектов пинхуа считаются пришлыми и живут только в районе старого тракта, вдоль которого ныне проходит железная дорога на участке от Линчуаня на юг вплоть до Наньнина. Существенно, что различия внутри диалектов пинхуа настолько велики, что представители этой группы иногда с трудом общаются друг с другом. VIII. Ареал диалектов хакка. Область компактного распространения диалектов хакка охватывает центральную и восточную часть провинции Гуандун, далее на север - западную часть провинции Фуцзянь, не занятую диалектами Минь, а также южную часть провинции Цзянси. Территории, занятые диалектами хакка, имеются на Хайнана и на Тайване. В результате поздних миграций эти диалекты попали в Сычуань. Сравнительно компактно носители хакка проживают в Гуанси-Чжуанском АР, где обычно владеют не только своим родным, но также и другими китайскими диалектами.

Подобно всем предыдущим, новая классификация диалектов основана на фонетических признаках и поэтому, как это признают сами китайские ученые, по-прежнему нуждается в уточнении. Между тем, анализ лексики китайских диалектов, осуществленный С.Е.Яхонтовым еще в 60-е годы, позволил установить, что наиболее древними и далеко отстоящими от прочих являются диалекты Минь, отделение которых произошло уже в III - IV вв. Все прочие группы сформировались гораздо позднее - в IV - X вв., но также в разное время и поэтому не должны располагаться на одной линии, обнаруживая большую или меньшую близость друг к другу. В конечном счете предложенная С.Е.Яхонтовым классификация, значение которой не утрачено по сей день, выглядела следующим образом¹⁴. 1. Минь (фуцзяньские диалекты): Миньнань (южнофуцзяньские), Миньдун (восточнофуцзяньские), Миньбэй (северофуцзяньские). 2. Остальные: а) гуандунские диалекты: Юэ, хакка; б) северно-центральные диалекты: Сян (хунаньские), Гань (цзянсийские), Ваньнань (южноаньгуэйские), У (диалекты южной части провинции Цзянсу и провинции Чжэцзян), гуаньхуа. В приведенной классификации, разъясняет С.Е.Яхонтов, первыми перечислены группы, которые сохраняют наибольшее количество архаичных черт, но тем не менее сравнительно невелики по числу носителей. Если же исходить из того, сколько человек говорит на диалекте каждой группы, то список следовало бы в общем построить в обратном порядке: начать, как это и делают в настоящее время китайские ученые, с диалек-

тов *гуаньхуа*. Далее расположить группы, охватывающие по несколько десятков миллионов человек: группу У (более 69 млн. чел.); впервые выделенную из *гуаньхуа* шаньсийскую группу, или диалекты Цзинь (более 45 млн.); группу Юэ (более 40 млн.), и далее группы хакка (35 млн.), Гань (более 31 млн.) и Сян (около 30 млн.). Сюда же по общему числу носителей примыкают диалекты Минь, но они на самом деле представляют собой несколько разных поздно сформировавшихся групп (в общей сложности на миньских диалектах говорят более 55 млн. чел.). К сравнительно малым южным группам, к тому же лишь недавно выделенным в КНР, относятся южноаньхуэйская (около 3 млн.) и *пинхуа* (около 2 млн.). Вместе с тем с социальной точки зрения вслед за *гуаньхуа*, очевидно, следуют прибрежные диалекты юго-восточного Китая - группа диалектов У с городом Шанхаем, группа Юэ с городом Гуанчжоу и Гонконгом, диалекты Минь, охватывающие города Фучжоу, Сямьнь и Шаньтоу, а также острова Хайнань и Тайвань. По мере накопления новых данных лингвистическая карта как прибрежного, так и внутреннего Китая вырисовывается как все более сложная.

Значение диалектов в качестве региональных языков устного общения, которое было достаточно велико в прошлом, таким образом, не уменьшается и даже, пожалуй, возрастает в свете политики "открытости" и тех экономических процессов, о которых говорилось выше. Приходит понимание, что унификация китайских диалектов - это гораздо более трудная задача, чем казалось раньше некоторым политикам и ученым. Диалекты остаются и будут еще долго оставаться важнейшим фактором, влияющим на самые разные стороны жизни Китая.

1. Данные о численности диалектов см. Ли Жун. Чжунго ды юйянь хэ фаньянь (Языки и диалекты Китая) // Чжунго юйвэнь. - 1989. - No 3.
2. См. посвященные этой проблеме работы: М.В.Софронов. Китайский язык и китайское общество. - М., 1979; М.В.Софронов. Конституция и национальный язык в Китае // ПДВ. - 1983. - No 2.
3. И.Т.Зорграф. Среднекитайский язык - М., 1979.
4. Far Eastern Economic Review. - 1990. - May 31. - Pp. 19 - 20.
5. Фаньянь. - 1984. - No 3. - Pp. 179 - 185.
6. Чжунго юйвэнь. - 1994. - No 4. - С. 254 - 261.
7. Там же.
8. Чжунго юйвэнь. - 1991. - No 1. - С. 81 - 82.
9. China Daily. - 1988. - 14марта.
10. Гуанмин жибао. - 1986; - 28сентября. Чжунго юйвэнь. - 1986. - No 2. - С. 113 - 115.
11. Фаньянь. - 1994. - No 3.
12. Language Atlas of China. - Hong Kong. - 1987. - P.1. - 988. - P.2.
13. Ли Жун. Ханьюй фаньянь ды фэньцзюй. - Фаньянь, 1989. No 4. - С. 241-259.
14. С.Е.Яхонтов. Классификация диалектов китайского языка // Исследования по филологии стран Азии и Африки. - Л., 1966.

Отображение культа чая в китайской литературе

© 1996

М.Захарова

Одна из основных отличительных черт китайской культуры - стремление к красоте, постоянное желание даже в самых обычных повседневных явлениях, предметах увидеть гармонию, изящество, суметь насладиться ими. Будь то птица в клетке, маленький кузнечик в траве или воздушный змей - все это предметы восхищения, все это можно воспеть в стихах, запечатлеть на шелке, сохранить в памяти оставленное ими ощущение.

Многое из того, что европейцам кажется недостойным внимания, в Китае считается прекрасным. Поэтому такое, казалось бы, совершенно бытовое явление, как чай, служит неотъемлемой частью китайской жизни, искусства, литературы. Здесь хотелось бы процитировать слова академика В.М.Алексеева: "Было бы весьма затруднительно перечислить те темы и предметы, которым китайская литература в течение двух последних тысячелетий посвящала монографии, часто многотомные и многосерийные. Вот некоторые из них...: душистые свечи, причудливые камни и скалы, тушь, тушечницы, чай, вино, цветы".

Исторические хроники утверждают, что чай в Китае был известен более четырех тысячелетий тому назад. Первоначально он использовался в основном как лекарство для лечения многих болезней, о чем говорят его древние названия: "жуй цао" - "добрая трава", "мин цао" - "чудодейственная трава". В III-IV веках чай входит в жизнь южных китайцев как напиток. Невероятного успеха и популярности завоевывает чай в IX-XIII веках. В середине XI века известный государственный деятель того времени Ли Гоу писал: "Из всех товаров в Поднебесной чай появился позднее других... Он появился в районе к югу от Янцзы, распространился затем по всей Поднебесной и в последнее время овладел ею. Нет ни благородного, ни простолюдина, который не пристрастился бы к чаю; его употребляют все - богатые, знатные, бедные и низкие."

Что же заставляло людей пить воду с сухими листьями? Нельзя забывать, что под влиянием китайских культурных традиций чай из воды с сухими листьями превратился в предмет воспеания и наслаждения. В старину китайцы по-разному наслаждались чаем. Династия Тан (618-907) и династия Сун (960-1279) - эпохи эстетизации чаепития.

Тема чаепития, чая, чайной посуды становится одним из излюбленных мотивов танской поэзии. Хотя поэзия династии Тан считается "поэзией вина", в стихах Лю Цзунъюаня, Пи Жисю, Вэй Инъю, Вэнь Тинцзюня и Бо Цзюйи описывается также и чай. Именно во времена правления династии Тан жил знаменитый Лу Юй, уважительно названный последующими поколениями "прародителем чая". Лю Юй систематизировал производство чая, заварку и

сам процесс чаепития. В трактате Лу Юя "Каноны чая" подробно описываются различные способы приготовления хорошего чая. Он выдвинул ряд просто эстетических требований к процессу чаепития. Лу Юй считал, что чай, выращенный в горах Ян Сянь, по аромату лучше других. По его мнению, самый нежный чай получается из молодых, еще не успевших полностью развернуться листков чайного куста. Большое значение Лу Юй придавал и качеству воды. Лучшими он считал горные весенние воды, затем - речные воды, а на третьем месте была вода из колодца. Вот стихотворение Лу Юя, посвященное этому:

Мне не нужен ни золотой кубок,
 Ни чаша из белого нефрита,
 Ни расположение императорского дворца,
 Ни высокое звание чиновника,
 Я молю, чтобы воды Западной реки
 Направила свое течение к городу Чин Ин
 (к городу, где жил поэт).

Тонкие ценители называли 19 мест в Китае, знаменитых своей водой. Но не только чайные листья и вода отбирались по особым свойствам. Чайная посуда (в танскую династию - специальные пиалы) также требовала большого внимания. В своем труде Лу Юй писал: "Фарфор из Юэ Чжоу... серый, а серое по цвету подходит к чаю - он кажется красным. Фарфор из Шоу Чжоу желтый, и цвет чая становится фиолетовым; фарфор из Хун Чжоу бурый, чай от этого кажется черным - и то, и другое для изготовления чайных чашек не годится". А вот что писал о чайной чашке танский поэт Ду Фу: "...она легкая и прочная, а ударив по ее краю, слышишь голос скорбящей яшмы."

Танские поэты придавали огромное значение духовной стороне чаепития.

Лучший сорт чая, который пили император и его семья, являлся драгоценностью. Только во время обряда жертвоприношения император жаловал несколько "брикетиков" чая высшим чиновникам. Брикетик весил 50 граммов, был перевязан шелковой нитью. Каждый из высших чиновников получал только по одному брикету. Поэтому строка "все лучшие листья предназначены императору и его чиновникам - какое счастье, что и мне, бедному отшельнику, досталось" не случайна. Знаменитый ученый Оу Ян служил при сунском дворе 20 лет и был удостоен лишь одного брикетика чая от императора. Он бережно хранил это сокровище и показывал его своим родственникам и друзьям только в особых случаях. Нужно сказать, что во время правления династии Сун культ чая, чайной посуды и само чаепитие достигли невероятной утонченности. Это являлось излюбленной темой поэзии, рассказов и литературных эссе. Из этих источников мы узнаем о так называемых "чайных соревнованиях". Те немногие счастливицы, которые получили брикетика чая от императора, хранили его до этих соревнований. Император Хуэйцзун (сунская династия) установил 3 критерия для определения качества чая: цвет, фактура, звук. Из описаний чайных соревнований в китайской литературе следует, что хороший брикетик чая должен быть блестящим и плотным, а не мягким. А когда его разламывали, должен был издавать звонкий, чистый звук. Чайные соревнования - занятия изысканные. Участники их наливали воду в чашку с разломанным чаем и взбалтывали воду специальной кисточкой, исследуя появляющуюся на поверхности рябь. Рябь должна быть определенного размера и с бликами. Но самое важное то, сколько по времени будет длиться это колебание воды. Победитель тот, у кого поверхность зава-

ренного чая будет колебаться дольше всего. В конце судьи пробуют чай и объявляют лучший по цвету, аромату и вкусу.

В дополнение к чайным соревнованиям настоящие ценители чая также играли в слова, разгадывали загадки или сочиняли стихи на соответствующую тему. Проигравший наказывался тем, что должен был выпить так много чая, чтобы "опьянеть" - его сердце начинало учащенно биться, лицо зеленело, а ноги становились ватными. Вот посвященное этому ритуалу стихотворение сунского поэта Фан Чун Ена "Песня чайного состязания":

Обмана быть не может при определении лучшего чая.

Десять глаз смотрят и десять пальцев указывают на него.

Победитель ощущает себя бессмертным, достигшим высот.

Проигравший - как побежденный генерал, пристыжен и опозорен.

Сунские авторы также рассказывают нам о различных сортах чая, именно из сунских источников мы узнаем о шести самых знаменитых чаях. Названия, присваиваемые чаю, также были изысканными и утонченными. Например, чай, который предпочитал император, назывался "белые почки". А в стихотворении сунского поэта Су Ши "Вздыхаю, думая о плодах лиджи" есть такие строки:

А знаете ли вы, что в Ушаю

Открыли чай - "Дракон большой и малый"?

Название чая было частью эстетики и наслаждения. Скорее всего, название, как и поэтическая строка, должно было быть правильно построено и отражать определенные чувства, вызываемые чаепитием.

Сунские ценители чая предпочитали чайную посуду черного цвета. Эта мода была связана с распространившимся обычаем "доу ча". Суть "доу ча" заключалась в том, чтобы сравнивать оставшиеся на дне чашки следы чая, а они лучше всего были видны на черном фоне. Сунский автор Чэн Дачан описывает и распространенную в то время форму чайных чашек - "ча то". Чэн Дачан рассказывает легенду о дочери чиновника, которая и придумала чашки столь необычной формы.

Большое место описание чая, чаепития, чайной посуды занимало в литературе в жанре хуа бэнь. Культ чаепития получил отражение и в коротких фразах. Например:

"За чаем свободная простая речь еще чище".

"Прекрасный чай всегда уподобляется красавице".

"Немножко, немножко чая после обеда - и все!

Ветер в соснах - все остальное".

Такие надписи часто можно встретить и на чайной посуде: "Чай, аромат - чистый пир." Все это свидетельствует о том, что чаепитие было и важнейшей частью жизни китайцев, и интереснейшей темой литературы и искусства.

В литературе каждой страны существует произведение, которое можно назвать национальным. Таким произведением в китайской литературе является роман-эпопея "Сон в красном тереме". Вызывает огромный интерес не только сюжет, но и описание жизни главных героев, быта, традиций, культовых обрядов, праздников. Практически каждая сторона культурной жизни китайцев, все детали быта находят отражение в романе. Известный критик и литературовед Чжоу Ян так написал о его значении: "Грош цена всем толкам о поэзии и классике, если не касаешься "Сна в красном тереме". Поэтому мне хотелось бы заглянуть в эту энциклопедию китайской жизни под названием "Сон в красном тереме" на букву "Ч" - чай.

Описание чая, чайной посуды, чаепития встречается очень часто. Ни огромное количество героев, ни довольно сложный сюжет не мешают автору описывать все детали быта. Мы многое узнаем о чаепитии и назначении чая.

Без подношения чая не обходится ни один визит. И в бедных домах, и в богатых гостей всегда угощали чаем. Приглашенные на пир, пришедший к больному лекарь, монахини, клиент в магазине - все угощались чаем. "Выпейте, пожалуйста, чаю, доктор", - предлагает Цзя Жун. И только после чаепития доктор поведал ему о состоянии больной. Вот и еще один пример: Бейцзинскому вану он (Бао-юй) на этот раз понравился больше, чем обычно, и ван угостил его чаем". То есть можно сказать, что ритуал угощения гостей чаем являлся неотъемлемой частью этикета. Как мы читаем в романе, чай пьют все - от детей до стариков. Не существует какого-то определенно установленного времени для чаепития. Чай подают и утром, и в обед, и вечером, и даже ночью. Например: "Си-жень помогла ему лечь, поставила возле постели чай и удалилась во внутреннюю комнату" или "Си-жень тоже всю ночь не спала. Услышав (утром), что они разговаривают, она торопливо встала, чтобы налить им чаю".

Из подробного описания Цао Сюэциня мы узнаем о всей системе приготовления и подношения чая, которая была принята во дворцах Нинго и Жунго. О ней мне хотелось бы рассказать поподробнее. На территории каждого дворца существовали свои "чайные". Под них отводились специальные помещения, где служанки кипятили воду. В этих чайных не пили, а только готовили чай. Здесь всегда поддерживали горящий огонь для кипячения чая, поэтому жители дворца нередко приходили сюда погреться. Во дворцах даже существовала должность "смотрителя чайной". Как следует из романа, кипятки из чайных разносился в специальных чайниках, а заваривали напиток в покоях, а иногда в специальных комнатах. Во дворцах были особые помещения для чаепития: "Четыре человека будут веждать посудой в комнатах для чаепития...".

Чай в покоях подавали служанки, те, что отвечали за подачу чая. Но среди другой прислуги также существовала очередь подачи чая. Вот что пишет Цао Сюэцинь:

- Во дворе цветы не политы, птицы не накормлены, а ты бродишь неизвестно где! Даже чаю вскипятить не можешь!

- Вчера второй господин Бао-юй сказал мне, что поливать цветы достаточно через день, - ответила Сяо-хун. - Что касается птиц, то я их уже покормила, когда вы еще спали.

- А чай? - спросила Би-хэнь.

- Сегодня не моя очередь. Насчет чая спрашивайте не у меня!"

Для подачи чая всегда отбирались милостивые и грациозные девушки. Поэтому не удивительно, что разгневанная служанкой Цю-вэнь сказала: "Возьми зеркало да посмотришь, годишься ли ты для того, чтобы подавать и наливать чай господину!"

В особенно торжественных случаях (при именитых гостях или во время душевных бесед) господа не прибегали к помощи слуг, а заваривали и наливали чай сами.

Конечно, когда автор упоминает о чае, он не имеет в виду какой-то один его сорт. Из романа мы узнаем, что чай был не только различных сортов, но и назначение у него было разное.

Существовал, например, лечебный чай, употреблявшийся при разных недугах. Приведу такую цитату из романа:

“- ...Но сегодня я ел лапшу и решил немного прогуляться, чтобы не получилось засорения желудка.

- Надо было заварить чай “пуэр”, - заметила жена Лин Чжи-сяо.

- Мы заварили целый чайник, - тотчас отвечала Си-жень, - он уже выпил две чашки. Сейчас и вам нальем чашечку, попробуйте!”

Чаю всегда приписывали также свойство “очищать” организм, освежать рот. Поэтому по утрам или после еды всегда полоскали рот специальным чаем. К полосканию прибегали и тогда, когда хотели лучше уловить аромат какого-то дорогого чая. “Когда ужин кончился, девочки-служанки подали чай для полоскания рта, а затем принесли чай для питья”. “Шэ-юэ... наполнила чашку теплой водой и вместе с полоскательницей отнесла Бао-юю. Лишь после этого она вытаскала из ящика с чайной посудой чашечку с блюдцем, налила чаю и подала Бао-юю. Сама она тоже пополоскала рот и выпила полчашки чаю.”

Существовала и еще одна функция чая. Он входил в состав так называемых “жертвенных предметов”. В Китае поминовение усопших являлось одним из важнейших обрядов. С древних времен существовал обычай жертвовать различные блюда, чтобы “накормить” предков. В число жертвенной пищи входил и чай. Подобный обряд несколько раз описывается и в романе “Сон в красном тереме”. Цао Сюэцинь подробно описывает сцены прощания друзей и родственников с умершим. Здесь как раз хорошо разделяются две функции чая: чай - как напиток, чай - как жертва: “Эти двадцать человек разбить на две смены по десять человек в каждой, они будут встречать гостей и родственников и подавать чай, прочие дела их не касаются. Эти двадцать человек тоже разделить на две смены, они будут подавать чай только для своих господ. Эти сорок человек тоже разделить на две смены, они будут ставить перед гробом жертвенный рис и чай...” Возлияние жертвенного чая происходило в конце церемонии, когда сжигали бумажные деньги. Об этом мы также читаем на страницах романа: “В глубине дворца наготове стояла целая толпа слуг, ожидая начала церемонии сожжения бумажных денег. - Подавайте чай и сжигайте деньги, - отрывисто приказала Фын-цзе”.

Чай являлся неотъемлемым и очень важным элементом церемонии похорон и поминания. Слова о чае мы встречаем даже в поминальной молитве: “В год наступления великого и неизменного спокойствия, в месяц, когда лотосы и корица соперничают в благоухании, в день, когда произошло непоправимое несчастье, ничтожный Бао-юй, живущий во дворе Наслаждения розами, собрал бутоны всех цветов, взял воду из источника, струящего аромат, сорвал чайный листок и слил росу с листьев клена - все для того, чтобы передать весточку и принести жертву во дворец Белого владыки, дабы тем самым утешить деву-покровительницу лотосов”. Окончив чтение молитвы Бао-юй опять же совершил возлияние чая. Ароматный чай, как следует из романа, должен был привлечь духов, которые, по верованиям китайцев, снисходили и наслаждались жертвенными подношениями.

Но не только церемония жертвоприношения не могла обойтись без чая. Посещение театра также было связано с чаепитием. Так как любая постановка на театральной сцене длилась несколько часов, любители театра сидели не в зрительном зале, а за специальными столами с угощениями и обязательно чаем. Перед спектаклем в зале расставлялись небольшие столики с чайными чашками, чтобы в любой момент служанки могли его подать.

С развитием чаепития необычайного изящества достигла и чайная утварь. Цао Сюэцинь не скупится на описания чайных приборов, чашек, чайников. В зависимости от того или иного случая служанки подавали различные

чайные чашки. Для обычного чаепития на природе выставлялись "разноцветные чашки". Для таких торжественных случаев, как спектакли, - специальные "расписанные золотом чашечки из старинного фарфора". Во дворце Жунго были и редкие драгоценные чайные предметы. Например, чайная чашечка из фарфора Ченхуа, разрисованная цветами. Это значит, что она была сделана в период правления минского императора Сян-цзуна (1465-1488), который правил под девизом Чэн хуа (завершение преобразований). Чашки из такого фарфора были необычайно тонкими и хрупкими и ценились очень высоко. А во времена цинской династии они считались редкостью. По словам главных героев романа, продав эту чашку, можно было выручить немало денег.

Чайные чашки, как и чайники, часто имели свою историю, название. Нередко на них изображался какой-либо рисунок или писалось стихотворение. Чрезвычайно интересно описание двух чайных чашек, которое мы находим в романе. На одной можно было прочесть ее название "Бокал тыквагорлянка", затем строку "Драгоценность Ван Кая", означавшую, что эта чашка принадлежала Ван Каю, известному богачу, жившему при дворе династии Цинь. Ниже шла надпись: "В четвертом месяце пятого года Юань-фын сию чашку обнаружил в императорской библиотеке Су Ши из Мейшаня". Так, только лишь взглянув на чашку, можно было узнать о ее истории. И становится понятно, почему персонажи романа с таким благоговением относились к чаепитию. Вторая чашка по форме напоминала буддийскую патру. На ней иероглифами в стиле "чжуань" было написано ее название "Чаша взаимопонимания". Человек, пьющий чай, должен был получать наслаждение и от чая, и от посуды, из которой он пил.

Пропавшая или разбитая чашка вызывала огромное огорчение у господ. Некоторые из них имели свои чайные приборы и не допускали, чтобы ими пользовались другие. Например, монахиня Мяо-юй имела отдельный чайный прибор, а чайную посуду, из которой пили другие считала оскверненной и никогда ею не пользовалась. Чайная посуда находится практически в каждой комнате, в каждом павильоне. Даже самое скромное жилище не обходилось без нее. Вот описание комнаты барышни Бао-чай: "В доме было пусто, словно в снежном гроте, безделушек и в помине не было, и только на столе стояла белая динджоуская ваза, в которую было воткнуто несколько хризантем, возле нее - две книги да чайный прибор".

Особенно интересен список посуды - чайной и винной: две пары яшмовых чашек, шесть пар золотых чашек, восемь чашек с облупившейся позолотой, шесть штук серебряных чашек, двенадцать позолоченных чайников, два чайных подноса и так далее. Подносы были покрыты лаком, как написано в романе, "заморским", и отличались разнообразием форм.

"Если посуда достигла такой утонченности, каков же был тогда сам чай!" - совершенно справедливо можете заметить вы. Да, в романе мы встречаем множество различных сортов чая: дорогие и не очень, лечебные и самые обычные. Служанки да и сами господа точно знали, какой чай заварить после еды, какой для гостей, какой для близкого друга. Цао Сюэцинь пишет о таких сортах, как "кленовая роса", "брови старца", люаньский чай, чай "пуэр", "колодец дракона".

Чай пили в основном, чтобы насладиться чудесным ароматом, поэтому выпить несколько чашек подряд считалось неприличным. Вот как монахиня Мяо-юй упрекала Бао-юя: "Прилично выпить лишь небольшую чашку, от второй чашки выглядишь дураком, утоляющим жажду, от третьей - уподобляешься ослу, которого поят без меры".

Заваривание чая - процесс тоже довольно сложный, требующий определенных знаний. Каждый сорт заваривался по-особому. Например, чай "кленовая роса" давал настоящий цвет, как утверждал Бао-юй, после трех-четырёх заварок, а первую заварку не пили.

Заваренный чай не должен был быть остывшим. В романе мы встречаем эпизод, когда один из героев разбивает чашку из-за того, что чай не достаточно горячий. В жаркие летние дни он превращался в прохладительный напиток, то есть чай охлаждали. Слуги набирали воду из колодца, наливали ее в таз, а туда ставили чайник. Воду часто меняли, чтобы чай поскорее остывал. Огромное значение опять же придавалось воде, которой заваливали чай. Чай мог быть заварен дождевой водой, хранившейся целый год. В романе описывается разговор двух девушек о воде: "Неужели ты, знатная, воспитанная девушка, настолько невежественна, что не можешь разобрать, на какой воде заварен чай?!... Ведь это вода из снега, который я собрала с цветов сливы пять лет назад в кумирне Паньсянь, когда жила в Сюаньму." После этих строк трудно не согласиться, что чай и чаепитие были не просто эстетизированы китайцами, но и возведены в культ.

Но для героев романа было важно не только какой пить чай, но и где его пить. Они любили сочетать наслаждение чаем и наслаждение пейзажем. Как приятно смаковать чай, сидя у озера и наблюдая за утками-мандаринками! И это не каприз китайского эстета, а достижение определенной гармонии в душе, восстановление душевных сил. Любоваться лунной с горы в "зале Счастливой тени", наслаждаясь чаем - не это ли наполняет плоть духом. Места для чаепития в саду или в парке подбирались специально. Например, обходя новый, построенный к приезду родственницы сад, Цзя Чжен говорит: "на этих верандах нет ничего лучше, как кипятить чай да играть на цине...".

Чай являлся одним из самых распространенных подарков. Барышни дарили его друг другу, посылали со служанками, обсуждали достоинства того или иного сорта. Во дворцах Жунго и Нинго чай, конечно, был особенный. Это были самые дорогие, лучшие сорта. И все слуги признавали, что чай, который пьют их близкие, не идет ни в какое сравнение с чаем господ. О чае говорили так часто и так много, что даже попугай, живший во внутренних покоях, выговаривал такую фразу: "Барышня вернулась! Наливайте чай!". Интересно, что сам автор, говоря о продолжительности времени, употребляет такое выражение: "Прошло время, достаточное для того, чтобы выпить две чашки чаю..." или "Не прошло и времени, достаточного для того, чтобы выпить полчашки чаю...".

Чай в романе описан не только как чудесный напиток или неотъемлемая часть определенного обряда. Сами персонажи воспевают его в стихах, которые сочинили в поэтическом обществе. Практически во всех стихотворениях, написанных юными поэтами, тема чая используется, чтобы передать то состояние, те чувства, которые владеют человеком во время чаепития. Например:

Стан обвивая, узоры снежинок летают.

Хочется снова горького чая отведать...

Всего две строки, а перед глазами уже встает картина столь редкого в Китае снежного дня. Холодно. Автор этих строк помнит такой же день, но это было давно, и он наслаждался горьким чаем. Как хочется ему снова ощутить то, что он чувствовал тогда. После каждого стихотворения вы должны испытать определенные чувства: радость, печаль, грусть, тоску. Запечатлеть мгновение, передать состояние, поделиться чувствами - вот к чему стремится автор. Как пример можно привести стихотворение Мяо-юй, в котором молодая

монахиня после описания пейзажа и разных событий, произошедших с ней, задумывается о состоянии своей души, о том, какие же чувства владеют ее мыслями:

Радость редка, но не знает предела тоска,
Грусти не будет - уйдут беспокойные мысли.
Добрые чувства я только себе открываю;
С кем поделиться изяществом вкуса могла я?
Вплоть до рассвета, усталость свою забывая,
Чай кипячу и беседой себя улаждаю.

И опять чай; все же прав был танский поэт Лу Тун, когда писал:
Третья чаша - стремлюсь постичь душой истину

пяти тысяч древних книг.

Вы испытывали когда-нибудь затруднение, когда пытались передать красоту того или иного пейзажа? Думаю, что да. Это происходит от того, что вы начинаете словами описывать то, что увидели. На самом деле, нужно передать чувство, именно чувство, овладевшее вами при виде пейзажа. В Китае в садах и парках, везде, где можно насладиться красотой природы, часто на скалах, беседках, павильонах пишут "парные надписи". Таким образом, прочитав эти строки, вы без труда сможете передать собеседнику охватившие вас чувства. В романе герои также посвящают разным живописным местечкам "парные надписи". Так одному пейзажу, о котором Цзя Чжен сказал: "А здесь красиво. Приходя сюда в лунные ночи, читать книги, сидя у окна - что может быть прекраснее!", сопутствуют такие строки:

Чай остывает в треножнике древнем, -
пар как зеленая дымка.

Шахматы брошены, окна безлюдны,
может быть пальцы застыли.

Все эти примеры, приведенные на основе текста романа "Сон в красном тереме", говорят о том, что чай занимал огромное место и в повседневной, бытовой жизни китайцев, и в их культуре. Для европейцев такие детали, как чай, чайная посуда, чаепитие кажутся мелочами, не имеющими значения. Все это ведет к недопониманию этой нации и ее культуры. Но после того, как узнаешь историю чая, ее отображение в китайской литературе, то становится понятным, почему даже в наши дни в Китае чаю отводится особая роль, почему местом для своего произведения Лао Шэ избрал именно чайную, почему изготовление чайной посуды так распространено.

И я надеюсь, что если вам в Китае подадут чашку светложелтого чая, вы не повторите ошибки бабушки Лю, которая сказала: "Чай... немного слабоват - надо бы заварить покрепче".

Научная жизнь

Российско-тайваньская конференция

28 декабря 1995г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась конференция "В поисках объединенного Китая", в которой приняли участие ученые ИДВ и делегация университета им. Сунь Ятсена (г. Гаосюн).

На конференцию было представлено девятнадцать докладов (девять с российской стороны и десять с тайваньской), многие из которых вышли далеко за рамки ее названия, затронув целый ряд актуальных проблем материкового Китая, Тайваня и азиатско-тихоокеанского региона в целом. Доклады были разбиты на три блока: внутренняя политика, дипломатия и безопасность, экономические отношения и вопросы культуры.

Блок внутривластных докладов тайваньских участников был посвящен главным образом процессу демократизации политических институтов Тайваня и возможному его влиянию на материковый Китай. О таком влиянии говорилось в довольно общей форме, а именно: демократизация на Тайване - "успешный пример для других авторитарных политических реальностей, таких как материковый Китай". В связи с этим, например, в одном из докладов (д-р Чэнь Вэньцзюнь с двумя соавторами) был дан развернутый анализ двух законов о местном самоуправлении 1994 г. Авторами был выдвинут, в частности, тезис о том, что законы направлены на создание полупифедеральной системы, т.к. по их мнению, они оставляют в ведении центра (т.е. общерегионального правительства) лишь вопросы обороны, иностранных дел и монетарной политики. В докладе профессора Лю Даци демократизация тайваньского политического режима рассмотрена с точки зрения взаимоотношений между Законодательной палатой и президентом. Автор в результате проведенного анализа этих взаимоотношений с 1988 по 1994 гг. приходит к выводу, что нынешний президент Ли Дэньхуэй является в большей степени переходным лидером, чем лидером-преобразователем. Его воздействие на законодателей по-прежнему связано с его постом председателя Гоминьдана и идет по неофициальным каналам. Проф. Чжэн Юпин в своем докладе рассмотрел влияние этнического фактора на политическое развитие Тайваня (в данном случае отдельной этнической группой считаются и эвакуанты 1949 г.). Основываясь на анализе существующего положения, он пришел к выводу, что между главными этническими группами Тайваня никогда не было сколько-нибудь укоренившейся вражды и абсолютно отсутствуют какие-либо претензии, связанные с разграничением территорий проживания, среди молодого поколения (до 40 лет) распространены межэтнические браки. Соответственно нет серьезных этнических конфликтов и в тайваньском электорате. Докладчик считает, что и

правящая партия, и оппозиция взяли своего рода обязательство не использовать этнических факторов в политической борьбе.

Доклад проф. Юй Цзяньхуна о китайском регионализме и федерализме интересен главным образом рассмотрением проблемы федерализма в качестве средства объединения Китая. Вхождение Тайваня в федерацию мыслится в качестве Тайваньской Республики, которая не обладает полным суверенитетом, но ее столица Тайбэй является одним из городов, в которых заседают правительственные структуры или даже местом дислокации одной из ветвей власти, например, судебной. Другие ветви власти по примеру ЮАР располагаются в других городах, также являющихся столицами страны (например, исполнительная ветвь в Пекине, законодательная - в Нанкине, контрольная - в Гуанчжоу, кадрово-экзаменационная - в Чунцине). Субъектами федерации, кроме Тайваня, являются республика Сянган, Синьцзян и другие. Сама федерация, по мнению докладчика, должна принять название "Китайская Республика", однако в начертании, употребляемом не на Тайване, а в КНР. То есть федерация должна именоваться не "чжунхуа миньго", а "чжунхуа гунхэго", т.е. так, как государство именуется в материковом Китае, только без слова "народная".

Российская сторона была представлена в блоке докладами доктора юридических наук, профессора Л.М.Гудошникова и кандидата исторических наук К.А.Кокарева (РИСИ), рассмотревших вопрос объединения Китая с точки зрения демократизации политических институтов и политических режимов, а также особенностей и традиций политической культуры страны. Оба докладчика сошлись во мнении, что объединение Китая является вопросом времени, хотя, возможно, и займет сравнительно длительный исторический период. Отмечая, что большинство тайваньских политиков фактически стоит за сохранение статус-кво в отношениях между двумя частями Китая, Л.М.Гудошников считает, что в сложившейся исторической обстановке такое положение видится как приемлемый способ сохранения мира в Тайваньском проливе и подготовки мирного объединения страны, тогда как попытки объявления независимости острова могут привести к трагическим последствиям. По мнению К.А.Кокарева, в решении сложной проблемы объединения Китая могут сыграть важную роль особенности и традиции китайской политической культуры, т.к. "традиционное видение объединенного Китая еще со времен Конфуция и Мэнцзы предполагает сочетание морали и гармонии противоположностей".

Во втором блоке докладов рассматривались общерегиональные проблемы АТР (главным образом вопросы безопасности), состояние и перспективы российско-китайских отношений, а также вопросы, касающиеся непосредственно положения Тайваня, прежде всего его взаимоотношений с материком.

Тайваньские участники конференции изложили в систематизированном виде трактовку "прагматической дипломатии" на её современном этапе. Согласно взглядам Тайбэя, Тайвань, как и материковый Китай, должны рассматриваться во взаимоотношениях друг с другом как две равноправные "политические сущности", которые в будущем неизбежно объединятся. Во взаимоотношениях же с внешним миром Китайская Республика на Тайване, по его мнению, должна пользоваться такими же правами, как и все остальные члены мирового сообщества, поскольку обладает всеми признаками полноценного суверенного государства и, более того, занимает достаточно видное место в мировой экономике. Занять равноправное положение рядом с другими государствами она не может лишь из-за обструкции со стороны материкового Китая, каковая позиция Пекина противоречит принятым в цивилизованном мире

демократическим ("институциональным") принципам международных отношений. "Прагматическая дипломатия" призвана обеспечить "жизненное пространство" для Тайваня в этих условиях.

Выражая мысль о целесообразности "прагматической дипломатии", тайваньские ученые одновременно справедливо отмечали, что для стабильного международного положения Тайваня решающим фактором является состояние взаимоотношений между двумя частями Китая и что при осуществлении "прагматической дипломатии" не может учитываться позиция Пекина, прежде всего его готовность действовать жёсткими методами.

В выступлениях директора ИДВ М.Л.Титаренко и других российских учёных подчёркивалось, что урегулирование отношений между КНР и Тайванем - внутреннее дело самих китайцев, хотя, конечно, Россия, как и другие страны АТР, заинтересована в мирном решении этой проблемы. Россия считает КНР своим приоритетным партнёром и развивает отношения с Тайванем на основании известного Указа Президента от 1 сентября 1992г. Такой подход является весьма перспективным, поскольку Указ открывает партнёрам весьма широкое пространство, далеко еще не исчерпанное.

Российские участники конференции отмечали реальные пределы эффективности "прагматической дипломатии": теория и практика "прагматической дипломатии", проводимой официальным Тайбэем, настолько сближают её с курсом оппозиционных сил - сторонников независимости, что это вызывает вполне понятную тревогу в Пекине и, как следствие, жёсткие меры с его стороны. В свете политики устрашения, взятой ныне на вооружение Пекином, вполне можно ожидать, что "прагматическая дипломатия" станет впредь более осторожной.

В случае готовности Тайбэя пойти на корректировку своей внешней политики создаются условия для поиска компромиссов между двумя частями Китая: за отказ от некоторых заведомо нереальных притязаний Тайбэй может добиваться от Пекина более жёсткого самоограничения в вопросе о применении силы против Тайваня.

Правда, сделать это Тайбэю было бы непросто: как отмечают китайские ученые, идея повышения международного статуса Тайваня уже приобрела среди населения острова широкую популярность, что связано с увеличением экономической мощи Тайваня, укреплением его международных позиций, ростом культурного уровня его населения. Поэтому любое проявление большей сдержанности в осуществлении "прагматической дипломатии" было бы незамедлительно использовано набирающей силу оппозицией, выступающей под лозунгами "независимости Тайваня".

Как показывают высказывания ряда тайваньских ученых, в Тайбэе не питают иллюзий относительно возможностей и желания России поддерживать Тайвань в случае применения силы против него с материка, однако, были бы непрочь получить из Москвы знаки политического сочувствия, если в Тайваньском проливе произойдёт возрастание напряжённости.

Суммируя взгляды тайваньских ученых, можно заключить, что их отличает трезвый подход к возможностям и пределам внешнеполитической стратегии Тайбэя, просматривается желание очистить "прагматическую дипломатию" от крайностей.

В условиях спокойного состояния взаимоотношений между Тайбэем и Пекином тайваньские эксперты прогнозируют постепенное, без рывков развитие отношений своей страны с Россией, включающее в себя такие шаги, как установление прямого транспортного сообщения, открытие в Тайбэе представ-

тельства Московско-Тайбэйской координационной комиссии, расширение научных контактов и т.п.

Что касается отношений между Россией и КНР, то тайваньские эксперты отмечают большое значение их состояния для всего АТР, внимательно изучают их и рассматривают развитие их на неидеологической основе как позитивный фактор в деле поддержания стабильности и укрепления мира в АТР. В то же время они без восторга относятся к укреплению двустороннего военного сотрудничества.

В последнем блоке докладов единственное выступление тайваньского делегата - известного экономиста Вэй Оу - было посвящено интересному, хотя достаточно специальному вопросу о воздействии экономической политики Рейгана на экономику Тайваня, тогда как российские ученые говорили о принципиальных особенностях китайской модели экономического развития. Одновременно они продемонстрировали серьезное знакомство с такими специфическими явлениями культурной жизни современного Тайваня, как тайваньское конфуцианство.

Рецензии

**Чжай Синьхуа. Чжунго шичан цзинцзи чжи юань
(Истоки рыночной экономики в Китае).**

Сяньмэнь дасюэ чубаньшэ, Сямэнь, 1993, 252 с.

Чжай Синьхуа. Вомэнь дуй шичан цзинцзи ды цзай жэньши.

(Наше переосмысление рыночной экономики).

Дандай чубаньшэ, Бэйцзин, 1995, 400 с.

Количество изданных в Китае работ по проблемам формирования и особенностей рыночной экономики в стране насчитывает уже десятки наименований. Среди них заслуживают упоминания, например такие, как "Структура рынка и рыночный механизм" ("Шичан цзегоу юй шичан цзичжи", авторы Хань Чжиго, Хун Иньсин, Вэй Цзе - Хэбэй жэньминь чубаньшэ, Шицзячжуан, 1987) - одна из первых комплексных работ на эту тему, "Исследование модели социалистического рынка" (Шэхуйчжуй шичан моши яньцзю, гл. ред. Чжао Сяоминь и Цзя Льюйжан, Цзинцзи гуаньли чубаньшэ, Пекин, 1991), относящаяся к числу наиболее "фундаментальных для своего времени исследований по данной теме, "Известные китайские ученые-экономисты о социалистической рыночной экономике" (Чжунго чжунин цзинцзи сюэ цзя лунь шэхуйчжи шичан цзинцзи", гл. ред. Чжан Сюэжэнь, Хэнань жэньминь чубаньшэ, Синьсян, 1995), подготовленная по горячим следам известного решения 3-го пленума ЦК КПК 14-го созыва "О некоторых вопросах создания социалистической рыночной экономики в нашей стране" (ноябрь 1993 г.). Однако и вышеназванные, и большинство других работ по данной проблематике написаны почти исключительно учеными-теоретиками.

В этом плане рецензируемые труды Чжай Синьхуа интересны прежде всего как отражение взглядов специалиста-практика и поэтому обладают большей "силой убеждения" по сравнению с чисто теоретическими изысканиями.

Чжай Синьхуа - генеральный директор Поручительской инвестиционной

компании развития китайской деревни, в данном качестве не просто познающий процесс становления современного рынка в Китае "изнутри", но и являющийся одним из его непосредственных участников и творцов. Возглавляемая им компания является генеральным распорядителем кредитов Международного валютного фонда на развитие китайской деревни. Начав в апреле 1988 г. с учредительного капитала в 200 млн.юаней, она в 1995 г. довела свои активы до 30 млрд.юаней и является в настоящее время важным элементом институциональной структуры макроэкономического регулирования в Китае.

Для российских китаеведов суждения Чжай Синьхуа представляют дополнительный интерес в связи с тем, что многие из них имели возможность непосредственно обменяться мнениями об особенностях хода аграрной реформы в Китае и России во время встречи в Институте Дальнего Востока 31 октября 1995 г., на которой также присутствовали известные российские ученые-аграрники Г.И.Шмелев и С.К.Орловская.

Как видно из рецензируемых работ, поездка в Россию не была для автора случайным эпизодом, напротив, она отразила его постоянный интерес к сопоставлению реформ в Китае и России, коль скоро рыночная экономика в обеих странах формируется на базе реформирования прежней системы планового хозяйства ("Истоки...", с. 109, 126, 133, 182; "Наше переосмысление", с. 172, 200). В частности, Чжай Синьхуа выделяет как минимум три различия в реформах в Китае и России, предопределяющих, на его

взгляд, возможность не опасаться в Китае серьезных социальных потрясений в результате реформы имущественных прав.

Во-первых, это различие в базе имущественных прав: почти полное доминирование государственной собственности в бывшем Советском Союзе и намного менее глубокий характер обобществления в китайской деревне. К тому же длительный период развития волостных и поселковых предприятий сделал формы хозяйствования в Китае намного менее "монистическими", чем в бывшем СССР.

Во-вторых, различия во внешней среде двух государств. Советский союз (как и Россия ныне) не имел такого важного содействующего реформам фактора, каким обладал Китай в виде Гонконга, Тайваня, Аомэня, "экономического кольца китайцев Юго-Восточной Азии".

Наконец, различия в самом реформенном процессе. Если в Китае процесс становления многообразных форм хозяйствования шел постепенно, обеспечивая сосуществование различных хозяйственных укладов на протяжении полутора десятка лет, то российская "приватизация за одну ночь" повлекла за собой социальные потрясения. Поэтому, полагает автор, реформа имущественных прав в Китае базируется на прочной основе и одновременно диктуется самой логикой процесса реформ, тогда как отказ от нее, создавая видимость общественной стабильности, чреват на деле накоплением скрытых противоречий, способных однажды обернуться социальным взрывом ("Наше переосмысление...", с. 200-201).

Где же находятся корни, истоки рыночной экономики в Китае? Позиция автора однозначна: в деревне. В отличие от США и Европы, где деревня представлена фермерским сельским хозяйством, так сказать, в чистом виде, уже без "эмигрировавших" в результате длительного процесса разделения труда промышленности и сферы услуг, в Китае деревня не может быть отождествлена с сельским хозяйством, это, скорее, само китайское общество в целом, "котел", в котором ныне беспрепятственно рождаются новые экономические формы и явления - в том числе рыночная экономика, небольшие города и поселки и многое другое, причем деревня в этом отношении, полагает автор, гораздо "плодовитее" города.

Чжай Синьхуа решительно берет под защиту волостные и поселковые

предприятия, которые подчас обвиняют в загрязнении окружающей среды, подрыве семейного подряда в деревне и других грехах. По мнению автора, именно волостные и поселковые предприятия продуцируют появление в китайской деревне среднего класса, активного отряда предпринимателей, этого своего рода живого двигателя рыночной экономики. Волостные и поселковые предприятия в Китае сыграли поистине бесценную роль в деле постепенного создания рыночной среды, что позволило перевести в режим рынка государственные предприятия неспешно и планомерно. В России же, где не было аналогичных китайским сельским предприятий, попытка разом "окунуть" приватизированные госпредприятия в рыночную среду обернулась крупными экономическими издержками ("Истоки...", с. 182). Наконец, волостные и поселковые предприятия дали толчок процессу непрерывной индустриализации и урбанизации китайской деревни, высвобождению людей из аграрного сектора и тем самым послужили базой рыночной экономики. В целом прослеживание глубокой внутренней взаимосвязи между переменами в китайской деревне и развитием рыночной экономики в стране красной нитью проходит через обе книги Чжай Синьхуа и является одним из их несомненных достоинств.

"Раскрепощение крестьянства", принесенное семейным подрядом, развитием сельских предприятий, а затем и постепенным вовлечением крестьян в рыночные отношения, автор считает одной из "трех крупных экономических битв" в ходе осуществления реформы в Китае.

Вторая "крупная битва" - расширение прав на местах, нуждающееся, по мысли автора, в нахождении некоей рациональной меры. Считая предприятия в Китае в ходе реформы шаги по расширению прав местных органов абсолютно необходимыми, Чжай Синьхуа полагает, что окончательная модель "регионального бытия" в Китае еще не определилась. В частности, раздаются предложения о возможности регионального самоуправления и даже федеративного устройства страны.

"Третья битва", которую автор считает значительно менее успешной и чрезвычайно трудной, это реформа государственных предприятий. Для подавляющего большинства предприятий, полагает ав-

тор, проблема заключается не в "оживлении", а в разгосударствлении, в выводе их на рынок, который и будет решать их судьбу. Что касается ключевых государственных предприятий, играющих важную роль в обеспечении социальной стабильности (в энергетике, транспорте, других отраслях инфраструктуры), то их права, полагает автор, могут быть лишь относительными, ограниченными, они не могут идти по пути полной маркетизации. Применительно к этим предприятиям уместно говорить об оживлении их деятельности через совершенствование системы управления ими, удовлетворении интересов работников и т.п. ("Наше переосмысление...", с. 157).

Особое значение в деле создания системы современных предприятий приобретает роль менеджеров. На предприятиях, полностью основанных на государственном капитале, акцент надлежит делать на роли генерального управляющего, являющегося представителем юридического лица, а на предприятиях с контрольным паем государства - на роли правления. В деле развития рыночной экономики Китая в настоящее время более всего не достает именно управляющих, именно они должны и могут стать настоящим внутренним двигателем преобразований на предприятиях, и именно управляющие имеют право "становиться защитными в первую очередь", как говорил еще на начальном этапе реформ Дэн Сяопин.

Вполне естественно, что Чжай Синьхуа, сам будучи управляющим новой формации, сформировавшимся уже в процессе перехода Китая к рынку, уделяет в обеих книгах большое внимание обобщению опыта своей работы на посту генерального директора Поручительской инвестиционной компании развития китайской деревни (занимает его с июня 1990 г.) и стратегии дальнейшего развития компании. Хотя этот круг проблем на первый взгляд может показаться сугубо локальным, он, тем не менее, чрезвычайно информативен, ибо помогает понять многие хитросплетения и особенности хозяйственной жизни в Китае в целом и, в частности, механизм функционирования трастовых инвестиционных компаний в стране.

Взять, например, схему управления развития деревни компанией, по своему статусу полностью основанной на государственном капитале. Главным руководящим административным органом по отношению к ней до 1993 г. была Государственная сельскохозяйственная инвестиционная компания, затем - Государственный плановый комитет и, наконец, Министерство сельского хозяйства. В настоящее время отраслевое управление компанией осуществляют: Народный банк Китая, Государственное управление валютного контроля, Министерство строительства и Министерство внешнеэкономических связей. Функциональное управление, соответственно, - Министерства труда и кадров, ревизионное управление, государственное налоговое управление и торгово-промышленное административное управление. Наконец, по линии управления государственным имуществом компания подпадает под ведение Минфина и управления государственным имуществом. Автор характеризует данный тип управления компанией, функционирующей в условиях рыночной экономики, как "чрезвычайно плотный" ("Наше переосмысление...", с. 252).

Сфера деятельности компании по мере ее укрепления расширялась - с кредитования, аренды, внутренней и внешней торговли, инвестиций и операций с недвижимостью до операций с ценными бумагами, фьючерсной торговли, туризма, консалтинга. Вслед за появлением многочисленных филиалов, отделений, совместных предприятий встал вопрос об интернационализации компании, ее акционировании и "конгломерировании". Все это - составные элементы стратегии развития компании на обозримую перспективу.

В заключение отметим, что Чжай Синьхуа, его работы и возглавляемая им Поручительская инвестиционная компания развития китайской деревни хорошо известны в Китае, в том числе и по публикациям в центральной печати. Надеюсь, что моя скромная рецензия будет способствовать появлению интереса к Чжай Синьхуа, его практической и творческой деятельности и в России, послужит делу взаимного обогащения двух стран опытом реформ.

Ю.В.Чудодеев, З.Д.Каткова. Китай - Япония: любовь или ненависть? (К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия.

VIII в. н.э. - 20-е годы XX в.)

Социально-этническая проблематика в сфере международных отношений с 60-х годов вначале робко, а затем все более интенсивно пробивает себе дорогу в работах отечественных исследователей. В настоящее время уже очевидна невозможность достоверного анализа состояния и перспектив межгосударственных отношений, являющихся в конечном счете продолжением отношений между отдельными людьми, без учета этнопсихологического фактора - сложного комплекса чувств и настроений, взаимопроникающих стереотипов и противоречивых представлений двух социумов, а также исторически обусловленных симпатий и антипатий представителей тех или иных слоев общества. Предпринятая авторами рецензируемой работы попытка в систематизированном виде проследить эволюцию традиционных стереотипов китайско-японского взаимовосприятия и выявить компоненты, и сегодня присутствующие в исторической памяти двух народов-соседей представляется весьма плодотворной.

Работа является первым в российском китаеведении монографическим исследованием специфического микроклимата, сложившегося на протяжении веков во взаимоотношениях Китая и Японии. И хотя монография вышла в свет не в самые благоприятные для гуманитарной науки в нашей стране времена, ее качество, добротность и достоверность выводов не могут не вызвать "ностальгических" воспоминаний, ибо она воплотила в себе лучшие черты и традиции отечественного востоковедения.

Посвящено исследование главным образом анализу стереотипов восприятия Японией представителями общественно-политических кругов Китая конца XIX - начала XX вв., непосредственным образом влияющих на формирование образа Японии как на уровне идеологии, так и на уровне обыденного сознания в Китае. Данному анализу авторы предпослали весьма солидный экскурс в историю ки-

тайско-японских отношений периода средневековья, характеризующихся формированием пласта исторической памяти двух народов и стереотипов их взаимовосприятия, обозначенных авторами как "традиционные". Именно на эмоционально-субъективном восприятии культурно-исторических традиций сосуществования Китая и Японии, по схеме "превосходство - почтение", базируется в значительной мере восприятие страны "Восходящего солнца" идеологами китайского национализма.

Кульминацией культурно-идеологического влияния китайского социума на Японию явилась Танская эпоха, когда по образному выражению цитируемого авторами М.Дженсена, Китай для Японии был "Грецией и Римом, Италией периода Ренессанса, Францией периода классицизма", то есть уникальным культурным колоссом, который не имел реального конкурента" (с. 16). Здесь уместно воспроизвести "реестр" того, что японцы заимствовали из Китая: металлургия, шелководство и производство фарфора, культура земледелия и землепользования, организация чиновничьего аппарата и налогообложения, иероглифическое письмо и конфуцианско-легистские и буддистские каноны, система летоисчисления и организация образования, уголовный кодекс и административно-территориальное деление, музыка, архитектура, этикет и изящные искусства, элементы одежды и устройства жилища и т.д. Таким образом формула-девиз "одна письменность - одна раса" (по-японски "добун-досю") отнюдь не отражает всю "степень родства" двух соседних социумов, объединенных длительными историческими связями. Очевидно, что никто не может игнорировать весомый китайский компонент в национальной культуре Японии. Данный факт сыграл свою роль в период первых же шагов Токио по пути экспансии и агрессии в отношении Китая, когда в сложном комплексе противоречивых чувств, настроений и эмоций в общественном

сознании Поднебесной стал преобладать гнев и возмущение "неблагодарностью" японцев, предавших забвению моральные заповеди конфуцианства.

В связи с этим, можно бы было поспорить с авторами, было ли ощущение "долга" Японии перед Китаем за заимствованные атрибуты китайской цивилизации "ложным" (с. 17), но нас в данном случае заинтриговал более другой сюжет, к сожалению лишь обозначенный на той же странице, как "способность японцев выбирать элементы китайской культуры и модифицировать их в соответствии со своими собственными условиями, традициями и национальными особенностями". В какой же степени было модифицировано конфуцианство на японской почве? Данный вопрос далеко не праздный, особенно в свете ставшей модной концепции "Конфуцианской культурной сферы", объясняющей стремительное развитие "новых индустриальных стран" Восточной Азии действием там морально-этической и экономической системы конфуцианства. (Подробнее см.: Б.В.Поспелов. "Отношения Японии со странами АТР: социально-идеологические аспекты". - М., 1993. - С. 85-97). Не случайно в Примечании 13 к Главе 1 работы констатируется: "Некоторые японские авторы считают, что конфуцианство в Японии достигло даже большего развития, чем в Китае, что только в Японии оно по настоящему выявило свою суть" (с. 188). Взгляд на Японию глазами китайских мыслителей, являющихся представителями различных идеологических течений, представляет весьма благодатный материал для анализа.

Кризис традиционного восприятия Японии, как справедливо отмечают авторы исследования, приходится на период "формационного надлома", пережитого с известным хронологическим разрывом и с различной степенью болезненности японским и китайским социумами. Но если восхищение японцев былым величием Китая быстро сменилось чувством разочарования на фоне динамичного развития Японии после "реставрации Мэйдзи", то китайские интеллектуалы пережили мучительную и трудную трансформацию своего видения Японии и японцев по такой примерно схеме: высокомерие и надменность - презрение - любопытство - удивление и зависть - ненависть. Причем авторы правы, что "пробуждающееся китайское массовое сознание как бы

"проскочило" этап положительного восприятия Японии", ибо политика, которую, начиная с войны 1894-1895 гг., японские экспансионисты проводили по отношению к Китаю, унижающая его национальное достоинство и нацеленная на лишение его государственности, стимулировала в Китае эмоциональное предубеждение и накопление этноцентристских воззрений во взглядах на взаимоотношения между японской и китайской нациями. Именно на данном этапе в Китае наблюдается наибольший "разрыв" между социально-психологическими установками значительных слоев населения (уровнем массового сознания) и идейно-политическими концепциями узкого элитарного слоя.

"Прорыв" в традиционных этноцентристских стереотипах авторы совершенно справедливо усматривают в прозвучавшем желании представителей китайских интеллектуальных кругов учиться и перенять опыт Японии, рассматриваемой еще недавно до "пробуждения Китая", как нечто "варварское" и недостойное внимания. Собственно в признании, что и за пределами Китая имеется нечто ценное, что можно взять на вооружение, и есть суть трансформации китацентризма в китайский национализм. Притягательность именно японского примера и даже готовность и реформаторов и революционеров Китая использовать японские ценности модернизации резонно объясняются в монографии "специфическим микроклиматом" во взаимоотношениях и тем, что "расовая и культурно-историческая близость двух стран как бы снимала тот психологический барьер, который "отделял" Китай от Запада, обуславливая подход к нему как к чему-то чужеродному, не вписывающемуся в традиционную структуру восприятий" (с. 78).

На базе солидного историографического и методологического материала, с привлечением многочисленных текстологических выдержек из работ представителей широкого спектра общественно-политической мысли Китая, в исследовании убедительно показано, что, даже восхищаясь достижениями Японии, практически все китайские интеллектуалы, как побывавшие в Японии, так и не прошедшие "японской школы", неизменно обнаруживали снисходительно-высокомерный и утилитарный подход к Японии и ее успехам. Так Сунь Ятсен, например, восторгаясь динамизмом и "национальным ду-

хом" японцев и испытывая чувство культурно-расовой гордости за Японию, в своей 6-й лекции о национализме "не высоко отзывался о моральных качествах японцев, считая, что они далеко уступают китайцам в честности и справедливости" (с. 177). Впрочем, тезис о моральном превосходстве стал излюбленным аргументом идеологов национализма стран Востока, особенно в период, когда стало очевидно, что в материальном плане они мало что могут противопоставить индустриальным государствам.

Что же касается восприятия Японии на уровне обыденного сознания, менее конъюнктурного и более подверженного инерционности мышления, то здесь чувства и эмоции китайцев выплескивались через край. Проявления ксенофобии, волна ненависти и презрения по отношению к островным "карликам-чертям" особенно захлестнули Китай в период протестов против "21 требования" Японии к Китаю в 1915 г. и во время "движения 4 мая". Именно в рефлексиях широких народных масс, далеких от политики, воплотились то "коллективное бессознательное", на формирование которого воздействуют не только факторы реальной жизни, но и представления, уходящие своими корнями в глубокую историю и накопившиеся в народе на протяжении многих поколений. Дальнейшее же нарастание японской агрессии, говоря словами авторов, "не давало передышки китайскому общественному сознанию, заставляя его все время работать в негативном ключе" (с. 167). Роднит и объединяет уровень массового сознания китайцев и элитарно-идеологизированную часть китайской общественности сугубо утилитарное отношение к Японии, пронизывающее всю историю китайско-японского диалога в новое и новейшее время.

Японцы, в свою очередь, неизменно отвечали проявлением подобного же прагматизма, выдержанного в лучших традициях конфуцианской школы дипломатии. Правящие круги Японии особенно и не скрывали, что хотели бы видеть у власти в Китае правительство, послушно выполняющее волю Токио. Не удивительно при этом расхожее суждение о том, что, например, Синьхайская революция делалась в значительной мере в Японии и на японские деньги, ибо японцы ухитрились одновременно оказывать финансовую и иную помощь самому широкому

кругу организаций и лиц, представляющих достаточно пестрый спектр участников национально-освободительного движения в Китае в начале XX века. Странно другое. Даже весьма искусственные в политике китайские интеллектуалы поддались обаянию японской концепции "панasiatизма", призванной по замыслу ее популяризаторов подвести культурологическую основу под политику, рассчитанную на утверждение японского влияния в духовной и интеллектуальной жизни Китая. Прделанный в исследовании анализ работ китайских авторов свидетельствует о том, что принятие ими, естественно в собственной китаецентристской интерпретации, "великоазиатской идеи" было не романтическим заблуждением, а вполне сознательным стремлением выдать желаемое за действительное и разыграть расовый союз с Японией в качестве главного козыря в "битве идей" в рамках духовной конфронтации с Западом.

Не прошел мимо идеи о расово-этническом единстве и солидарности Китая и Японии в противодействии западным державам и Сунь Ятсен. Мы отдаем должное большому такту, с которым авторы освещают довольно деликатный сюжет, связанный с восприятием Сунь Ятсеном Японии на различных этапах его становления как идеолога национализма и политического лидера, в частности, с его готовностью пойти на известные компромиссы с представителями японского истеблишмента во имя достижения своих политических целей. Нам кажется, что в полемике с западными востоковедами, такими как Г.Шифрин, М.Дженсен и др., авторы несколько идеализируют принципиальность и бескорыстный патриотизм этого "революционера-демократа". Сам приведенный авторами материал свидетельствует о том, что Сунь Ятсен, получивший, как известно, серьезные денежные дотации из Японии, проявил "запоздалую реакцию на "21 требование" и другие акты японской агрессии" (с. 168). Естественно, что было бы слишком упрощенным объяснение столь невыразительной позиции китайского идеолога только тем, что в своих трудах и публичных заявлениях он вынужден был постоянно говорить о Японии с оглядкой на общественное мнение и позицию японских властей, настроения представителей различных кругов Китая, а также предубежде-

ния Запада в целом перед угрозой "желтой опасности" и т.п. Даже предположив наличие в пропагандистской тактике Сунь Ятсена элементов "революционного прагматизма" в духе "ленинской школы", трудно объяснить его весьма неоднозначное отношение к идее расового союза в духе концепции "паназиатизма" только политическим лавированием. Было бы логичнее прийти к заключению, не пытаясь представить идеологические построения Сунь Ятсена более сложными, чем они были на самом деле, что его увлечение идеей о китайско-японской союзе и взаимопомощи в рамках паназиатской солидарности было не просто иллюзией, а неотъемлемой частью его концептуальной программы. Без вдохновляющей идеи "паназиатизма" (по китайски - "даячжоучжуи", так, кстати, дословно называлось одно из выступлений Сунь Ятсена в Японии в 1924 г.) его учение о "трех народных принципах" лишалось пафоса интернационализма, столь важного для идеологии китаецентристского типа. Веру Сунь Ятсена в "общность судеб" Китая и Японии разделяли и интерпретаторы суньятсенизма, такие как Ху Ханьминь и Дай Цзитао, думающие уже об

организационном оформлении антиимпериалистического "Национального интернационала", не исключая участия в нем и Японии. Наконец, упрощенно-негативное толкование "паназиатизма" делает совершенно примитивным и искаженным толкование "феномена Ван Цзинвэя", также последователя Сунь Ятсена. Содержащиеся в работе интересные суждения о специфике, перспективах и естественных пределах китайско-японского диалога, в их отражении китайским элитарным сознанием, проясняют процесс ломки традиционных представлений и включения Китая в современные международные отношения, а также делают понятнее реакцию китайского общественного сознания на насильственные формы подобного включения. Через призму отношения к Японии можно еще более приблизиться к пониманию национального характера китайцев, включающее его главный компонент - самосознание, не раз являвшееся объектом различного рода политических спекуляций и манипулирования. Надеемся, что данная работа З.Д.Катковой и Ю.В.Чудодеева не останется незамеченной в кругах пытливых читателей.

**О китайском праве. Harro von Senger.
Einführung in das chinesische Recht. München,
C.H.Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1994, 363 S.**

Книга "Введение в китайское право", автором которой является профессор Харро фон Зенгер, эксперт Института сравнительного права в Лозанне (Швейцария), на наш взгляд, представляет собой серьезный вклад в исследование особенностей эволюции и функционирования китайского права и нынешнего политического режима в КНР.

Структура и содержание книги охватывает как бы три основных направления, которые связаны с освещением конкретных сфер китайского законодательства, особенностями толкования правовых норм, методами анализа и разрешения проблем китайского права, а также рядом других вопросов юридической науки и практики в КНР. Оригинально и то, что "Введение" построено с расчетом дать читателю достаточно полное представление об истоках, особенностях формирования китайского права в дореспубликанский период, во времена правления Гоминьдана на территории континентальной части страны, а также после 1949 г.

Датой рождения права Китайской Народной Республики можно считать, как утверждает автор, 22 февраля 1949 г., когда ЦК КПК издал указание, согласно которому упразднялось "полное собрание шести законов Гоминьдана" и вводились "основы права освобожденных районов". Согласно ст.17 Общей программы Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), все законы, положения, правовые институты, в том числе унаследованные Гоминьданом в 1927 г. от предыдущего правительства (1912 - 1927), объявлялись окончательно утраченными силой (с.11).

В то же время было бы неправильным утверждать, что законодательная деятельность после провозглашения народной республики была начата с нулевой отметки вне связи с прошлым опытом и традициями, глубо-

ко коренящимися в китайском обществе. Так, положения, регулировавшие семейные отношения при Гоминьдане, были в основном учтены и в соответствующих разделах права КНР. Кроме того, как известно, на нормотворческую деятельность в Китае до 1949 г. большое влияние оказывало зарубежное право, в том числе немецкое. Эта тенденция прослеживается и после 1949 г. По мнению американского сиолога В.Джонса, нынешние "Общие принципы гражданского права" (12.04.1986 года) в КНР "также испытывают влияние немецкого гражданского права" (с.13). В части, касающихся норм, регулирующих систему воспитания, иные сферы права заметно американское влияние, а также юридической науки и практики других стран. Определенное воздействие зарубежного правоведения на нормотворческую деятельность в Китае признают сегодня и сами китайские ученые.¹

Кроме того, правовой порядок и нормы, существовавшие в период советской республики в провинции Цзянси (1931) и на территории, контролируемой КПК (Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся), также влияли и влияют на право КНР. Нельзя забывать и о том, что Китай имеет богатейшую историю и культуру, включая наработанные веками пути и способы разрешения правовых проблем, которые в свою очередь по многим показателям отличаются от западных моделей и образцов. Поэтому на современное китайское право оказывают существенное влияние представления и образ мышления, берущие начало еще во времена, предшествовавшие образованию централизованного китайского государства (221 в.до н.э.). Следовательно, современное право КНР является логическим продолжением предшествующей правовой культуры, отражающей многие особенности различных перио-

дов развития китайской цивилизации. И здесь, видимо, также справедливым будет утверждение о том, что чем дальше человек желает заглянуть в будущее народа, тем глубже он должен изучать его прошлое.

В Китае на протяжении веков высшим покровителем общественного порядка и центром власти (законодательной, политической и административной) являлся император - "сын Неба", в распоряжении которого находился огромный бюрократический аппарат. Таким образом, старое китайское право было прежде всего уголовным и административным правом, выполнявшим две основные функции: во-первых, объяснение и утверждение бесспорной власти императора, как представителя небесных сверхъестественных сил, над своими подданными (функция космо-социально-этического порядка) и, во-вторых, управленческая функция. Все полномочия законодательной власти были сосредоточены в руках императора, находившегося "над законом". В связи с этим верным было бы говорить о том, что в Китае существовало не "правление закона", а "правление с помощью закона".

Государство в Китае воспринималось как единая семья с императором во главе, а жители страны являлись в этой семье простыми ее членами, которых надлежало воспитывать, в том числе используя и наказание. Конфуцианство служило отражением китайского правового сознания, вытекавшего из представления о единстве космического и земного миров. Указанные обстоятельства, видимо, в какой-то степени объясняют большую близость правового мышления современных китайцев к таким понятиям, как "иерархия, автократия, наказание", чем к известным лозунгам "свобода, равенство, братство", в том смысле, как их принято толковать на Западе. В то же время, вряд ли, оправданы выводы автора о том, что именно "космическая предопределенность" социального порядка в сознании китайцев явилась одной из причин того, что в Китае в 1949 г. "было отдано предпочтение марксизму-ленинизму, а не западным идеям"

(с.25). На наш взгляд, причины этого находятся в иной плоскости, лежащей за пределами темы данной рецензии. В любом случае хороший исторический фон общественно-политической жизни и правотворческой деятельности в Китае, приводимый автором с привлечением многих источников и примеров, способствует, как нам кажется, более рельефному восприятию и глубокому пониманию содержания и функционирования современной правовой системы в КНР.

При рассмотрении отдельных сфер китайского права обращается особое внимание на деятельность КНР в международном правовом пространстве, подчеркивается, что на территории страны признанные Китаем международные договоры пользуются приоритетом по отношению к национальным законодательным актам. По состоянию на конец 1992 года КНР являлась участницей по меньшей мере 176 многосторонних соглашений и более тысячи двусторонних. В период с 1978 по 1993 годы Китай заключил со 117 странами соглашения о культурном сотрудничестве и на конец 1991 г. имел межправительственные соглашения о научно-техническом сотрудничестве с 57 странами. Подписание соглашений осуществляется Китаем на основе принятого им 28 декабря 1990 г. Закона о процедуре заключения соглашений (с.44).

Однако важно отметить, что Китай не считает себя связанным теми положениями международных договоров, в отношении которых имеется сделанная Пекином оговорка на основе ст.19-23 Венского соглашения от 23 мая 1969 г., к которому Китай официально не присоединился, но который на практике им в основном соблюдается. На наш взгляд, заслуживают внимания случаи, в которых Китай прибегает к применению оговорок в отношении международных правовых документов. Такие возникают, во-первых, если положения документа ставят Китай в подчинение Международного суда; во-вторых, если нарушается суверенитет страны (например, тайваньская проблема) или причиняется ущерб ее населению; в-третьих, если положения

документа противоречат важной норме китайского права или ограничивают сферу применения последнего. Видимо, практика использования таких оговорок представляет интерес и с точки зрения защиты российских интересов при соблюдении положений международных договоров, в том числе заключенных установленным порядком между РФ и КНР.

При анализе международного частного права автор книги обращает внимание на трактовку китайской стороной принципа равенства и взаимной выгоды при заключении международных договоров и соглашений. Так, она считает, что смысл и содержание, которые вкладываются представителями западных стран в указанный принцип, являются дискриминационными применительно к развивающимся странам, стартовые позиции которых значительно отличаются от высокоразвитых государств. В связи с этим при заключении договоров принцип равенства и взаимной выгоды должен, по мнению китайского законодателя, предусматривать определенные льготы для развивающихся стран, к числу которых Китай относит и себя, с тем, чтобы помочь "преодолеть противоречия между различными общественными системами" и уровнем экономического развития (с.46).

В книге относительно подробно раскрывается участие КНР в договорах, относящихся к сфере международного частного права, показано достаточно серьезное представительство страны в этой области, что призвано в конечном счете облегчить вхождение Китая в международное сообщество по различным направлениям, включая прежде всего экономическое сотрудничество. Например, на середину 1994 г. только по линии защиты инвестиций Кигай имел соответствующие соглашения с 50 странами мира (с.47).

Важное место в своей работе автор отвел рассмотрению китайской конституции и правовым документам, регламентирующим государственное и общественное устройство в Китае. Примечательно в этой связи, что очередное принятие такого важного документа, каким является конституция

страны, оценивается вполне справедливо как определенное изменение линии партии во внутренней и внешней политике государства. Так было с уже упоминавшейся Общей программой НПКСК (принята 29 сентября 1949 г. на правах временной Конституции) и последующими конституциями, которые были утверждены соответственно в 1954, 1975, 1978 и 1982 годах. Эти обстоятельства позволяют сделать по крайней мере два вывода: во-первых, на практике главным неформальным законодателем в Китае выступает КПК, осуществляющая руководство китайским народом в деле построения социализма с национальной спецификой, и, во-вторых, после 1982 г. в КНР пока не наблюдалось кардинальных изменений в политическом курсе. В то же время определенные поправки и добавления в основной закон страны вносились (например, в апреле 1988 г. и в марте 1993 г.), что было продиктовано объективными потребностями, вытекавшими из процесса реализации политики реформ и открытости. С учетом данных выводов автором было уделено значительное внимание анализу некоторых сторон "китайского марксизма" (с.207-229), политической линии КПК, "шестнадцати методов", используемых в китайском праве для изучения и разрешения проблем (с.230-288). По мысли автора, такой подход способствует более правильному пониманию реалий, позволяет взглянуть на действительность, включая законотворческую деятельность, через "китайские очки".

Представители зарубежных деловых кругов обращают внимание на то, что применительно к китайской экономике действует так называемый "правовой дуализм", суть которого состоит в существовании некоторых расхождений в законодательном регулировании экономического развития внутри страны и деятельности, связанной с иностранным капиталом и внешней торговлей. Источниками такой двойственности являются плановая централизованная экономика Китая, с одной стороны, и относительная либерализация инвестиционного сотрудничества с зарубежными партнерами, - с другой.

Предполагается, что "правовой дуализм" должен быть со временем ликвидирован, ибо он препятствует вхождению Китая в ГАТТ (ВТО), создает сложности в экономическом развитии страны.

Другая особенность, на которую обращает внимание автор книги, связана с тем, что китайское право действует на огромной территории страны, имеющей самое большое население в мире. Это обуславливает наличие и действие в определенных районах нормативных актов, которые могут порой существенно отличаться от общенациональных норм. Например, профессор юридического факультета университета в Гуанчжоу Дуань Мучжэн еще в начале 1987 г., видимо не без оснований, утверждал, что в провинции Гуандун "положения, регулирующие внешнюю торговлю, значительно отличаются от общенациональных норм в данной области". В Шанхае на начало 1990 г. действовало свыше 30 нормативных документов, регулирующих отношения китайских юридических лиц с зарубежными партнерами. На острове Хайнань к марту 1992 г. действовало 145 таких норм. В результате, с правовой точки зрения, по словам американского синолог-правоведа Стэнли Лабмэна, применительно к КНР можно говорить "не об одном, а о нескольких Китаеях" (с.165). Иногда в отдельных регионах КНР действуют законы, которые позже приобретают характер общенациональных. Все эти обстоятельства в своей совокупности имеют, на наш взгляд, важное значение прежде всего для иностранных бизнесменов, предпринимателей, иных лиц, налаживающих деловые связи с китайскими партнерами, что требует хорошего знания регионального и общенационального законодательства в Китае.

Общее руководство и контроль за работой юридических институтов и правотворческой деятельностью в Китае осуществляет Политико-юридическая комиссия ЦК КПК, возглавляемая в настоящее время председателем Верховного народного суда КНР Жэнь Цзяньсинем. Разработкой важнейших государственных норма-

тивных актов занимаются в структуре ВСНП созданный в 1979 г. комитет по правовой работе (фачжи гунцзо вэйюаньхуэй), а в структуре Госсовета - правовое управление (фачжи цзюй), действующее с 1982 г., и в которое в 1986 г. влился существовавший при правительстве центр экономических и правовых исследований (цзинцзи фагуй яньцзю чжунсинь). Для непосредственной подготовки правовых документов указанными подразделениями могут дополнительно создаваться специальные комиссии, проводятся исследования соответствующих зарубежных документов и опыта, осуществляются опросы специалистов и населения, консультации с регионами и различными инстанциями. В результате процесс подготовки и принятия закона может занимать значительный промежуток времени. Нередко он затягивается из-за сложностей и внутривластных обстоятельств. Так, от первого проекта Гражданского кодекса КНР в 1954 г. до его принятия в апреле 1986 г. прошло 32 года, а между первым проектом Уголовного кодекса КНР (УК) в 1956 г. и его принятием в июле 1979 г. разрыв составил 23 года, в течение которых было подготовлено в общей сложности 35 вариантов этого документа (с.60). Органы юстиции КНР состоят из народных судов и народных прокуратур, высшими инстанциями которых являются соответственно Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура. Низовыми звеньями юстиции в Китае, как считает автор, являются так называемые народные примирительные комиссии, деятельность которых регулируется специальными Положениями от 17 июня 1989 г. Производительность этих комиссий достаточно высока. Так, с 1980 по 1984 год они рассмотрели примерно 35,7 млн различных споров, что в десять раз больше того, что было рассмотрено народными судами нижней ступени (уезды, автономные уезды, города, городские районы) (с.66). Деятельность примирительных комиссий контролируется народными судами.

Гражданские дела, касающиеся иностранцев на территории Китая, согласно Гражданскому процессуальному

кодексу от 9 апреля 1991 года (ст.19, 243) относятся к компетенции народных судов средней ступени (суды провинциальных округов, городов провинциального (автономного района) подчинения, автономных округов. На конец 1992 г. в Китае насчитывалось 338 таких судов) (с.67). Помимо указанных судов средней ступени к ним также относятся специальные суды на железнодорожном транспорте, военные суды, а также суды по морским делам, которые с 1984 г. действуют в городах Шанхай, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Далинь, Циндао, Ухань, Сямынь, Нинбо, Хайкоу. Учитывая, что в Китае существует система двух инстанций рассмотрения гражданских и уголовных дел, народные суды средней ступени выступают в таких случаях в качестве судов первой инстанции, тогда как решение вышестоящего суда, в качестве судебного органа второй инстанции, является окончательным и дальнейшему обжалованию не подлежит.

Характерно, что уголовно наказуемые деяния на территории КНР приводятся не только в УК КНР, но и в других специальных законах. Так, в Законе о государственной безопасности КНР от 22 февраля 1993 г. к числу таких преступлений относят заговор с целью свержения правительства, уничтожение социалистической собственности, выведывание, кража, продажа государственных секретов, склонение или подкуп государственных служащих с целью совершения ими предательства, акты саботажа, наносящие ущерб государственной безопасности (ст. 4). При этом в Китае действует ста-

рая традиция, согласно которой признание обвиняемого является достаточным основанием для его привлечения к уголовной ответственности (ст.63 УК КНР). Нельзя обойти вниманием замечание автора о том, что при наличии спорных моментов и противоречий в толковании какой-либо нормы действительную силу закона имеет только китайский текст данной нормы. Это объясняется существованием порой ряда неточностей ивольной интерпретации на иностранных языках оригинальных китайских текстов законов (с.171).

Книга Харро фон Зенгера представляет достаточно полную картину китайского права, где последние изменения в законодательстве, происшедшие в ходе осуществления программы "социалистической модернизации" Китая, излагаются на фоне интересных исторических аспектов данной темы. Без сомнения заслуживают внимания солидный фактологический материал, примеры из юридической практики иностранцев на территории КНР. Несмотря на то, что некоторые положения (анализ основ марксистско-ленинской теории, исторического и диалектического материализма, природы компартии) не представляют особого интереса для российского читателя, хорошо знакомого с данными вопросами из собственной практики, труд автора помогает глубже осмыслить путь, уже пройденный китайским законодательством, и является хорошим подспорьем для научных и практических работников, которые интересуются правом Китайской Народной Республики.

А.А. Маслов. Небесный Путь боевых искусств. Духовное искусство китайского ушу. Изд-во "Текс". СПб, 1995. 491 С.

Выход в свет новой книги известного знатока китайского ушу А.А.Маслова сигнализирует о том, что первое поколение отечественной литературы об этом экзотическом предмете - поколение брошюр и дешевых книжек в бумажных обложках - отжило свой срок. Превосходно изданный солидный том в красочной глянцево-обложке и множеством иллюстраций явно призван задать образцы для научного исследования этого интереснейшего феномена китайской традиции, который автор с присутствием ему пафосом именует "глобальной метафорой императорской цивилизации" Китая.

А.А.Маслов самым решительным образом отмежевывается от всего, что было написано на эту тему прежде, называя работы своих предшественников и в России, и на Западе "традицией писаний-выдумок". (Любопытно, что в соавторстве с одним из "выдумщиков", А.А.Долиным, им была когда-то издана книга об ушу.) Попутно он прерывает еще одну традицию научного сообщества: не слишком хвалить самого себя. Он просит у читателя извинения за "сверхширокое использование источников" и предпосылает книге отзыв настоятеля Шаолинского монастыря Дзэяна, где ее автор назван "выдающимся российским интеллектуалом, подготовившим блестящий труд". (Остается только удивляться, каким образом китайский монах из глухой провинции смог так быстро оценить достоинства пятисотстраничного труда на русском языке.)

Естественно, вся книга написана безапелляционным тоном, почти не допускающим серьезной полемики. Между тем даже западная литература об ушу сегодня далеко не ограничивается сочинениями Хаберзенера или Смита. Имеются и книги, написанные профессиональными синологами: превосходная монография о Тайцзицюань Катрин Деспё, докторская диссертация о "внутренних школах" бельгийца Дэна Веркоммена, целый ряд работ американских авторов, среди них Лю Да и Чжэн Маньцзюна, которые, как их ни оценивать, являются признанными мастерами Тайцзицюань. Я не говорю уже о широком потоке китайской

литературы, в котором встречаются работы серьезных и компетентных авторов. Многие проблемы истории и философии ушу трактуются в этих трудах совсем иначе, чем в рецензируемой книге. Нежелание автора вступать в дискуссию по спорным вопросам ушу (а их множество) не только обедняет его книгу, но и создает искаженное представление о предмете его исследования.

Рискну предположить, что этот призрак скандала, витающий на страницах серьезного труда, равно как и декларации автора о состоявшемся, наконец, прорыве в понимании ушу, и все изыски оформления объясняются не столько авторскими амбициями, сколько соображениями куда более прозаическими: в нынешних условиях книгу нужно первым делом продать. Той же цели служит и витиеватое, хотя и не слишком вычурное название книги, и приписка на ее лицевой обложке: "полная энциклопедия ушу", что не соответствует ни содержанию, ни даже форме книги, написанной в добром старом жанре научной монографии. Остается только посочувствовать нашим талантливым молодым ученым, вынужденным сегодня работать на личном энтузиазме, за свой счет ездить в научные экспедиции, а потом торговать своей продукцией при, так сказать, "благоклонном нейтралитете" научно-административных инстанций.

Но вернемся к интересующей нас монографии А.А.Маслова. Она в самом деле поражает грандиозностью авторского замысла и широтой охвата проблематики ушу. Оглавление книги дает лишь смутное представление о трактуемых в ней вопросах, и это не удивительно, поскольку мы имеем дело с всеобъемлющей духовно-предметной практикой, пронизывающей все области культуры и знания китайцев. Все же большая часть книги посвящена истории боевых искусств Китая, и эти разделы исследования наиболее удачны. Особенно ценными представляются мне главы о развитии ушу в Шаолинском монастыре, где использованы уникальные материалы из монастырских архивов и новейшие публикации текстов о боевом искусстве так называемых "шаолинских стилей" ушу. Подробно и аргументированно изложена исто-

рия становления вышедших из боевого искусства Шаолиньского монастыря "южных школ" ушу, уданских и эмэйских школ, а также история боевого искусства у некоторых нектитайских народностей, в частности мусульман Китая. Меньше внимания уделено классическим "внутренним школам" ушу - Тайцзицюань, Синьцзицюань, Багуачжан. Возможно, это объясняется тем, что А.А. Маслов опубликовал отдельную книгу о теории и практике Синьцзицюань.¹ Зато история ушу в XX в. в том числе отношения между школами ушу и народными сектами, ушу и государством, освещена очень подробно. Большая заслуга А.А. Маслова состоит в том, что ему удалось показать всю деликатность и даже напряженность отношений между миром традиционного ушу, с одной стороны, и официальными властями - с другой. Без преувеличения можно сказать, что в этих отношениях отобразились глобальные коллизии традиционной китайской цивилизации. Хорошо раскрыта в книге и острота (большей частью внутренняя, приглушенная официальной пропагандой) противостояния традиционных школ ушу и их модернизированных форм, служащих современной национальной идеологии или мифам общества потребления. А.А. Маслов, по-моему, совершенно справедливо утверждает, что модернизация ушу в КНР означает, по сути, разложение самого ядра традиционной культуры Китая. Вопрос в том, может ли традиция, столь блистательно представляемая старыми школами ушу, стать частью современной, планетарной по своему характеру, цивилизации или ей суждено тихо отойти в небытие? Этот вопрос, на мой взгляд, с течением времени будет приобретать все большую остроту.

В книге рассматривается и много других проблем, имеющих отношение к истории ушу: влияние архаических ритуалов и празднеств, театра и городских зрелищ на развитие боевых искусств, технические аспекты последних, традиционные виды оружия, применявшиеся мастерами ушу, основы военной мысли, в том числе знаменитые "Тридцать шесть приемов" военного искусства, даосская практика совершенствования, влияние тайных обществ и народных синкретических сект на развитие ушу и многое другое. Впервые в нашей литературе анализируются стили ушу, удачно названные А.А. Масловым "подражательными", т.е. стили, основывающиеся на подражании повадкам определенных животных и птиц. Кроме того, в исследовании предложены

четкие и убедительные критерии различения школ и стилей ушу.

Превосходное знание фактического материала позволило автору нарисовать полную и достоверную картину традиционных боевых искусств в Китае. К сожалению, в монографии крайне слабо представлен источножиковедческий аспект: почти совершенно отсутствует характеристика источников - как текстологическая, так и жанровая - и даже обычные ссылки на югтайские тексты встречаются гораздо реже, чем хотелось бы. А между тем литературное наследие традиции ушу обширно, очень своеобразно и к тому же абсолютно неизвестно неспециалистам. Многие положения книги кажутся мне далеко не бесспорными, но дискуссия по частным вопросам в рамках этой рецензии и невозможна, и неуместна. Важнее подчеркнуть, что речь идет не только о научной аккуратности. Особенности письменного и устного предания ушу требуют и особой методологии исследования, ибо речь идет о свидетельствах неизъяснимого мистического опыта. Почему предание ушу - это всегда миф? Что означает техницизм традиционного языка ушу? Эти вопросы настоятельно требуют хотя бы предварительного ответа, в противном случае количественное наращивание фактического материала не поможет нам лучше понять природу ушу как особого - в известном смысле фундаментального - феномена китайской традиции. К сожалению, исторический угол зрения, избранный автором, не слишком благоприятствует плодотворной разработке теоретических проблем культуры. А в результате изложение в книге движется как бы скачками между гиперкритическим подходом, разоблачением всевозможных "домыслов" и пустых "тайн", окутывающих традицию ушу, и новым утверждением традиционного мифа ушу - этой, как выражается автор, "символической ритуальной мистерии духа" (с.36), "мистерии движения гармонии духовного и космического" (с.370). Сам того не замечая, автор часто оказывается в плену традиционной парадигмы безоговорочного утверждения или отрицания, строгого разделения посвященных и профанов. И ушу попрежнему остается "мистерией"...

Отмеченный изъян или, скажем мягче, непроработанность методологии (кстати, никем еще не созданной) становится еще более ощутимым на уровне теоретических обобщений. К примеру, А.А. Маслов подробно, хотя и не исчерпывающим образом, анализирует традиционное деление школ

ушу на "внутренние" и "внешние" и приходит к выводу о том, что эта оппозиция имела своей основой не эмпирическую действительность, а мировоззренческие установки традиции. Но оценка этого факта китайской традиционной культуры требует, очевидно, совершенно иного подхода к проблеме и методики исследования. То же относится и к понятийному каркасу традиции ушу, анализ которого является, пожалуй, наиболее слабым местом в книге. Здесь автор ограничивается беглыми характеристиками основных понятий ушу, даже не пытаясь выявить структурные отношения между ними или устранить путаницу в определениях. Для примера сошлюсь на трактовку А.А.Масловым понятия формы. На с.34 сообщается, что в Дао "исчезает вообще понятие формы"; тут же говорится о том, что реальность "неотторжима от изначальных форм"; еще через три строки говорится без всяких пояснений о том, что в даосской мысли "символизм форм должен обнажить абсолютную глубину внутренних образов", после чего мы читаем, что "истинная форма проста, надо лишь поверить в то, что она действительно существует". Мудрено будет читателю, тем более неискушенному в философии, продрагаться сквозь эту мыслительную кашу. К тому же А.А.Маслов определяет ушу как "метаформу", которая есть "форма, постоянно выходящая за собственные границы и сливающаяся со всей культурой" (с.20). Должен признаться, что смысл этого определения остался мне недоступен, к тому же сам термин "метаформа" вызывает ассоциации скорее с идеей "формы форм" у Аристотеля, нежели с даосским представлением о "без-образном образе". Еще один показательный пример: на с. 22 даосский термин "чжэнь" толкуется как "предсостояние", и тут же автор поясняет, что речь идет о "высшем истинном состоянии души". Каким образом предсостояние может быть "истинным состоянием" и что такое душа в китайском понимании А.А.Маслов не разъясняет. А ведь речь

идет о хорошо известных науке парадоксах мистического опыта, которые, на мой взгляд, вполне разрешимы в свете концепции "символической реальности"².

Немало претензий можно предъявить и к языку книги, перегруженного какими-то странными выражениями вроде: "чеканный материализм" (с.18), "праздник внутренней жизни" (с.96), "почти эфемерная перегорodka" (с.13), "трагедия в ритме мажор" (с.470), "запредельный персонаж" и т.д. Есть в книге и ошибки, и неточности, которых не имеет права допускать профессиональный китаевед. Так, тезис о решающем влиянии неоконфуцианства на "внутренние школы" ушу обосновывается ссылкой на конфуцианскую природу понятий Беспредельного и Великого Предела (с.199). Но ведь хорошо известно, что "Разъяснение карты Великого Предела" было заимствовано Чжоу Дуньи у даоса Чэнь Туаня, а сама карта восходит к даосскому трактату "Цань тун ци". Термин "гошу" - букв. "государственное искусство" переводится почему-то словосочетанием "национальное искусство", ученый Чэн Миндао назван Мин Тао (с.36), Г.Джэйлс перепутан с В.Эберхардом (названным Гербертом), возникновение традиции "чистых бесед" отнесено к эпохе Тан (правильно - Ш в.), на с. 371 перепутаны значения терминов хунь и по и т.д. И в конце - замечание по поводу иллюстраций: значительная часть их помещена без подписей или является плодом фантазии современных китайских художников. И то, и другое, по существу, превращает иллюстративный материал в "картинки" для несведущих читателей.

Итак, если говорить в целом, монография А.А.Маслова закладывает прочные основы для развития будущей ушу-логики. Она не дает окончательных ответов на сакраментальный вопрос: "Что же такое ушу?", но она позволяет, наконец, правильно поставить вопросы научного изучения традиционных институтов китайского ушу. В этом заключается немаловажная заслуга А.А.Маслова.

1. См. А.А. Маслов. Синъицунань: единство формы и воли. М., 1994.
2. См. В.В.Малявин. Традиция "внутренних школ" ушу. М., 1993., с. 6 м сл. м сл.

А.В.Торкунов, Е.П.Уфимцев. Корейская проблема: новый взгляд. Издательский центр "Анкил", Москва, 1995. 255 стр.

В начале 90-х годов корейская проблематика стала предметом постоянного внимания и повышенной дипломатической активности великих держав и их руководителей. Кардинальные изменения в геополитическом и региональном балансе сил, вызванные распадом СССР, на корейском "участке" имели, на мой взгляд, два основных последствия. Первое связано с тем, что в настоящее время оба корейских государства и их союзники активно пытаются - одни - закрепить на вновь завоеванных позициях, другие - не утратить хотя бы того, что еще удалось сохранить. Второе же состоит в продолжающемся процессе переосмысления новейшей истории Кореи, главным образом благодаря новым фактам и архивным материалам, открытым в России, и в появлении новых оценок уже хорошо известных исторических событий.

Монография известных российских востоковедов-политологов А.Торкунова и Е.Уфимцева представляет собой первую в отечественной научной литературе попытку по-новому, с учетом вышеназванных обстоятельств, взглянуть на одну из самых "старых" и сложных международных проблем, какой, бесспорно, является корейская, дать изложение ее возникновения и развития, а также проанализировать нынешнюю ситуацию в Корее и на этой основе предложить, хотя бы в самых общих чертах, свое видение перспектив урегулирования в Корее и места России в этом процессе. Для этого авторы обратились к анализу двух основных аспектов проблемы - собственно внутрикорейского, т.е. отношений между двумя корейскими государствами, и международному - корейской политике четырех крупнейших держав, исторически вовлеченных в корейские дела - СССР, США, Китая и Японии.

Пожалуй, одним из главных достоинств книги является стремление авторов впервые дать систематизированное критическое осмысление советской и российской политики в Корее начиная с 1945 г., когда было положено начало расколу страны, и кончая ролью России в урегу-

лировании нынешнего кризиса на полуострове, вызванного характером ядерной программы КНДР.

Авторы признают, что устоявшиеся в советской исторической науке штампы по поводу причин раскола Кореи "не отражали объективно складывавшуюся в тот период обстановку". Реальность была такова, что "СССР и США, находясь в состоянии острого военно-политического противоборства, не стремились найти общего подхода к решению корейского вопроса и делали со своей стороны все, чтобы расколоть Корею, создать на Севере и Юге полуострова государства, которые ориентировались бы, соответственно, на Москву и Вашингтон."

Наивысшим пиком конфронтации Республики Корея и созданной тремя неделями позже, в 1948 г., КНДР стала Корейская война 1950-1953 г.г. Соглашаясь с одним из ведущих российских корееведов М.Н.Паком в том, что к войне готовились обе корейские стороны, авторы на основе ставших в последнее время доступными архивных материалов анализируют эволюцию позиции сталинского руководства в отношении планов Ким Ир Сена силой объединить страну. Причины изменения позиции Сталина, первоначально выступавшего против идеи северокорейского лидера военным путем решить эту проблему, а затем согласившегося с планами Пхеньяна "освободить" Юг, они видят в неправильной оценке советским лидером последствий изменений в международной обстановке, вызванных победой китайской революции и созданием ядерного оружия в СССР. Одобрение замыслов Ким Ир Сена Мао Цзэдуном стало, возможно, последним толчком к развязыванию конфликта.

"Уроки Корейской войны со всей очевидностью продемонстрировали, что путь к урегулированию обстановки на Корейском полуострове нужно искать исключительно на основе диалога, переговоров, а не силовыми, военными методами," пишут авторы. Увы, и поныне практически все прямые участники той кровопролитной войны далеко не всегда го-

товы руководствоваться этим выводом в своей практической политике.

В монографии убедительно показывается, что в послевоенный период, вплоть до начала 70-х годов, каждая из двух корейских сторон "отстаивала только свои предложения и отказывалась обсуждать инициативы другой, искать компромиссы," стремясь при этом возложить ответственность за это на другую сторону, активно эксплуатировали это обстоятельство во внутренней политике.

Не хватало последовательности и в подходе советской дипломатии к корейской проблеме. Решив придерживаться весьма важного положения о том, что объединение Кореи должно произойти на мирной, демократической основе, СССР вместе с тем не смог развить и применить на практике выдвинутый и одобренный в Заявлении Советского правительства от 7 декабря 1960 г. и обещавший быть чрезвычайно плодотворным тезис о том, что к тому времени было "нельзя не считаться с тем, что на Корейском полуострове сложились по существу два государства с различным политическим и экономическим строем." К тому же этот реалистический шаг не получил поддержки со стороны США и их союзников, что в конечном итоге и предопределило продолжение конфронтации между между КНДР и РК.

В 70-80-х годах в советском подходе к корейскому вопросу следует, по мнению авторов, различать два этапа: первый - 1970 г.- вторая половина 1988 г., когда политика СССР ограничивалась "исключительно поддержкой" линии КНДР по объединению страны - "практически все" предложения Пхеньяна, разумеется за исключением военного пути, получали, по крайней мере публично, одобрение Москвы. Нельзя не согласиться с авторами в том, что "вообще политика СССР в отношении корейской проблемы была вялой, шла, как правило, в фарватере линии" Пхеньяна, внешняя политика которого в этот период была "далеко не безупречной ни с международно-правовой точки зрения, ни в смысле ее реалистичности и нравственности".

Одним из самых негативных последствий такого подхода явилось игнорирование нами в течение продолжительного периода существования второго государства на Корейском полуострове - РК, что, как признают авторы, "наносило ущерб

авторитету СССР как великой державы, ослабляло наши позиции в АТР, фактически устраняло нас от активного влияния на процесс корейского урегулирования."

Анализируя позиции двух корейских государств по проблеме объединения в 70-80-е годы, авторы обращают внимание на то, что несмотря на некоторое нарастание конструктивных элементов в предложениях сторон, ни та, ни другая не желала пойти навстречу друг другу, а по-прежнему стремилась навязать собственную программу. Они разделяют мнение многих зарубежных специалистов о том, что "хотя Пхеньян и Сеул говорят об объединении как о главной цели, они стремятся добиться превосходства друг над другом. Поэтому большинство предложений по объединению выдвигается с намерением поставить другую сторону в невыгодное положение, заставив ее тем самым немедленно отвергнуть это предложение."

Монография знакомит читателя с некоторыми интересными, а порой и драматичными эпизодами той политической и дипломатической борьбы, которыми был отмечен второй этап советской политики в Корею в этот период. Основным его содержанием стала нормализация отношений с РК, дипломатические отношения с которой были установлены 30 сентября 1990 г. Если на внешнеполитической арене СССР пришлось выдержать ожесточенное противодействие лидеров КНДР, которые в принципе выступали против такого шага, то внутри страны имелись серьезные расхождения по поводу темпов и методов решения этой задачи. Нормализация советско-южнокорейских отношений, подчеркивается в исследовании, "открыла новые возможности для советской политики на Корейском полуострове" и "отвечала национально-государственным интересам СССР."

Авторы обращают внимание на то, что идя на этот шаг, в Кремле учитывали и встречные усилия тогдашней южнокорейской администрации, которая рассматривала установление отношений со странами социализма в качестве "важного элемента урегулирования корейского вопроса" и надеялась, что такие связи укрепят международный авторитет РК, ослабят ее зависимость от США и Японии, помогут преодолеть нарастающие трудности в острой конкурентной борьбе с монополиями этих стран.

В целом РК сумела извлечь для себя больше выгод, чем КНДР, из перемен, произошедших в мире на пороге 90-х годов. Она сумела установить дипотношения с двумя главными союзниками КНДР - СССР и Китаем, в то время как США и Япония не пошли на аналогичный шаг в отношении Пхеньяна, вынудить КНДР согласиться на одновременное вступление двух корейских государств в ООН, что в международно-правовом отношении завершило процесс оформления на Корейском полуострове двух самостоятельных корейских государств.

Характер межкорейских отношений в этот период можно определить, по мнению авторов, как "конфронтацию в условиях диалога". В конце 1991 года Север и Юг подписали два крупных политических документа: Соглашение о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве и Декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова, однако так и не смогли найти путей практической реализации достигнутых договоренностей. В Северной Корее понимали, что РК, идя на заключение соглашений с КНДР, преследовала цель подготовить объединение Кореи по германскому образцу. Южная Корея и ее союзники, прежде чем согласиться на развитие столь нужных Северу после "потери" СССР экономических связей, требовали полного выяснения характера ядерной программы КНДР и подключили к оказанию соответствующего давления МАГАТЭ. В условиях почти полной международной изоляции КНДР пошла на беспрецедентный шаг, объявив в марте 1993 г. о намерении выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия.

Решение Пхеньяна использовать ядерную карту авторы связывают прежде всего с ослаблением внешнеполитических позиций КНДР после распада СССР, стремлением добиться более выгодных условий в диалоге с Сеулом.

В монографии обращается внимание на то, что хотя южнокорейское руководство в своей внешней политике "продолжает ориентироваться" на США, ядерный кризис выявил и противоречия между Вашингтоном и Сеулом по корейской проблеме. В частности в РК стали осознавать "бесперспективность и даже опасность" следования силовому американскому сценарию, который чреват опасностью возникновения конфликта, жертвами которого окажутся корейцы как на

Севере, так и на Юге. В Сеуле стали склоняться к более умеренному подходу и уступкам.

Авторы приходят к выводу, что расчет Сеула на быстрое решение корейского вопроса по "германскому сценарию" не оправдался. Во-первых, РК не выдержит такой вариант экономически, а во-вторых, северокорейская политико-экономическая система оказалась более прочной, чем ожидали в Сеуле, и не рухнула даже после смерти Ким Ир Сена.

Подытоживая позиции двух корейских сторон, исследователи приходят к выводу, что они не только "не готовы," но и судя по всему "не хотят" идти на серьезные шаги по урегулированию двусторонних отношений. В КНДР опасаются, что это приведет к подрыву "корейского социализма", на Юге же считают, что Север не отказался от замыслов "революционизирования" южнокорейского общества и свержения режима.

Большое место в монографии отведено анализу политики Китая, США и Японии в отношении Кореи после 1945 г., однако наибольший интерес у читателя, вероятно, вызовут некоторые оценки, относящиеся к сегодняшнему дню. Картина, вырисовывающаяся на ее страницах, хотя и малоутешительна для "романтических" демократов, но зато гораздо ближе к суровой реальности, чем к розовым мечтам о "партнерстве", и, следовательно, может помочь и выработке правильных оценок и практического курса российской дипломатии в АТР и в Корее, в частности.

Во-первых, воспользовавшись распадом СССР, США "стремятся закрепить свой монополизм на мировой арене, усилить влияние в стратегически важных районах мира", в том числе "усилить свое военно-политическое присутствие" в АТР.

Во-вторых, взяв на себя "особую ответственность" за урегулирование региональных проблем стремится и Япония, опираясь на свою возросшую экономическую мощь.

В-третьих, не упустить шанса упрочить свои позиции в АТР в период ослабления России пытается и Китай, активно наращивающий свой военный потенциал.

По мнению авторов, Китай наиболее умело по сравнению с другими великими державами проводит взвешенную политику в Корее, стремясь поддерживать нормальные контакты с обеими корей-

скими государствами. Достижение единства Кореи с точки зрения долговременных интересов не устраивает Пекин, опасаящийся появления сильного динамично развивающегося государства в сфере своего традиционного доминирования. По этой же причине и Токио стремится к утверждению на полуострове двух самостоятельных государств, что открывает возможности для нормализации северо-корейско-японских отношений.

Что же касается США, то несмотря на определенный прогресс в отношениях с КНДР, выразившийся в налаживании контактов по официальным каналам и подписании ряда совместных документов в ходе урегулирования ядерного кризиса, политика Вашингтона "в любом случае...будет иметь целью добиться крушения северо-корейского режима." Однако реализовать эту задачу США хотели бы в рамках контролируемого процесса.

В лице же России, по крайней мере на начальном этапе самостоятельной деятельности российской дипломатии, США нашли партнера, который "утратил собственный подход к решению корейского вопроса и фактически занял позицию, ориентированную на США," вполне доказательно утверждает в монографии.

Одним из практических следствий такого подхода стало практическое свертывание отношений с КНДР. Авторы подробно останавливаются как на объективных причинах этого процесса, так и указывают на явную "противоречивость, граничащую с некорректностью" российской дипломатии по такой, например, крупной проблеме, как унаследованный Россией от СССР договор с КНДР о дружбе сотрудничестве и военной помощи.

В целом продолжение тенденции

ухудшения отношений с КНДР, считают они, чревато нежелательными последствиями для российских интересов в регионе, ограничивает возможности России влиять на развитие ситуации вблизи ее восточных границ.

Это тем более нежелательно, что, несмотря на провозглашенное конструктивное взаимодополняющее партнерство между Москвой и Сеулом, Южная Корея, как показывают факты, "надолго соориентирована на Вашингтон и оглядывается на него, когда идет на те или иные шаги в отношении России." Не следуют, считают авторы, также рассчитывать и на солидное экономическое содействие РК в решении российских проблем.

Подлинные российские интересы на Корейском полуострове, несомненно связаны с поддержанием нормальных, добрососедских и сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами и в перспективе и с единым корейским государством, которое Россия хотела бы видеть миролюбивым, демократическим, безъядерным и процветающим. Такая политика будет пользоваться уважением корейского народа на Севере и Юге, всего мирового сообщества и обеспечит авторитет России как великой миролюбивой державы, подчеркивают они в заключение.

Самые последние события, оставшиеся, по техническим причинам, связанным с подготовкой к изданию, за рамками этого обстоятельного исследования, дают основание с удовлетворением отметить, что эти идеи авторов к настоящему времени, похоже, не только приобрели статус, близкий к консенсусу в академических кругах, но и стали просматриваться в конкретных шагах российской дипломатии на корейском направлении.

М. Свейн. Китай: внутренние перемены и последствия для внешней политики. РЭНД. 1995

Доклад американского специалиста по военно-политическим вопросам Майкла Свейна "Китай: внутренние перемены и внешняя политика", увидевший свет в конце 1995 г., был подготовлен по заказу Министерства обороны США.

Труд американского синоведа отличает комплексный характер (кстати сказать, доклад представляет собой часть масштабного проекта "Переоценка Азии: региональные индикаторы и политика США", осуществляемого в течение многих лет на базе Исследовательского института национальной безопасности), и ставящего целью выявить взаимовлияние тенденций в политическом и военном руководстве, в обществе, в экономике и внешней политике КНР и на основе этого сделать выводы о том, как эволюция Китая отразится на интересах Вашингтона.

Майкл Свейн известен рядом интересных работ по военно-политическим и геостратегическим проблемам, касающимся Китая и АТР в целом¹.

К числу достоинств рецензируемой работы я бы отнес в первую очередь активное неприятие автором свойственной многим американцам идеи императивной необходимости изменения общественного строя в КНР, через призму которой рассматриваются и оцениваются все стороны китайской действительности. Более того, Свейн считает, что это не отвечало бы нынешним интересам США. По всей видимости, Свейн больше симпатизирует сторонникам конструктивного подхода к развитию двусторонних отношений между Вашингтоном и Пекином, что не могло не отразиться на общем духе доклада.

Ценность работы Свейна обусловлена еще и тем, что его взвешенные ответы на многие спорные вопросы касаются завтрашнего дня Китая.

Нельзя сказать, что беспрецедентно успешные реформы и экономический бум в Китае 80-90-х годов застал китаеведов врасплох. Но то, что многих это заставило по-новому взглянуть на Китай и даже где-то скорректировать свои представления о нем, - несомненно. А тут еще лавинообразный распад системы социализма, поражение компартий в странах Восточной Европы и СССР, эпидемия дезинтеграционных процессов и, наконец, окончание "холодной войны" и складывание новой мировой архитектуры. На этом фоне Китай показался многим "темной лошадкой", которая и "завезла" исследователей в противоположные стороны.

В последнее время на Западе стало модным делать сенсационные предсказания по поводу будущих успехов Китая². Еще в 1991 г. З.Бжезинский пророчил, что если общие тенденции развития Китая сохранятся, то к 2010 году КНР наряду с США, Японией и ЕЭС войдет в группу четырех крупнейших мировых экономических полюсов. Согласно прогнозу Ли Куан Ю, сделанному в 1992 г., через 50 лет ВВП КНР достигнет 8 трлн. ам.долл. и будет уступать только ВВП США.

В самом Китае также появилась целая серия футурологических публикаций, авторы большинства которых рисуют весьма радужные перспективы, ожидающие Китай в грядущем столетии³. Предлагаемые сценарии развития Китая сводятся к тому, что к 2010 году в стране будет в основном завершена реформа экономической системы, что позволит Китаю уже через 20 лет по уровню экономического развития догнать Германию, Францию и Великобританию и выйти на третье место в мире примерно к 2020 г.; К середине следующего века китайская экономика преподнесет очередной сюрприз: Китай обгонит Японию, а к 2090 г. превратится в крупнейшую мировую державу.

События на площади Тяньаньмэнь и последовавшая за этим полоса международной изоляции КНР породили более критический взгляд на характер китайских реформ и перспективы развития страны в целом. Акцентируя внимание на новых проблемах и трудностях, вызванных к жизни политикой реформ, ряд исследователей высказал предположение о том, что крах коммунистического режима неминуем, а единое государство распадается на глазах.

В последнее время в мире появилось множество противоречивых прогнозов развития Китая. Одни видят в нем новую сверхдержаву XXI века, в то время как другие предрекают скорый крах пекинского режима, развал "а-ля Советский Союз" и всеобщий хаос. Тогда как кто-то подсчитывает, через сколько лет Китай перегонит США, другие называют его "колоссом на глиняных ногах". Страну, рассматриваемую некоторыми как феномен стабильности, кое-кто уже представляет в пожаре гражданской войны.

Свейн фиксирует в современной китайской экономике ряд мощных, хотя и разнонаправленных, тенденций: сохранение высоких темпов экономического роста; децентрализация процесса принятия решений в экономической области; нарастание дисбаланса между доходами различных регионов и групп населения; снижение доли госсектора и объема поступлений в центральный бюджет на фоне растущей потребности в увеличении его расходной части; рост масштабов внешних торгово-экономических связей, ведущий к ускорению темпов интегрирования Китая в мировую экономику.

Анализ вышеуказанных тенденций приводит исследователя к выводу о том, что для продолжения реформы существуют как глубинные структурные стимулы, так и серьезные препятствия.

Вместе с тем отдельные заключения Свейна представляются не вполне обоснованными. Например, финансовая "импотенция" центра может, по мнению автора, достичь таких масштабов, что он якобы столкнется с большими трудностями в деле финансирования военных программ. Весьма дискуссионным является и вывод об усилении зависимости внутреннего роста и социальной стабильности от внешнеэкономического фактора.

Некоторые сомнения вызывает и тезис об усиливающейся тенденции политической, экономической и даже военной регионализации. Реально происходящая постепенная передача отдельных, несущественных полномочий центра местам трансформируется у Свейна в иллюзию, будто в целях получения большей самостоятельности периферия объединится и пойдет чуть ли не на открытый конфликт с Пекином. Свои интересы китайские провинции привыкли отстаивать, не объявляя войну центру.

Отмечая наличие центробежных тенденций и деликатность приближающегося момента передачи власти, американский китаевед, в отличие от многих своих коллег, в то же время предвидит гладкий переход власти в руки нового коллектива лидеров, которые, в силу своего большего прагматизма (здесь автор вводит удачный, на мой взгляд, термин "бюрократическая тех-

нократия”) и понимания необходимости единства, будут более солидарны в ключевых вопросах внутренней и внешней политики.

Анализ расклада политических сил в руководстве, ситуация в НОАК и высшем генералитете - явный “конек” Свейна. В этой связи несколько странно звучит трактовка некоторых аспектов взаимоотношений военных кланов и группировок. Так, автор утверждает, что основной причиной отстранения от власти Ян Шанкуня стал проводимый им крен в направлении политизации армии, что якобы было расценено военными как подрыв усилий, направленных на профессионализацию вооруженных сил. В действительности же клан Янов фактически узурпировал власть в армии и путем кадровой передвижки пытался изменить традиционный баланс между устойчивыми фракциями 2-й и 3-й полевых армий. Возвращение к командованию НОАК Лю Хуацина (2-я армия) и Чжан Чжэня (3-я армия) - это в первую очередь восстановление удовлетворяющего всех равновесия, по цепочке распространившегося и на места, а не индикатор исключительной благосклонности по отношению к офицерам-профессионалам.

Что же касается повышения роли военных после кончины Дэн Сяопина, то это представляется весьма вероятным, особенно учитывая планомерное и чрезмерное ограничение их вмешательства в политику за последнее десятилетие. Вопрос в степени влияния генералов: рассуждения на данную тему можно найти во всех разделах работы.

Наиболее цельной и убедительной является, как мне кажется, международная часть доклада, анализирующая варианты возможного влияния внутренних процессов на действия КНР вовне. На базе в высшей степени блестящей дефиниции внешнеполитических интересов Китая (например, акцентируется внимание на особом месте Японии в системе внешнеполитических и особенно внешнеэкономических приоритетов Китая, что в недалекой перспективе может оттеснить США на задний план) Свейн моделирует три сценария поведения Пекина на международной арене - два нежелательных и один благоприятный для Вашингтона и Запада в целом.

1. Резко агрессивный Китай, рвущийся к господству в регионе. Источником развития событий по этому сценарию служит совокупность следующих факторов: неизменно высокие темпы роста; сильное центральное правительство, обладающее солидными финансовыми резервами; вмешательство консервативных сил, особенно военных, в выработку политических решений.

Аналогичные результаты даст, как полагает Свейн, и сочетание высоких темпов с острым бюджетным кризисом, что может привести к усилению влияния армии и более враждебному поведению Китая.

Любопытно, что набор диаметрально противоположных факторов, согласно докладу, также вызовет консервативный перекокс во внешней политике. Эта альтернатива представляет собой второй сценарий, еще более опасный, подчеркивает автор, с точки зрения дестабилизирующих последствий.

2. Слабый, обороняющийся Китай, утративший ощущение безопасности и обеспокоенный проблемой предотвращения иностранной интервенции или социальных потрясений. Данная модель имеет следующие предпосылки: провал замысла плавной передачи власти и завершения программы реформ; неспособность обеспечить поступательный экономический рост; ограничение местного частного, ухудшение инвестиционного климата и бегство капиталов из КНР; усиление влияния военных.

Поведение других стран, отмечает Свейн, также способно провоцировать Пекин на неадекватную реакцию. В этой связи автор высказывает категорическое несогласие с рецидивами наращивания прессинга США в отноше-

нии КНР. Свейн - убежденный поборник линии на "вовлечение" Китая в диалог с внешним миром во всех областях, включая военные контакты. Предвидя постепенное усугубление "взаимных недомолвок и недопониманий" между Пекином и его партнерами по мере роста совокупной мощи КНР, автор предостерегает от попыток остракизма со стороны Запада. Напротив, он предлагает окружать Китай плотной сетью всевозможных каналов общения и влияния.

3. "Нормальный" Китай, нацеленный на расширение сотрудничества с Западом. Что необходимо для появления такого Китая? Успешное решение основных вопросов реформ и выход на стабильные темпы умеренного экономического роста; отсутствие дестабилизирующей борьбы за власть; приход к управлению государством команды радикальных реформаторов, бизнесменов от НОАК, прогрессивных военных и представителей частного капитала.

Примечательно, что, как подсказывают знание Китая и здравый смысл, ни один из вышеизложенных пунктов не имеет сколь-нибудь реальных шансов на осуществление в обозримом будущем.

В заключительном разделе доклада содержатся рекомендации американским политикам относительно того, как им строить свои связи с КНР. Свейн предлагает укреплять и расширять официальные и неофициальные контакты с Китаем, избегать экономических и дипломатических акций карательного характера против Пекина, всячески приглушать раздающиеся в обществе призывы к фундаментальным демократическим переменам в КНР, не пытаться влиять на исход борьбы за власть, поощрять активизацию двустороннего экономического сотрудничества, теснее координировать внешнеполитические усилия с региональными союзниками и друзьями (перечень стран не включает в себя Россию), сохранять нынешний уровень американского военного присутствия в Японии и Южной Корее.

Кстати, в настоящее время Майкл Свейн занят подготовкой нового доклада, содержащего более детальные рекомендации официальному Вашингтону относительно его китайской и азиатской политики. А нам остается лишь ожидать выхода нового аналитического труда талантливого американского синоведа в свет.

© 1996

*К. Барский,
кандидат исторических наук*

1. Michael D. Swaine "Chinese Regional Forces as Political Actors", in Richard H. Yafe et al. (ed.), *Chinese Regionalism: The Security Dimension*, Westview Press, Boulder Colorado, 1994;
2. Nicholas R. Lardy "China In The World Economic", Wash., 1994.
William H. Overholt "China: The Next Economic Superpower" NY 1993.
3. Сун Тайцин. "Чжунго шидай" ("Эра Китая: великое предсказание на XXI век"), Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1994;
"Цзайцзао Чжунго" ("Воссоздание Китая: тенденция развития Китая в предстоящие 100 лет"), Дачжун вэнь чубаньшэ, 1994, и т.д.

"Большой энциклопедический словарь Гонконга. Раздел Экономика". Гуанчжоу чубаньшэ, 1994, 1235 с.

Выход в свет этого весьма объемного издания - важное событие, которое привлечет внимание как специалистов-китаеведов, так и всех, кто интересуется различными аспектами китайской проблематики.

Работа над словарем осуществлялась в рамках программы подготовки к воссоединению Гонконга с КНР в 1997 г. Поэтому основной целью издания является фундаментальное освещение места и роли Гонконга в системе внешнеэкономических связей КНР на современном этапе, анализ политических и экономических предпосылок воссоединения, а также анализ и прогноз возможных социально-экономических последствий этого события. Авторы стремились раскрыть особенности формирования Гонконга в качестве особой экономической зоны, мирового финансового центра, а также показать его роль и значение в системе внешнеэкономических связей Китая и сделать это предполагалось через призму историко-политического и социально-экономического анализа.

Работа над словарем была начата в апреле 1991 г. благодаря усилиям издательства Гуанчжоу чубаньшэ, а в декабре 1994 г. она стала достоянием научной общественности. Ее тираж - 20 тысяч экземпляров. Словарь сразу же вызвал большой интерес, особенно среди специалистов, работающих по проблемам Гонконга, а также среди широкого круга читателей. Это и понятно, поскольку до 1 июля 1997 г. осталось совсем немного времени. Можно надеяться, что и российские синологи проявят к словарю интерес.

Интерес к Гонконгу понятен: Гонконг прошел путь от торгового порта до одного из крупнейших мировых центров современной экономической жизни. Особого всплеска этого интереса следует ожидать в связи с приближающимся возвращением Гонконга в "лоно родины".

Безусловно важными моментами в этой работе представляются анализ и оценка роли Гонконга в контексте проводимых Китаем преобразований, особенно в свете реализации "политики открытости внешнему миру", а также перспективы реализации концепции "одно государство - два строя", явления нового в современной международной жизни, не имеющее аналогов. Этот интерес подогревается и тем обстоятельством, что в Гонконге пересекаются финансовые интересы многих ведущих стран мира. Сохранение "жемчужины Востока в ее сияющем велико-

лепии" и после 1997 г. - это, следовательно, проблема не только китайская, но и международная.

Авторский коллектив словаря - свыше 40 человек, редакционный совет - 12 человек. Авторами многих статей являются научные сотрудники и преподаватели Университета им. Сунь Ятсена г. Гуанчжоу, других академических институтов. Возглавляет авторский коллектив главный редактор "Янчэнь ваньбао" ("Вечерний Янчэнь") Цао Гуньян, член президиума союза журналистов провинции Гуандун.

Представление об уникальности словаря дают следующие цифры: он содержит более 5 тысяч статей (свыше 3 миллионов иероглифов), занимающих 1235 страниц.

Словарь включает в себя предисловие издателя, введение, рекомендации пользования словарем, оглавление, содержательную часть, приложения, заключение, фотоиллюстрации и карту Гонконга.

Содержание словаря включает в себя следующие основные разделы: Краткий исторический очерк Гонконга; рыночная экономика; финансы; банковское дело; инвестиции; внешняя торговля; производство; рынок недвижимости и капитальное строительство; туризм; предпринимательство; сфера информационных услуг; транспорт и связь; коммунальное хозяйство; сельское хозяйство и рыболовство; горная промышленность; рынок труда и занятость; персоналии.

Здесь же приведены сведения о политико-правовом устройстве Гонконга, принципах управления, административном устройстве.

Практическое значение, на наш взгляд, имеет информация о политических партиях, а также об основных принципах формирования законодательной базы Гонконга.

Важное место занимает освещение вопросов, посвященных политике "Одно государство - два строя". В этой части изложены взгляды китайского правительства на организационно-правовые принципы функционирования Гонконга после присоединения его к континентальному Китаю в 1997 г., а также комментарии официальных совместных китайско-британских заявлений по Гонконгу.

Второй раздел посвящен рассмотрению основных теоретических принципов, на основе которых строится и функционирует экономика Гонконга. Анализируются основные формы государственного регулирования и

участия государственных институтов для повышения эффективности экономической системы. Использование различных теорий экономического регулирования рассматривается в историческом аспекте применительно к конкретным условиям Гонконга.

Особое внимания в этом разделе уделено правовому регулированию хозяйственной жизни Гонконга. Приводятся основные законодательные акты, на основе которых осуществляется правовое обеспечение хозяйственной деятельности. Из более чем 500 законодательных актов Гонконга почти 40% имеет отношение к экономической деятельности, большая часть из них соответствует общепринятым международным нормам.

Здесь же содержится перечень всех государственных и неправительственных институтов, в компетенцию которых входит участие в экономической жизни Гонконга, указаны их полномочия и основные функции.

В разделе "Финансы" рассмотрены основные принципы бюджетной политики, основные источники, образующие доходную часть бюджета, и основные расходные статьи, система управления бюджетом, аудиторский режим; даны определения основных понятий, таких, как "отчетный период", "финансовый год", "общественные фонды" и т.д.

Отмечается, что в послевоенный период высокие темпы экономического роста Гонконга были обусловлены правильно избранной финансовой политикой, основными составляющими которой были: отказ от дефицитного бюджета, создание льготного инвестиционного климата (прежде всего за счет проведения либеральной налоговой политики) и контроль за расходами на социальные нужды и капитальное строительство.

На основе обширного статистического материала показано, как льготный режим налогообложения в сочетании с целенаправленной политикой государства способствовали превращению Гонконга в важный центр мировой экономической жизни.

Обширная информация с высокой степенью конкретизации и практической значимости содержится в разделе "Банковское дело". Здесь содержатся данные о всех субъектах банковской сферы. Сделан подробный обзор таких важных сегментов финансового рынка, как рынок валют, ценных бумаг, драгоценных металлов, фьючерсных сделок и рынок страховых услуг.

Современный Гонконг - это международный банковский центр. На конец 1993 г. 311 из 500 крупнейших зарубежных банков имели свои филиалы в Гонконге, а 140 филиалов гонконгских банков зарегистрировано за рубежом. Наряду с Лондоном, Цюрихом и Нью-Йорком Гонконг является одним из крупнейших международных центров тор-

говли драгоценными металлами. Очень важную роль играет Гонконг в осуществлении трансфертных валютных сделок на международном финансовом рынке.

Проанализированы основные тенденции развития банковской сферы Гонконга за последние два десятилетия, а также основные меры, предпринимаемые правительством для стабилизации национальной валюты.

Очевидно, что формирование новых тенденций в развитии банковской сферы Гонконга весьма тесно связано с перспективой объединения с континентальным Китаем, поэтому важное место в данном разделе посвящено рассмотрению влияния этого фактора. Динамичное развитие экономики Китая и развитие форм сотрудничества между Пекином и Гонконгом дают основания полагать, считают авторы, что это воссоединение не нарушит благоприятных тенденций развития банковской сферы. О достоверности этого вывода свидетельствуют и приводимые данные о возрастании роли гонконгских банков на мировом финансовом рынке.

Особый интерес вызывает анализ влияния расширения реэкспортных операций Гонконга на усиление его позиций в банковской сфере, что также свидетельствует, по мнению авторов, о заинтересованности Пекина в сохранении нынешнего статуса Гонконга.

В разделе "Инвестиции" подробно описаны все параметры инвестиционного рынка Гонконга, охарактеризованы его основные участники, приведен список крупнейших из них. Что касается географии распределения крупнейших инвесторов, то они представлены в следующем порядке: первые две позиции принадлежат английскому капиталу и капиталу зарубежных китайцев, далее следуют Япония, США и КНР.

В этом разделе авторы уделяют пристальное внимание анализу динамики движения капиталов в связи с предстоящим воссоединением Китая и Гонконга. Отмечается, в частности, что имевшая место миграция капиталов привела к некоторому ослаблению позиций Великобритании и усилению позиций КНР, Японии и США. Очевидно, что подобные процессы будут сказываться на структуре иностранных инвестиций в Гонконге. Вместе с тем, отмечают авторы, что изменение направления инвестиционных потоков сыграет положительную роль в стабилизации ситуации в переходный период воссоединения.

Авторы указывают также на усиление интереса зарубежных инвесторов к инвестициям в континентальный Китай, особенно в те отрасли и предприятия, в которых представлен гонконгский капитал.

Раздел "Внешняя торговля" дает информацию для бизнесменов, желающих раз-

вивать внешнеторговые связи с Гонконгом. В разделе приведены все международные договора и конвенции, участником которых является Гонконг. Имеются все законодательные акты, регулирующие внешнеэкономическую деятельность Гонконга по экспортно-импортному обмену. Большой интерес у читателей должна вызвать информация об особенностях таможенного регулирования внешнеэкономических связей. Здесь указаны ставки таможенных тарифов по группам товаров, порядок получения лицензий, определения квот и т.д.

Внешняя торговля является важнейшей сферой экономической жизни Гонконга: он поддерживает торговые связи почти с 200 странами и территориями. По объему экспортно-импортных операций Гонконг является вторым после Японии торговым партнером в Азии. Особое значение приобретает Гонконг как центр мировой транзитной торговли. В настоящее время на долю транзитной торговли приходится более 80% его внешнеторгового оборота.

К особенностям развития внешнеторгового сектора экономики Гонконга следует отнести его постоянное отрицательное saldo. Основными внешнеторговыми партнерами Гонконга являются КНР, США, Япония, Тайвань, Германия, Великобритания, Сингапур, Республика Корея, Австралия и Канада. На долю этих десяти стран приходится более 80% внешнеторгового оборота Гонконга.

Раздел "Производство" знакомит читателей с производственным сектором гонконгской экономики и системой ее обеспечения компонентами производства. Приведена структура производственных инвестиций, а также производственных инвестиций Гонконга за рубежом.

Разделы "Туризм" и "Предпринимательство" дают самое детальное представление об этих важных для Гонконга сферах. Здесь же содержится информация о результатах маркетинговых исследований в Гонконге.

Для организации и развития экономи-

ческого сотрудничества с Гонконгом большое значение имеет информация таких разделов, как "Сфера информационных услуг", "Транспорт и связь", "Коммунальное хозяйство", поскольку именно здесь приведены необходимые данные, которые должны учитываться контрагентами и потенциальными партнерами Гонконга. По всем видам транспортного обслуживания имеется всесторонняя и подробная информация.

Раздел "Рынок труда" посвящен анализу занятости, заработной платы и общественного благосостояния.

В последнем разделе, "Персоналии", содержится практические сведения о более или менее значимых должностных лицах, бизнесменах, политиках, влияющих на общественно-политическую или экономическую жизнь Гонконга.

Важной составной частью словаря является "Приложение", которое включает оригинальные тексты всех британско-китайских документов, регулирующих управление Гонконгом. Здесь же приведены реквизиты всех государственных и негосударственных органов и организаций, коммерческих и банковских структур. Такого рода материалам отведено более 300 страниц.

Это - уникальное издание, практическую и научную ценность которого трудно преувеличить. К достоинствам словаря следует отнести и то, что авторы не просто приводят данные, но и деляют их аналитическую обработку. Все положения и выводы, сформулированные авторами подтверждаются оригинальным официальным справочно-статистическим материалом, что повышает достоверность и обоснованность предлагаемых выводов.

Словарь очень удобен в работе, так как порядок подачи материала весьма рационален. Несомненно, что эта книга будет с большим интересом встречена научной общественностью и практическими работниками и внесет свой вклад в развитие российско-китайских отношений.

**В издательской фирме "Восточная литература" ВО "Наука" РАН
вышли в свет следующие работы сотрудников ИДВ РАН:**

1. Хлынов В.Н. "Японские "секреты" управления персоналом", М., 1995, 6 п.л., тираж 500 экз.

Монография дает всестороннее представление о традиционной японской системе организации труда, а также о постепенном переходе крупных и крупнейших предприятий Японии к новой модели управления наемным персоналом, обусловленном изменениями внешних и внутренних условий развития экономики страны. Особый интерес представляют главы, посвященные "человеческому фактору" и японскому опыту управления персоналом за рубежами Японии.

Выходят в свет в первом квартале 1996 г.:

1. Ежегодник "Китайская Народная Республика в 1993-94 годах", М., 1996, 30 п.л., тираж 500 экз.

В очередном 21-ом выпуске Ежегодника систематизированы основные сведения о социально-экономическом развитии, политике и культуре Китайской Народной Республики в 1993 и 1994 годах. Подробно анализируются ключевые процессы и важнейшие изменения в государственной и общественной жизни страны. В Ежегоднике постоянно ведутся разделы "Хроника" и "Персоналии".

2. Карлусов В.В. "Частное предпринимательство в Китае", М., 1996, 24 п.л., тираж 500 экз.

Работа представляет собой первое в российском и зарубежном востоковедении междисциплинарное системное исследование места и роли частного предпринимательства в современной рыночно-переходной экономике на примере Китая. На базе нового понятийного аппарата и анализа оригинальных первоисточников дается оценка китайского опыта развития приватизационного процесса, выявляются предпосылки, факторы, тенденции, динамические и структурные особенности формирования частнопредпринимательского сектора экономики, происходящего в условиях эволюционного перехода страны к рыночным отношениям.

3. Тихвинский Л.С., "Путь Китая к объединению и независимости (по материалам биографии Чжоу Эньлая) 1898-1949 годы", М., 1996, 40 п.л., тираж 1000 экз.

Автор книги видный китаевед - академик Тихвинский Л.С., основываясь на материалах биографии выдающегося политического и государственного деятеля Китая Чжоу Эньлая, освещает историю страны в период 1898-1949 гг. Обращение к биографии Чжоу Эньлая до октября 1949 г. позволяет на примере его личного участия в национально-освободительной борьбе китайского народа воссоздать историю Китая в первой половине XX века и тем самым завершает цикл работ автора, посвященных почти 100-летнему периоду китайской истории (середина XIX - середина XX веков), написанных в жанре исторических биографий.

Выходят в свет во втором квартале 1996 г.:

1. Ломанов А.В., "Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя", М., 1996, 15 п.л., тираж 500 экз.

Работа представляет собой исследование философских и историко-философских взглядов современного китайского постконфуцианского мыслителя Фэн Юланя (1895-1990). Анализируется оригинальная философская система "нового учения о принципе - универсалии", его связь с китайской традиционной философией; рассматривается учение о бытии, познании, человеке, социально-историческая и историко-философская теория, понимание ученым проблем взаимодействия философий Китая и Запада. Исследуется влияние на Фэн Юланя западной философии и место его системы в китайской философии XX века.

2. Новоселова Л.В. "Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР", М., 1996, 17 п.л., тираж 500 экз.

Автором исследуется весь комплекс вопросов, связанных с воздействием инвестиционной политики и инвестиционных факторов развития на процесс перехода от директивно управляемой к рыночной экономике. Особое внимание уделяется обоснованию того положения, что в рамках любой экономической системы национальная инвестиционная политика и отраслевая структура экономики, а также тип воспроизводственного процесса являются не только результатом, но также и важным фактором функционирования преобладающих экономических отношений. Показывается, что в отличие от получившей распространение в других странах "шоковой" модели рыночной трансформации в процессе экономической реформы в КНР учитывается необходимость синхронизации системных преобразований с соответствующими сдвигами в инвестиционно-структурной политике, осуществляемой в значительной степени посредством государственного экономического регулирования.

Работы, опубликованные в информационном бюллетене ИДВ РАН в 1995 г.

1. "Литература и искусство КНР начала 90-х годов" (ИБ - № 1). Сборник статей, коллектив авторов, объем 0,9 п.л.

Настоящий бюллетень представляет собой сборник, объединенный общей темой статей участников проекта "Литература и искусство КНР". В центре внимания авторов - анализ фактического материала, оценка конкретного состояния различных областей культуры Китая.

2. Семин А.В., "Эволюция и проблемы японо-китайских отношений (1972-1992 гг.)" (ИБ - № 2). Монография, объем 7,0 п.л.

Монография представляет интерес как комплексное исследование эволюции японо-китайских отношений со времени их послевоенного восстановления, проблем и тенденций развития основных направлений торгово-экономического сотрудничества двух стран, регионального аспекта двусторонних связей.

3. "Китай в мировой и региональной политике (История и современность)" (ИБ - № 3). Сборник статей, коллектив авторов, объем 10,0 п.л.

Настоящий сборник посвящен актуальным проблемам внешнеполитической и экономической деятельности Китая на современном этапе.

4. Ковалев Е.Ф., "Из истории влияния Октябрьской социалистической революции на Китай (1917-1923 гг.)". Монография, часть первая (ИБ - № 4), объем 12,0 п.л., часть вторая (ИБ - № 5), объем 11,0 п.л.

В монографии, состоящей из двух частей (1911-1921, 1921-1923 гг.) на основе критического использования широкого круга советских, китайских, западных документов и материалов историографии рассматривается влияние Октябрьской социалистической революции на Китай и вызванные им идейно-политические сдвиги в китайском обществе.

5. Галенович Ю.М., "Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год". Монография, часть первая - "Студенчество и интеллигенция" (ИБ - № 6), объем 7,6 п.л., часть вторая - "Коммунистическая партия Китая" (ИБ - № 7), объем 10,7 п.л., часть третья - "Телесериал "Плач по реке" (ИБ - № 8), объем 5,6 п.л.

Монография рассказывает о демократическом движении в 1989 г. в Пекине. В первой части читатель имеет возможность ознакомиться не только с ходом событий, но и получить представление о политических взглядах студенчества и демократически настроенной интеллигенции, известных правозащитников. Во второй части анализируется борьба в руководстве компартии Китая. Третья часть монографии посвящена столкновению двух идеологий: идеологии правящей партии, то есть КПК, и идеологии демократически и патриотически настроенных студентов и интеллигенции.

6. Хлынов В.Н., "Японские "секреты" управления персоналом". Монография (ИБ - № 9), объем 6,8 п.л.

Монография дает всестороннее представление о традиционной японской системе организации труда, а также о постепенном переходе крупных и крупнейших предприятий Японии к новой модели управления наемным персоналом, обусловленной изменением внешних и внутриэкономических условий развития японской экономики.

7. Портяков В.Я., "Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития (конец 70-х - первая половина 90-х годов)". Монография, часть первая - "Из истории зарождения экономической реформы в Китае (1978-1982)" (ИБ - № 10), объем 12,2 п.л., часть вторая - "Золотой век" экономической реформы в Китае (проблемы и процессы 80-х годов)" (ИБ - № 11), объем 12,1 п.л., часть третья - "Проблемы и процессы 90-х годов" (ИБ - № 12), объем 12,3 п.л.

Настоящая работа посвящена важной теме - поиску в КНР путей социально-экономического развития страны в последние полтора десятилетия, то есть процессам, доминировавшим в общественной жизни Китая в период "дэнсяопиновских реформ". В первой части анализируется начальный период экономических реформ в стране. Во второй части дается анализ проблем и процессов своеобразного "золотого века" китайской экономической реформы в 1983-1988 гг. В третьей части - впервые в российской китаеведческой литературе дан анализ формирования в Китае концепции макроэкономического регулирования, рынков ценных бумаг и недвижимости. Проанализированы особенности открытой внешнеэкономической политики Китая, в том числе на российском направлении.

8. "Актуальные проблемы Северо-Восточной Азии" (ИБ - № 13). Сборник статей, коллектив авторов, объем 10,0 п.л.

Настоящий сборник включает материалы, освещающие вопросы политики Японии, развития ситуации в США. В нем анализируются проблемы безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе, отношения Японии с Россией, Китаем, странами Восточной Азии, опыт экономического развития Японии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

**Издательство "Наука" РАН
обращает ваше внимание на следующие книги:**

Архив истории науки и техники. – М.: Наука, 1996. – 18,5 л. (п)

Авторы сборника анализируют актуальные теоретические и методологические проблемы историографии и источниковедения истории и техники.

*По всем вопросам приобретения книг просим обращаться
в Торговую фирму "Академкнига" РАН по адресу:
103624, ГСП, Москва, Б. Черкасский пер., 2/10.
Тел. торгового отдела: 923-72-84.*

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Оригинал-макет © 1996 г. Дмитрий Славинский

Сдано в набор 01.02.96 г. Подписано к печати 15.03.96 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 16,4 тыс. Уч.-изд. л. 15,0 Бум. л. 5,0
Тираж 1244 экз. Зак. 4050.

Отпечатано в Московской типографии №2 РАН, 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.